

social@com

2020

ISSN 2658-5855

12+

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
Том 5 № 2

SOCIAL COMPETENCE

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

педагогические науки

социологические науки

юридические науки

Редакционная коллегия

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Заместитель главного редактора – Пятковская Юлия Валерьевна, доктор юридических наук, заведующая кафедрой юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Жданко Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия)

Поветкина Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая отделом финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета (г. Иркутск, Россия)

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области (г. Иркутск, Россия)

Швецов Михаил Юрьевич, доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», профессор кафедры международного права и международных связей юридического факультета (г. Чита, Россия)

Редакционный совет

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Хабаровск, Россия)

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (г. Биробиджан, ЕАО, Россия)

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета. Президент Международной Академии психологических наук. (г. Ярославль, Россия)

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия» (г. Саранск, Россия)

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. (г. Иркутск, Россия)

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Туяя Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университета науки и технологий (г. Улан-Батор, Монголия)

Хагуров Темыр Айтчевич, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе и качеству образования Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук. (г. Краснодар, Россия)

Эрдэнэмаа Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор, Монголия)

EDITORIAL COLLEGIUM

Editor-in-Chief – Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Pyatkovskaya Julia Valeryevna, Doctor of Juridical Sciences, Head of Jurisprudence Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Zhdanko Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)

Povetkina Natalia Alekseevna, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Financial, Tax and Budget Legislation Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of State and Legal Disciplines Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sidorova Natalia Vasilievna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region (Irkutsk, Russia)

Shvetsov Mikhail Yurievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Trans-Baikal State University, Professor of International Law and International Relations Department, Faculty of Law (Chita, Russia)

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Khabarovsk, Russia)

Vorotilkina Irina Mikhailovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department, Sholem Aleichem Amur State University (Birobidzhan, Jewish Autonomous Region, Russia)

Kozlov Vladimir Vasilyevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences (Yaroslavl, Russia)

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic” (Saransk, Russia)

Podlinyaev Oleg Leonidovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department of Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Irkutsk, Russia)

Romashov Roman Anatolyevich, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Activities Department of Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honored Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Tuya Gotovyn, PhD, Professor, Head of European Studies Department of Mongolian State University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia)

Hagurov Temyr Aitechevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Quality of Education, Kuban State University, Leading Researcher of Sociology Institute, Russian Academy of Sciences. Full member of the Russian Academy of Social Sciences (Krasnodar, Russia)

Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department of Mongolian State University (Ulan Bator, Mongolia)

СОЦИАЛЬНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Содержание.....	169
Струк Е.Н. Слово главного редактора	170

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бисеров Ю.В. Роль регионального правового регулирования в успешности реализации инструментов государственно-частного партнерства на примере Приволжского Федерального округа.....	171
Гапонова Е.В. Правовые основы сотрудничества государств-членов Европейского Союза по гражданским делам.....	180
Куликов Е.А. Идеино-политические истоки евразийства в истории юридической мысли России.....	189
Пахаруков А.А. Понятие «конкурсоспособность» в российском правовом дискурсе	199
Юлбердина Л.Р. Использование опыта арбитражно-процессуальной модели протоколирования к положениям уголовно-процессуального закона.....	211

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Колесников А.С. Компаративная педагогика и качество образования: состояние и оценки.....	219
Ларионова Л.А. Исследование учебно-профессиональной мотивации студентов разных направлений подготовки (на примере ФГБОУ ВО «ИРНИТУ»).....	232
Попов А.И., Молоткова Н.В. Педагогическое сопровождение творческого саморазвития студента в цифровой среде.....	244
Федотова Л.А., Москвичев С.М. Социализация школьников и возможности ее реализации в системе довузовской подготовки.....	255

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сидорова Н.В. Исследование восприятия бренда вуза целевыми группами (на примере ИРНИТУ).....	260
Струк Е.Н. Феномен социальной компетентности в условиях режима самоизоляции в период пандемии COVID-19	271

Contents

Contents.....	169
Struk E.N. A letter from the editor-in-chief.....	170

JURIDICAL SCIENCES

Biserov Y.V. The role of regional legal regulation in successful implementation of public and private partnership instruments through the example of Volga Federal district.....	171
Garonova E.V. Legal framework for cooperation between member states of the European Union in civil matters.....	180
Kulikov E.A. Ideological and political origins of Eurasianism in the history of Russian legal thought.....	189
Pakharukov A.A. The concept "bankruptcy ability" in the Russian legal discourse.....	199
Yulberdina L.R. Experience application of arbitration procedure model of record keeping to provisions of criminal procedure law.....	211

PEDAGOGICAL SCIENCES

Kolesnikov A.S. Comparative pedagogy and quality of education: its status and evaluation.....	219
Larionova L.A. Study of academic and career motivation of different training programs students (the case of FSBEI "Irkutsk national research technical university").....	232
Popov A.I., Molotkova N.V. Pedagogical support of a student's creative self-development in the digital environment.....	244
Fedotova L.A., Moskvichev S.M. Schoolchildren's socialization and opportunities of its implementation in pre-university training system.....	255

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Sidorova N.V. Study of target groups' perception of the University brand (through the example of IRNITU)....	260
Struk E.N. Social competence in a self-isolation regime during the COVID-19 pandemic.....	271

СОЦИАЛЬНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Слово главного редактора

Дорогие читатели, авторы, коллеги!

Рада приветствовать вас на страницах июньского выпуска нашего научного электронного журнала «Социальная компетентность». Он выходит в разгар пандемии, когда большинство населения живет в режиме самоизоляции. Этот процесс оказал серьезное влияние на жизнь людей в нашей стране и во всем мире. По этой причине мы считаем, что анализ социальных, правовых, педагогических изменений поможет понять последствия социальной изоляции, найти оптимальные решения для возвращения людей к привычному ритму жизни и выработке компенсационных механизмов для тех, кто понес серьезный ущерб в результате пандемии.

В представляемом номере журнала опубликованы исследования, касающиеся различных тем, отмеченных нашими рецензентами в процессе отбора статей.

Раздел «Юридические науки» представлен аналитическими статьями юристов-практиков из г. Кирова – Ю.В. Бисерова о роли регионального правового регулирования в успешности реализации инструментов государственно-частного партнерства на примере Приволжского Федерального округа (Региональная общественная организация «Спортивная Федерация Фристайла Кировской области»), и Е.В. Гапоновой, о правовых основах сотрудничества государств-членов Европейского Союза по гражданским делам (ООО «Агентство юридических и консалтинговых услуг «Де Юре»), а также статьями, где анализ – это логическое продолжение изучения той научной проблемы, которой всецело занимаются авторы – Е.А. Куликов (г. Барнаул, АлтГУ) об идейно-политических истоках евразийства в истории юридической мысли России и А.А. Пахаруков (г. Иркутск, ИРГУПС) о понятии «конкурсоспособность» в российском правовом дискурсе, и наконец, интересная статья Л.Р. Юлбердиной (Стерлитамак) об использовании опыта арбитражно-процессуальной модели протоколирования к положениям уголовно-процессуального закона.

В разделе «Педагогические науки» подробно исследуются особенности учебно-профессиональной мотивации студентов разных направлений подготовки (Л.А. Ларионова, г. Иркутск, ИРНИТУ), вопросы компаративной педагогики и качества образования (А.С. Колесников, г. Санкт-Петербург, СПбГУ), педагогического сопровождения творческого саморазвития студента в цифровой среде (А.И. Попов, Н.В. Молоткова, г. Тамбов, ТГТУ), проблемы социализация школьников и возможности ее реализации в системе довузовской подготовки Л.А. Федотова, С.М. Москвичев (г. Волгоград, ВолгГТУ).

Раздел «Социологические науки» представляет серьезное исследование Н.В. Сидоровой (г. Иркутск, ИРНИТУ) об особенностях восприятия бренда вуза целевыми группами, а также актуальную статью Е.Н. Струк (г. Иркутск, ИРНИТУ), посвященную феномену социальной компетентности в условиях режима самоизоляции в период пандемии COVID-19 (ИРНИТУ).

Наш редакционный коллектив по-прежнему стремится к тому, чтобы издание было полезным и интересным не только тем, к кому обращено, в первую очередь, научным сотрудникам и преподавателям вузов, но и всем интересующимся проблемами социальной компетентности. Мы стараемся расширять географию наших авторов, а также работаем над повышением рейтинга журнала среди научных изданий.

Огромную благодарность выражаю редакторам, переводчикам, рецензентам, авторам, усилиями которых журнал оформлен и издан. Хочу пожелать коллективу журнала долгих лет жизни, роста популярности, новых статей, интересных авторов.

Поскольку издание выходит в конце учебного года, перед летним отдыхом поздравляю всех с завершением очень сложного периода, который принес нам не только испытания, но и новые возможности!

По-прежнему доступ ко всем номерам «Социальной компетентности» свободный, бесплатный для любого читателя. Журнал открыт для авторов из любого региона России, из любой страны, ведь он ориентирован как на русскоязычного, так и англоязычного читателя. Ждем Ваших материалов для публикации в следующих номерах!

С уважением, главный редактор журнала
«Социальная компетентность» Струк Елена Николаевна

Роль регионального правового регулирования в успешности реализации инструментов государственно-частного партнерства на примере Приволжского Федерального округа

© Ю.В. Бисеров

Региональная общественная организация «Спортивная Федерация Фристайла Кировской области», г. Киров, Россия

Аннотация: Настоящая статья посвящена определению роли регионального правового регулирования в успешном использовании инструментов государственно-частного партнерства, которое рассматривается, прежде всего, как возможность государства осуществлять важные инфраструктурные проекты со значительным территориальным охватом. Определено, что государственно-частное партнерство выступает как форма децентрализации государственной власти, а также как форма вовлечения субъектов Российской Федерации в процесс повышения их инвестиционной привлекательности. В статье называются некоторые причины, препятствующие эффективному развитию бизнеса в решении важных задач посредством государственно-частного партнерства. В работе анализируется взаимосвязь между развитостью нормативно-правовой базы субъекта в сфере государственно-частного партнерства, и успешностью применения его инструментов в некоторых субъектах Приволжского Федерального округа. В статье представлены статистические данные, позволяющие выделить лучшие регионы. С учетом этого проанализированы нормативно-правовые акты трех субъектов Российской Федерации (Нижегородской, Самарской, Кировской областей) с целью определения объема реализации нормотворческой компетенции в государственно-частном партнерстве и создании благоприятных условий для его развития на этих территориях. Исследование показало, что в наиболее успешных, с точки зрения инвестиционной привлекательности и развития государственно-частного партнерства регионах, создана надлежащая нормативная правовая база, достаточно подробно регламентирующая весь инвестиционный процесс, с момента инициирования проектов до завершения их реализации. Это позволило автору сделать вывод о наличии прямой зависимости между развитием регионального законодательства о государственно-частном партнерстве и инвестиционной привлекательностью субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, инвестиции, инвестиционный проект, общественная инфраструктура, региональное законодательство

Информация о статье: Дата поступления 18 марта 2020 г.; дата принятия к печати 01 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020 г.

Для цитирования: Бисеров Ю.В. Роль регионального правового регулирования в успешности реализации инструментов государственно-частного партнерства на примере Приволжского Федерального округа // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 2. С. 171–179.

The role of regional legal regulation in successful implementation of public and private partnership instruments through the example of Volga Federal district

© Yuvenali V. Biserov

Regional public organization «Freestyle Sports Federation of the Kirov Region», Kirov, Russia

Abstract: The purpose of this article is to determine the role of regional legal regulation in the successful implementation of public and private partnership instruments. First of all, public and private partnerships are considered as the ability of the state to implement important infrastructure projects with significant territorial coverage. It is determined that public and private partnerships act as a form of decentralization of state power, as well as a form of involvement of the Russian Federation legal entities in increasing their investment attractiveness. The article describes some of the reasons that impede the effective development of business involvement in solving important public problems through public and private partnerships. It analyzes interrelation between development of legal and regulatory framework of a legal entity in the field of public and private partnership and successful implementation of its instruments in some legal entities of Volga Federal District. The author presents statistical data that allow to identify the regions that are the most and least successful in the field of public and private partnership. With this in mind, regulatory legal acts of three regions of the Russian Federation (Nizhny Novgorod Region, Samara Region, Kirov Region) have been analyzed in order to determine the scope of implementation of legislative competencies in the field of public and private partnerships and create favorable conditions for its development in these regions' territory. The study has showed that in the most successful regions in terms of investment attractive-

ness and development of public and private partnerships, the proper legislative framework is set that regulates the investment process in sufficient detail of projects from inception to completion. This allowed the author to conclude that there is a direct correlation between the development of regional legislation on public and private partnerships and investment attractiveness of the Russian Federation legal entities.

Keywords: public and private partnership, investment, investment project, public infrastructure, regional legislation

Article info: Received March 18, 2020; accepted June 02, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Biserov Y.V. (2020) The role of regional legal regulation in successful implementation of public and private partnership instruments through the example of Volga Federal district. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. Pp. 171–179. (In Russ.)

Введение

Спектр функций современного государства постоянно расширяется, и экономические кризисы не могут остановить их исполнение, будь то обеспечение безопасности, социальная защита граждан или развитие инфраструктуры. Особую социальную значимость имеет реализация инфраструктурных проектов, специфика которых заключается в их высокой затратности и длительности. Вместе с тем, государство в условиях кризиса и экономических санкций вынуждено сокращать бюджетные расходы в данной сфере (Борщевский, 2020. С. 31), что зачастую приводит к снижению качества общественной инфраструктуры. Для предотвращения этого требуется вовлечение бизнеса в решение задач инфраструктурного развития посредством государственно-частного партнерства (далее по тексту – ГЧП). Это приобретает еще большую актуальность для стран со значительным территориальным охватом, когда у государства не хватает ресурсов для развития инфраструктурных проектов такого масштаба (Марковская, 2020. С. 248).

Нередко ГЧП рассматривается как альтернатива приватизации, поскольку эта модель взаимодействия сохраняет за государством ведущие функции контроля в значимых секторах экономики, раскрывая потенциал частного предпринимательства, а также представляет собой форму отношений, которая позволяет государству оптимизировать реализацию своих обязанностей перед обществом, т. е. предоставлять публичные блага населению (Колесникова, 2008. С. 112). Кроме того, ГЧП в мировой практике нередко используется для восстановления территорий, пострадавших от чрезвычайных ситуаций (Васильева, Колосов, Пятковская, 2020. С. 16). Одновременно

с этим, ГЧП представляет собой довольно эффективный механизм стимулирования предпринимательской деятельности (Аверкиева, 2017. С. 118), способствующий построению инновационной экономики (Березин, 2016. С. 200), положительно зарекомендовавший себя во многих зарубежных странах (Гончарова, Гиззатуллин, 2015. С. 8–9). Это объясняется тем, что наиболее ощутимые результаты, выражающиеся в конечном итоге в социально-экономическом развитии регионов России, достигаются в ходе прямого участия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в инвестиционной деятельности, сопровождаемого соответствующими бюджетными расходами (Арбатская, 2015. С. 83).

По состоянию на начало 2020 года в России насчитывалось почти 3,1 тыс. действующих, либо завершенных по истечении срока действия, концессионных соглашений с общим объемом инвестиционных обязательств в размере более 1,7 трлн руб., из которых 1,2 трлн руб. (или более 70 %) составляют внебюджетные инвестиции (с тенденцией к росту). Непокрытая потребность в инфраструктуре оценивается в 1,6 трлн руб. в год, или 4,7%¹.

В такой ситуации особую роль в развитии государственно-частного партнерства (ГЧП) в России занимают ее субъекты. Как показывает мировой опыт, использование ГЧП значительно активизирует потенциал регионов. В России сложились правовые условия и уже накоплен определенный опыт в сфере ГЧП. Из приведенных выше инвестиционных обязательств в размере 1,7 трлн

¹ Информационно-аналитический обзор Минэкономразвития РФ о развитии государственно-частного партнерства в Российской Федерации, февраль 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.economy.gov.ru/

руб. – ¼ – это частные инвестиции в региональные и муниципальные проекты. Для того чтобы эта тенденция стала устойчивой, необходимо преодолеть ряд препятствий. Так, по мнению И.Г. Левина, основной преградой повсеместному применению ГЧП на практике является дефицит информации, в том числе непрозрачность процедур ГЧП (Антонова, 2012. С. 12), и следующее из этого обстоятельства наличие предубеждений относительно использования механизмов ГЧП (Левин, 2012). Представляется, улучшению ситуации будет способствовать разработка оптимальной нормативно-правовой базы (Зверев, Коломок, Крапивенский. 2016, С. 137) и реализация соответствующих правовых норм на практике.

Методы

Исследование вопросов правового регулирования государственно-частного партнерства осуществлялось с использованием общенаучных методов: общенаучные методы диалектического познания правовой действительности, системно-структурный, формально-логический. Кроме того, применялся формально-юридический метод, а также сравнительно-правовой.

Основные результаты

Ст. 2 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее по тексту – Федеральный закон № 224-ФЗ) к источникам правового регулирования государственно-частного партнерства относит нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальные правовые акты.

Роль субъектов РФ в формировании нормативно-правовой базы в сфере ГЧП вряд ли можно переоценить. На откуп субъектам РФ отдан большой объем полномо-

чий в регулировании ГЧП, от определения органа, выступающего в качестве публично-го партнера, до определения механизмов реализации соглашения ГЧП на всех стадиях его реализации. Причем следует отметить, что региональное законодательство довольно активно развивалось в отдельных регионах еще до принятия Федерального закона № 224-ФЗ при отсутствии надлежащего федерального регулирования (Воробьев, 2016. С. 194).

Нередко в качестве фактора, препятствующего развитию в России ГЧП, указывается отсутствие единого подхода к оценке эффективности проектов государственно-частного партнерства (Ломовцева, Герасименко, 2016. С. 43). Вместе с тем, в настоящее время Минэкономразвития России утверждена официальная методика оценки эффективности проектов государственно-частного и муниципально-частного партнерства³, в соответствии с которой ежегодно Министерство экономического развития Российской Федерации публикует рейтинг субъектов РФ по уровню развития сферы государственно-частного партнерства (далее – рейтинг). При оценке уровня развития ГЧП в субъектах РФ учитываются три группы показателей:

- 1) развитость институциональной среды;
- 2) нормативно-правовое обеспечение ГЧП;
- 3) опыт реализации проектов.

В рейтинге за 2019 год пятерка лидеров выглядит следующим образом (табл.).

С юридической точки зрения интерес вызывает используемый при расчете рейтинга показатель: нормативно-правовое обеспечение ГЧП. Однако Министерство экономического развития Российской Федерации в рейтинге указывает баллы в совокупности факторов «развитость институциональной среды» и «нормативно-право-

² О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 14.07.2015.

³ Об организации в Минэкономразвития России работы по расчету показателя «Уровень развития сферы государственно-частного партнерства в субъекте Российской Федерации» за 2019 год Приказ Минэкономразвития России от 25.11.2019 № 762 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

Таблица

Рейтинг пятерки лидеров (2019 год)

Table

Rating of the five leaders (2019)

Место	Субъект РФ	Уровень развития сферы ГЧП (баллы)	Оценки факторов	
			Опыт (баллы)	ИС, НПО (баллы)
1.	Самарская обл.	98,7	70,0	28,7
2.	г. Москва	98,6	70,0	28,6
3.	Московская обл.	98,0	70,0	28,0
4.	Нижегородская обл.	96,9	70,0	26,9
5.	Пермский край	95,8	70,0	25,8

Таким образом, из 5 субъектов-лидеров рейтинга 3 субъекта входят в состав Приволжского Федерального округа (далее по тексту – ПФО). В целом, регионы, входящие в состав ПФО, занимают следующие позиции в рейтинге:

Место в рейтинге	Субъект РФ	Уровень развития сферы ГЧП (баллы)	Оценки факторов	
			Опыт (баллы)	ИС, НПО (баллы)
1.	Самарская обл.	98,7	70,0	28,7
4.	Нижегородская обл.	96,9	70,0	26,9
5.	Пермский край	95,8	70,0	25,8
16.	Удмуртская Республика	68,3	40,3	27,9
20.	Республика Башкортостан	64,4	37,2	27,2
25.	Ульяновская обл.	55,1	27,2	27,9
35.	Чувашская Республика	45,2	20,6	24,6
36.	Кировская обл.	44,7	22,3	22,4
37.	Саратовская обл.	44,7	18,5	26,2
39.	Оренбургская обл.	40,6	18,1	22,4
42.	Республика Мордовия	38,3	13,2	25,1
43.	Пензенская область	38,1	12,3	25,8

вое обеспечение ГЧП», поскольку значение данных факторов определяется экспертным путем. Тем не менее, наибольшее количество баллов по факторам «развитость институциональной среды» и «нормативно-правовое обеспечение ГЧП» как в ПФО, так и в целом по стране набирает Самарская область – 28,7. Наименьшие значения по данным факторам в ПФО имеют Кировская и Оренбургская области – 22,4. Данная разница в баллах дает основание сравнить лидеров рейтинга Самарскую и Нижегородскую области с аутсайдером рейтинга ПФО по фактору «нормативно-правовое

обеспечение ГЧП» Кировской.

Согласно методике, утвержденной Приказом Минэкономразвития России от 25 ноября 2019 г. № 762, критериями оценки фактора «нормативно-правовое обеспечение ГЧП» являются:

а) наличие правил принятия решений о заключении соглашений о государственно-частном партнерстве, концессионных соглашений на срок, превышающий срок действия утвержденных лимитов бюджетных обязательств;

б) соответствие нормативно-правовой базы субъекта Российской Фе-

дерации в сфере государственно-частного партнерства, в том числе концессионных соглашений, нормам федерального законодательства.

Согласно рекомендации Минэкономразвития России 2018 года по реализации проектов государственно-частного партнерства в целях увеличения объема инвестиций в инфраструктуру и повышения качества услуг, предоставляемых населению, субъекты РФ могут принимать дополнительные нормативные правовые акты, уточняющие или дополняющие положения Закона № 224-ФЗ, в частности:

– определить меры стимулирования частных инвесторов для применения механизмов ГЧП и МЧП;

– установить порядок межведомственного взаимодействия на этапе разработки и рассмотрения предложения о реализации проекта ГЧП, а также при организации конкурсных процедур для отбора частного партнера и осуществления контроля за исполнением соглашения о ГЧП;

– интегрировать данные о потребностях субъекта РФ в инфраструктурных инвестициях и сформировать перечень объектов, в отношении которых планируется заключение соглашений о ГЧП и МЧП. Такой перечень целесообразно размещать на инвестиционном портале региона и (или) сайте уполномоченного органа.

Проанализируем региональную нормотворческую практику с целью выявить насколько в субъектах РФ реализованы указанные полномочия.

В Нижегородской области принят Закон «О государственно-частном партнерстве в Нижегородской области»⁴, которым определяются не только компетенция органов государственной власти данного региона в сфере государственно-частного партнерства, но и формы участия государственной поддержки частного партнера в ГЧП, а также обеспечивает свободный бесплатный доступ к информации о соглашениях о государственно-частном партнер-

стве в Нижегородской области. Кроме того, постановлением Правительства Нижегородской области от 27.10.2016 № 722⁵ установлен порядок межведомственной координации деятельности органов исполнительной власти Нижегородской области при подготовке концессионных соглашений и соглашений о ГЧП, порядок взаимодействия власти Нижегородской области в сфере концессионных соглашений и ГЧП, а также устанавливает критерии эффективности проекта муниципально-частного партнерства.

Региональную нормативно-правовую основу государственно-частного партнерства в Самарской области составляет целый пакет нормативных правовых актов. Прежде всего следует назвать Закон Самарской области от 16.03.2006 №19-ГД «Об инвестициях и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Самарской области»⁶, которым установлены меры государственной поддержки инвестиционной деятельности на территории Самарской области и определены формы прямого участия органов государственной власти региона в инвестиционной деятельности. Нормы обозначенного законодательного акта находят свое развитие в постановлении Правительства Самарской области от 01.07.2016 № 338⁷, которым утвержден порядок взаимодействия органов исполнитель-

⁵ О подготовке и реализации проектов на основе концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном партнерстве, а также проведении оценки эффективности проекта муниципально-частного партнерства и определении его сравнительного преимущества: постановление Правительства Нижегородской области от 27.10.2016 № 722 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru, 31.10.2016.

⁶ Об инвестициях и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Самарской области: Закон Самарской области от 16.03.2006 № 19-ГД // Волжская коммуна. 2006. 17 марта.

⁷ О реализации отдельных положений Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» на территории Самарской области: постановление Правительства Самарской области от 01.07.2016 № 338 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (05.07.2016).

⁴ О государственно-частном партнерстве в Нижегородской области: Закон Нижегородской области от 31.08.2016 N 134-З // Нижегородские новости. 2016. 28 октября.

ной власти Самарской области при организации проведения конкурсов на право заключения соглашений о государственно-частном партнерстве, конкурсов в целях замены частного партнера по соглашениям о государственно-частном партнерстве, совместных конкурсов на право заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, а также при опубликовании решения о реализации проекта государственно-частного партнерства в случае его подготовки частным партнером и принятии заявок о намерении участвовать в конкурсе на право заключения соглашения о государственно-частном партнерстве и положение о межведомственной рабочей группе по подготовке проектов государственно-частного партнерства, заключению, исполнению и изменению соглашений о государственно-частном партнерстве. Наряду с этим, отдельным нормативным правовым актом – постановлением Правительства Самарской области от 06.02.2019 № 55⁸ определен порядок взаимодействия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в Самарской области при подготовке, заключении, изменении концессионных соглашений в отношении объектов теплоснабжения, централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельных объектов таких систем, концедентом по которым выступают муниципальные образования в Самарской области, с участием Самарской области в качестве третьей стороны. Кроме того, в данном субъекте РФ действуют:

– постановление Правительства Самарской области от 24.03.2016 № 131⁹, ко-

⁸ О внесении изменений в постановление Правительства Самарской области от 21.07.2015 N 443 "О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О концессионных соглашениях" на территории Самарской области: постановление Правительства Самарской области от 06.02.2019 № 55 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 12.02.2019.

⁹ Об утверждении Порядка определения формы реализации проектов с использованием механизмов государственно-частного партнерства, концессионных соглашений и иных форм государственно-частного взаимодействия, планируемых к реализации на территории Самарской области, и мониторинга их реализации: постановление Правительства

Самарской области от 24.03.2016 № 131 // Волжская коммуна. 2016. 29 марта.

– постановление Правительства Самарской области от 21.07.2015 № 443¹⁰, которым определен порядок реализации отдельных положений Федерального закона «О концессионных соглашениях» в Самарской области;

– распоряжение Правительства Самарской области от 31.01.2019 № 62-р¹¹, которым утвержден Перечень объектов, право собственности на которые принадлежит или будет принадлежать Самарской области, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений.

Особо следует отметить, что в структуре Министерства экономического развития и инвестиций Самарской области функционируют департамент инфраструктурного развития и государственно-частного партнерства, управление проектами государственно-частного партнерства, управление инвестиционной политики и развития инвестиционной инфраструктуры.

Охват широкого круга вопросов, связанных с государственно-частным партнерством, при формировании нормативно-правовой базы и создание серьезной организационной институциональной среды для развития ГЧП обуславливают лидерство Самарской области в рейтинге субъектов

Самарской области от 24.03.2016 № 131 // Волжская коммуна. 2016. 29 марта.

¹⁰ О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О концессионных соглашениях" на территории Самарской области: постановление Правительства Самарской области от 21.07.2015 № 443 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.07.2015.

¹¹ Об утверждении Перечня объектов, право собственности на которые принадлежит или будет принадлежать Самарской области, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений, на 2019 год: распоряжение Правительства Самарской области от 31.01.2019 № 62-р // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 05.02.2019.

Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства в 2019 году и привлечение крупных инвестиций для развития инфраструктуры региона.

Нормативно-правовую основу государственно-частного партнерства в Кировской области составляет четыре нормативно-правовых акта:

– Закон Кировской области от 02.07.2010 № 537-ЗО «О регулировании инвестиционной деятельности в Кировской области»¹², который в сфере регулирования вопросов, связанных с государственно-частным партнерством, ограничивается ссылкой на Федеральный закон № 224-ФЗ.

– Закон Кировской области от 16.06.2016 № 682-ЗО «О разграничении полномочий органов государственной власти Кировской области в сфере государственно-частного партнерства»¹³, который не устанавливает ни процедур заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, ни порядок взаимодействия органов власти при рассмотрении проектов ГЧП.

– Распоряжение Правительства Кировской области от 11.08.2016 № 15 «Об определении органов исполнительной власти Кировской области отраслевой (межотраслевой) компетенции, уполномоченных на осуществление от имени Кировской области полномочий публичного партнера в сфере государственно-частного партнерства»¹⁴, которым установлена лишь отраслевая подведомственность при определении органа, выступающего в

роли публичного партнера в рамках процедуры ГЧП, но не определен порядок взаимодействия органов власти при рассмотрении проектов ГЧП.

– Распоряжение Правительства Кировской области от 04.03.2016 № 46 «Об уполномоченном органе исполнительной власти Кировской области в сфере государственно-частного партнерства»¹⁵, устанавливающее уполномоченный орган исполнительной власти Кировской области, осуществляющий полномочия, предусмотренные ч. 2, ст. 17 Федерального закона № 224-ФЗ.

Региональная нормативно-правовая база для реализации государственно-частного партнерства в Кировской области не определяет ни порядка взаимодействия органов власти при рассмотрении проектов ГЧП, ни порядка принятия решений о реализации проекта ГЧП, ни порядка взаимодействия в ходе контроля и учета проектов ГЧП, а также не содержит правил принятия решений о заключении соглашений на срок свыше одного бюджетного цикла, однако по формальным признакам соответствует нормам Федерального закона о ГЧП.

Член Наблюдательного совета Федерального центра проектного финансирования, сопредседатель группы специалистов ЕЭК ООН по ГЧП от Российской Федерации Х.М. Салихов подчеркнул, что на основании законодательной практики совершенствование ГЧП в каждом отдельно взятом субъекте Федерации должно опираться, прежде всего, на определенную нормативную базу, позволяющую участникам проектов как властям, так и инвесторам, при реализации совместных проектов, взаимодействовать в рамках правового поля и «играть» по одним правилам (Салихов, 2009. С. 10).

Опыт ПФО является зеркальным отражением состояния ГЧП в целом в России, где по сей день в 17 субъектах РФ не только

¹² О регулировании инвестиционной деятельности в Кировской области: Закон Кировской области от 02.07.2010 № 537-ЗО // Вятский край. 2010. 13 июля.

¹³ О разграничении полномочий органов государственной власти Кировской области в сфере государственно-частного партнерства: Закон Кировской области от 30.06.2016 № 682-ЗО // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.07.2016.

¹⁴ Об определении органов исполнительной власти Кировской области отраслевой (межотраслевой) компетенции, уполномоченных на осуществление от имени Кировской области полномочий публичного партнера в сфере государственно-частного партнерства: распоряжение Правительства Кировской области от 11.08.2016 № 15 // Официальный информационный сайт Правительства Кировской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://kirovreg.ru>, 11.08.2016.

¹⁵ Об уполномоченном органе исполнительной власти Кировской области в сфере государственно-частного партнерства: распоряжение Правительства Кировской области от 04.03.2016 № 46 // Официальный информационный сайт Правительства Кировской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://kirovreg.ru>, 04.03.2016.

не развито законодательное регулирование обозначенной сферы, но и вообще нет проектов ГЧП даже на стадии инициирования (Ткаченко, 2016. С. 35). Отсутствие надлежащего правового регулирования сферы ГЧП совершенно справедливо рассматривается специалистами в качестве правового риска, препятствующего развитию ГЧП (Галкин, 2019. С. 656–657).

Заключение

Таким образом, уровень нормативно-правового регулирования в сфере ГЧП в субъекте РФ прямо пропорционален успешности привлечения инвестиций в этот

субъект. Потенциальная прибыль не является главным привлекательным фактором для инвестора, без гарантированной защиты интересов частного партнера, инвестиции в долгосрочной перспективе просто невысказаны. Несмотря на то, что основные гарантии партнеров установлены федеральными законами, активность субъектов РФ в развитии благоприятной, в т. ч. правовой среды для инвесторов, воспринимается, в первую очередь, как высокий уровень их заинтересованности в долгосрочном взаимовыгодном сотрудничестве.

Библиографический список

Аверкиева Е.С. Государственно-частное партнерство как институт стимулирования предпринимательской деятельности // Вопросы регулирования экономики. 2017. Том. 8. № 1. С. 117–130.
Антонова К.А. Государственно-частное партнерство как фактор социально-экономического развития России. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2012. 23 с.
Арбатская Ю.В. Инвестиционные расходы региональных бюджетов: правовые особенности // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2015. № 3. С. 82–87.
Березин А.Э. Институт государственно-частного партнерства в России: экономический и правовой аспекты // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 22. С. 199–202.
Борщевский Г.А. Государственно-частное партнерство. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 412 с.
Васильева Н.В., Колосов Н.В., Пятковская Ю.В. Финансово-правовые механизмы финансирования отдельных видов непредвиденных расходов // Академический юридический журнал. 2020. № 1. С. 12–19.
Воробьев М.М. К вопросу о месте правового регулирования государственно-частного партнерства в системе финансового права // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). С. 193–199.
Галкин И.В. Риск в праве. Правовое регулирование государственно-частного партнерства // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 656–658.

Гончарова Н.Н, Гиззатуллин Т.И. Современное правовое регулирование государственно-частного партнерства в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 7–12.
Зверев Д.С., Коломок О.И., Крапивенский А.С. Совершенствование правового регулирования государственно-частного партнерства // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2016. № 2. С. 133–141.
Левин И.Г. Поддержка государственно-частного партнерства – как это работает в Германии // LEXPRO. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lexpro.ru/opinions/view/893> (02.04.2020).
Ломовцева О.А., Герасименко О.А. Тенденции развития общественной инфраструктуры и механизмов государственно-частного партнерства в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. № 23. С. 43.
Марковская Е.И. Механизмы государственно-частного партнерства. Теория и практика. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 491 с.
Салихов Х.М. Законодательное совершенствование механизмов государственно-частного партнерства: региональные аспекты // Государственно-частное партнерство. Пути совершенствования законодательной базы. М.: Альпина Паблишерз, 2009. С. 9–13.
Ткаченко И.Н. Государственно-частное партнерство. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 188 с.

References

Averkieva E.S. (2017) Public and private partnership as an institution of stimulating entrepreneurial activity. Journal of Economic Regulation. Vol. 8. No. 1. P. 117–130. (In Russ.)
Antonova K.A. (2012) Public-private partnership as a factor in the socio-economic development of Russia. Moscow: Finance University under the Government of the Russian Federation (FinU). 23 p. (In Russ.)
Arbatskaya YU.V. (2015) Investment costs of regional budgets: legal features. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina* = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). No. 3. P. 82–87. (In Russ.)
Berezin A.E. (2016) The institute of public-private partner-

ships in Russia: economic and legal aspects. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* = Priority research areas: from theory to practice. No. 22. P. 199–202. (In Russ.)
Borshchevskii G.A. (2020) Public-private partnership. Moscow: Yurait. 412 p. (In Russ.)
Vasil'eva N.V., Kolosov N.V., Pyatkovskaya YU.V. (2020) Financial and legal mechanisms for financing some types of unforeseen expenses. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* = *Academical Law Journal*. No.1. P. 12–19. (In Russ.)
Vorob'ev M.M. (2016) To a question of the place of legal regulation of public-private partnership in the system of

financial law. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal* = Leningrad legal journal. No. 2 (44). P. 193–199. (In Russ.)
Galkin I.V. (2019) Risk in law. Legal regulation of public-private partnerships. *Yuridicheskaya tekhnika* = Juridical techniques. No. 13. P. 656–658. (In Russ.)
Goncharova N.N., Gizzatullin T.I. (2015) Modern legal regulation of public and private partnerships in Russia. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* = Baltic humanitarian journal. No. 2 (11). P. 7–12. (In Russ.)
Zverev D.S., Kolomok O.I., Krapivenskii A.S. (2016) Improving the legal regulation of public-private partnerships. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta* = Herald of the Moscow university of finances and law MFUA. No. 2. P. 133–141. (In Russ.)
Levin I.G. (2013) Support for public-private partnerships - how it works in Germany. LEXPRO. Retrieved from <http://www.lexpro.ru/opinions/view/893> (02.04.2020). (In Russ.)

Критерии авторства

Бисеров Ю.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Бисеров Ювеналий Владимирович, руководитель (ревизор), Региональная общественная организация «Спортивная Федерация Фристайла Кировской области, исполнительный директор ООО «МОРОЗОВ», 610002, г. Киров, ул. Милицейская, д. 14. Россия, ✉ e-mail: iuvenaly.biserov@yandex.ru

Lomovtseva O.A., Gerasimenko O.A. (2016) Trends in development of public infrastructure and mechanisms of public-private partnership in Russia. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika, informatika* = Belgorod State University Scientific. Scientific Bulletin. No. 23. P. 43. (In Russ.)
Markovskaya E.I. (2020) Mechanisms of public-private partnership. Theory and practice. Moscow: Yurait. 491 p. (In Russ.)
Salikhov H.M. (2009) Legislative improvement of public-private partnership mechanisms: regional aspects. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo. Puti sovershenstvovaniya zakonodatel'noj bazy* = Public-private partnership. Ways to improve the legislative framework. Moscow: Al'pina Pablisherz. P. 9–13. (In Russ.)
Tkachenko I.N. (2019) Public and private partnership. Moscow: Yurait. 188 p. (In Russ.)

Criteria for Authorship

Biserov Y.V. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Yuvenali V. Biserov, Head (Auditor) of the regional public organization «Freestyle Sports Federation of the Kirov Region»; executive director of LLC «MOROZOV», 14 Militseyskaya Street, Kirov, 610002, Russia, ✉ e-mail: iuvenaly.biserov@yandex.ru

Правовые основы сотрудничества государств – членов Европейского Союза по гражданским делам

© Е.В. Гапонова

Агентство юридических и консалтинговых услуг «Де Юре», г. Киров, Россия

Аннотация: В статье исследуются особенности взаимодействия государств – членов Европейского Союза в рамках пространства свободы, безопасности и правосудия. Одним из ключевых элементов в этом вопросе является правовое регулирование процессов, складывающихся в сфере сотрудничества по гражданским делам. С учетом этого автором проанализировано взаимодействие органов Европейского Союза и национальных государств. Особое внимание уделено практике Суда Европейского Союза по проблемам, возникающим в ходе правоприменения. В процессе исследования выявлены значительные противоречия в части определения надлежащего способа извещения лиц, вручения им документов, а также с выбором языка, на котором они составляются. Законодательство Европейского Союза устанавливает только общие рамки такого регулирования, оставляя большую часть процессуальных вопросов в компетенции национальных государств. Все это существенно затрудняет процесс, так как в случаях, когда сторона по делу проживает в государстве, в котором приняты иные процессуальные нормы, судьям приходится изучать законодательство другой страны, к примеру, для надлежащего извещения. Возникает необходимость создания механизма, сводящего к минимуму недостатки разработанной на сегодняшний день системы. Автор приходит к выводу, что проблема может быть решена на уровне Европейского Союза посредством создания общеευропейского процессуального акта по гражданским делам.

Ключевые слова: Европейский Союз, пространство свободы, безопасности и правосудия, судебное сотрудничество, гражданские дела, Суд Европейского Союза

Информация о статье: Дата поступления 03 мая 2020 г.; дата принятия к печати 02 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020.

Для цитирования: Гапонова Е.В. Правовые основы сотрудничества государств – членов Европейского Союза по гражданским делам // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 2. С. 180–188.

Legal framework for cooperation between member states of the European Union in civil matters

© Ekaterina V. Gaponova

Agency of Legal and Consulting Services "De Jure", Kirov, Russia

Abstract: The article examines the features of interaction of member states of the European Union within a common space of freedom, security and justice. One of the three key elements in this regard is the legal regulation of processes developing in cooperation in civil proceedings. Against this background, the author has analyzed the issues of interaction between the bodies of the European Union and national States in the framework of building a common mechanism for cooperation in civil matters. Particular attention is paid to the analysis of the practice of Court of Justice of the European Union in regards to issues arising in the course of law enforcement. During the study, significant contradictions were identified in terms of determining the appropriate method of service of summons, service of process, as well as related to the choice of language in which court documents are drawn up. The legislation of the European Union establishes only a General framework for such regulation, leaving most of the procedural issues in the competence of national States. All this significantly complicates the process, since in cases where the party to the case resides in a state where different procedural rules are adopted; the judges have to study the legislation of another country, for example, for applicable service of summons. This raises the need for creation of a mechanism that minimizes the shortcomings of the system developed to date. The author concludes that the problem can be solved at the supranational level by creating a pan-European procedural act in civil cases.

Keywords: European Union, the area of freedom, security and justice, judicial cooperation, civil matters, European Court of Justice

Article info: Received May 03, 2020; accepted for publication June 02, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Gaponova E.V. (2020) Legal framework for cooperation between member states of the European Union in civil matters // *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. P. 180–188. (In Russ.)

Введение

Развивающийся в современном мире процесс глобализации предполагает наличие постоянных контактов государств в различных сферах деятельности (Потемкина, 2018. С. 23). Это приводит к тому, что перед наднациональными органами встает вопрос обеспечения внутренней безопасности и модификации системы взаимодействия органов правосудия (Войников, 2015 С. 55). Суд Европейского Союза неоднократно в ежегодных докладах отмечал важность укрепления судебного сотрудничества в интересах качественного европейского правосудия (ежегодный доклад Суда Европейского Союза, 2018. С. 8). Исследованию данной проблемы посвящены труды В.В. Войникова, М.Л. Энтина (Войников, Энтин, 2019. С. 7), О.Ю. Потемкиной (Потемкина, 2011. С. 4), которые подробно описывали механизмы сотрудничества государств в рамках обозначенного пространства. Между тем на сегодняшний день отсутствует комплексное исследование проблем взаимодействия национальных государств как в целом, так и в сфере организации судопроизводства по гражданским делам. Кроме того, в последнее время все чаще стали высказываться суждения о необходимости разработки в Европейском Союзе (далее – ЕС) единого законодательного акта, устанавливающего правила судопроизводства по гражданским делам (Сильвестри, 2016. С. 164; Лазарев, 2018. С. 50), что требует обсуждения.

Методы

Исследование теоретических аспектов функционирования учреждений ЕС и национальных органов в рамках сотрудничества по гражданским делам, а также понятийного аппарата пространства свободы, безопасности и правосудия проведены с использованием общенаучных методов: так, системный метод, методы анализа и синтеза применялись на протяжении всей работы. В качестве частно-правового метода для выявления сходств и различий в национальном законодательстве государств-членов ЕС был употреблен сравнительно-правовой метод, что дало возможность выявить определенные противоречия при правовом сотрудничестве государств. Также при исследовании юридических кон-

струкций был применен специальный формально-юридический метод.

Результат

На сегодняшний день вопросы сотрудничества государств-членов ЕС регламентированы целым рядом документов, которые в своей совокупности образуют некое надгосударственное право (Кашкин, 2014. С. 3). 22 декабря 2000 года государствами-участниками ЕС был принят Регламент № 44/2001 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (далее – Регламент 2000 г.). В целом в данном документе остались положения, которые существовали ранее в иных документах, однако, свое действие он стал распространять исключительно на государства-члены ЕС (Преамбула Регламента 2000 г.). В п. 1 Преамбулы Регламента 2000 г. впервые была закреплена задача государств – поддержание и развитие пространства свободы, безопасности и правосудия, на что и были направлены положения Регламента 2000 года. Им также были закреплены в Приложениях II, III, IV списки компетентных органов национальных государств, рассматривающих заявления о признании решений и об их исполнении, а Приложениями V, VI установлены образцы сертификатов решений судов, используемые в целях подтверждения их подлинности.

В 2001 году по инициативе Председателя Суда ЕС и председателей конституционных и верховных судов 28 государств-членов было принято Решение Совета ЕС 2001/470/ЕС от 28 мая 2001 г. о создании Европейской сети судебной взаимопомощи по гражданским и коммерческим делам (далее – Решение «О сети судебной взаимопомощи»). Данная сеть заработала относительно недавно – в 2017 году (ежегодный доклад Суда Европейского Союза, 2018. С. 58). Согласно ст. 2 Решения «О сети судебной взаимопомощи» она состоит из контактных центров, созданных государствами-членами всех центральных органов, созданных в рамках формирования пространства свободы, безопасности и правосудия, магистратов по связи, профессиональных объединений практикующих юристов, а также из иных судебных и админи-

стративных органов национальных государств. В ст. 3 Решения «О сети судебной взаимопомощи» обозначены задачи: разработка, учреждение и обновление информационной системы для членов сети, предоставление облегченного доступа к правосудию посредством предоставления информации о работе Европейского сообщества (на сегодняшний день – ЕС) и международных актов в сфере судебного сотрудничества по гражданским и коммерческим делам.

Сеть по смыслу Решения «О сети судебной взаимопомощи» должна стать площадкой не только для облегчения рассмотрения дел, но и для обмена мнениями о существующем правовом регулировании сферы сотрудничества государств по гражданским делам, для внесения предложений по его совершенствованию, для обсуждения практических и правовых проблем, возникающих в ходе применения норм регламентов (ст. 9 Решения «О сети судебной взаимопомощи»). Полномочия по управлению данной системой в соответствии со ст. 17 Решения «О сети судебной взаимопомощи» возложены на Европейскую комиссию. Первым достижением сети еще в январе 2018 года, менее чем через год после ее запуска, стало создание совместной платформы, доступной на всех языках ЕС, которая объединяет работу, выполняемую судьями Суда ЕС и национальными судьями в ходе их судебной деятельности.

Таким образом, судьи обладают инструментом, позволяющим им предоставлять своим коллегам доступ к своей судебной практике, а также к исследовательской и аналитической работе в целях обмена знаниями. Сеть в настоящее время насчитывает более 2 000 пользователей, в дальнейшем доступ к документации, размещенной в сети, планируется предоставить общественности (ежегодный доклад Суда Европейского Союза, 2018. С. 58).

Между тем, развитие пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС не стояло на месте. На заседании в Брюсселе, состоявшемся 10–11 декабря 2009 года, Совет Европейского Союза принял новую, рассчитанную на несколько лет, программу с названием «Стокгольмская програм-

ма – открытая и безопасная Европа, которая служит своим гражданам и защищает их» (далее – Стокгольмская программа). В этом документе Совет Европейского Союза закрепил решение о необходимости продолжать процесс ликвидации всех промежуточных мер по признанию и исполнению иностранных судебных решений в период действия Программы. Ею также была предусмотрена задача по разработке мер для унификации коллизионных норм об определении юрисдикции по гражданским и коммерческим делам, а также для упрощения и ускорения процедуры признания и исполнения судебных решений. Постановка таких задач была связана с тем, что различия национальных законов затрудняют функционирование развивающегося внутреннего рынка.

Следовательно, развитие пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС основывается на необходимости доверия национальных государств друг к другу при отправлении правосудия в Европейском Союзе. Несомненно, это будет оправдывать принцип, согласно которому судебные решения, вынесенные в одном государстве–члене Европейского Союза, должны признаваться во всех государствах–членах Европейского Союза без какой-либо дополнительной процедуры (Терехов, 2015. С. 86). В результате решение суда любого государства–члена Европейского Союза будет иметь в других государствах–членах Европейского Союза ту же силу, что и решения собственных судов. Это станет большим шагом на пути к интеграции всех сфер жизнедеятельности Европейского Союза.

Наряду с этим активно стали обсуждаться вопросы обновления документов, регламентирующих сотрудничество государств – членов ЕС по гражданским делам (Щукин, 2018. С. 98). Следствием этого стало принятие 12.12.2012 г. в г. Страсбурге Регламента № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (далее – Регламент 2012). И. Мавракис отмечает, что с помощью данного документа государствами–членами Европейского Союза «предпри-

нимается попытка остановить поток параллельных судебных разбирательств в государствах-членах Европейского Союза, чьи суды обязаны разрешать трансграничные имущественные споры» (Мавракис, 2019. С. 10). Между тем, данная задача не может быть разрешена в отсутствие нормативного регулирования такого мероприятия как получение доказательств и осуществление документооборота, необходимого для соблюдения права всех участников судебного производства по доступу к правосудию.

28 мая 2001 года в г. Брюсселе был подписан Регламент № 1206/2001 Совета Европейского Союза «О сотрудничестве судов государств-членов Европейского Союза при получении доказательств по гражданским и коммерческим делам» (в редакции Регламента № 1103/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 22 октября 2008 г.) (далее – Регламент о получении доказательств). На основании ст. 2 Регламента о получении доказательств, каждое государство-член Европейского Союза определяет перечень судов, ответственных за истребование доказательств. Это способствует тому, что институты Европейского Союза смогут отслеживать, кто ответственен за несоблюдение положений Регламента о получении доказательств.

Анализ положений Регламента о получении доказательств показывает, что его нормы направлены на ускорения процедуры сбора доказательств. Однако в полной мере ускорить процесс доказывания не удалось. Так, в ст. 10 Регламента о получении доказательств установлен срок 90 дней со дня получения запроса для проведения мероприятий по ответу на запрос. Усложняет процесс сбора доказательств то, что согласно абзацу 12 Преамбулы и ст. 10 Регламента о получении доказательств запрашиваемый суд исполняет запрос в строгом соответствии с законодательством государства-члена Европейского Союза, в котором он учрежден. Таким образом, запрашивающему государству необходимо при получении доказательств легализовать их в соответствии со своим законодательством (ст. 17 Регламента о получении доказательств).

Затрудняет процесс получения доказательств также то, что согласно абзацу 16 Преамбулы, ст. 18 Регламента о получении доказательств суд запрашиваемого государства может требовать залог и аванс от запрашивающего государства в счет компенсации расходов на выполнение требований запроса. Так, в случае невнесения денежных средств запрашивающему государству может быть отказано в удовлетворении запроса (ч. 2 ст. 14 Регламента о получении доказательств).

В Регламенте о получении доказательств более полно описывается порядок взаимодействия с институтами Европейского Союза: согласно ст. 22 Регламента о получении доказательств Европейская комиссия обеспечивает общедоступность информации о правилах рассмотрения запросов, а также об органах, их рассматривающих, данную информацию Комиссии предоставляют суды государств-членов Европейского Союза. Для того чтобы оперативно отслеживать изменения в сфере сотрудничества по получению доказательств, Регламентом о получении доказательств в ст. 23 предусмотрена обязанность Европейской комиссии каждые пять лет отчитываться о практике применения данного регламента Европейскому парламенту, Совету Европейского Союза.

Таким образом, данный документ имеет как негативные стороны, выражающиеся в несоответствии положениям иных регламентов, так и положительные стороны, в частности, регламенты устанавливают нормы, касающиеся взаимоотношений между Европейским Союзом и его членами по вопросам регулирования пространства свободы, безопасности и правосудия.

Еще одной областью сотрудничества по гражданским судебным делам является передача судебных и внесудебных документов. Правоотношения в данной области регулируются Регламентом № 1393/2007 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О передаче судебных и внесудебных документов по гражданским и коммерческим спорам, и об отмене Регламента Совета ЕС 1348/2000» (Принят в г. Страсбурге 13.11.2007 г.) (далее – Регламент о вручении документов).

Абзац 6 Преамбулы Регламента о

вручении документов говорит о том, что для обеспечения эффективности и ускорения судебных процедур по гражданским делам необходимо передавать судебные и внесудебные документы быстрым способом и непосредственно органам, назначенным государствами-членами Европейского Союза. При этом Регламент о вручении документов не распространяет свое действие на их вручение представителям сторон, что также осложняет процесс надлежащего извещения (п. 8 Преамбулы Регламента о вручении документов).

Учитывая вышеизложенное, а также трудности, которые могут возникнуть в связи с этим, настоящий Регламент устанавливает, что дата вручения определяется в соответствии с законодательством того государства-члена Европейского Союза, в которое направляется документ. Однако так как в соответствии с законодательством государства-члена Европейского Союза документ должен быть вручен в течение определенного срока, то он определяет согласно законодательству государства-члена Европейского Союза-отправителя. Данная система двойных дат существует всего в нескольких государствах-членах Европейского Союза (Войников, 2018. С. 92).

Согласно ст. 7 Регламента о вручении документов получающее учреждение вручает или получает документ либо в соответствии с законодательством государства-члена Европейского Союза, в которое направляется документ, либо способом, указанным сопровождающим учреждением, если он не противоречит законодательству этого государства-члена Европейского Союза. Также в данной статье установлены сроки на вручение документа – не позднее одного месяца с даты получения соответствующего запроса. На наш взгляд, установленный срок позволяет избежать нарушений порядка извещения сторон, что в дальнейшем позволит исключить отмены решений судов и снизить риск самоотвода суда от рассмотрения дела, ввиду ненадлежащего извещения ответчика. Однако это не способствует ускорению рассмотрения дела: процесс извещения становится более бюрократизированным, появляются дополнительные расходы, которые по ст. 11 Регламента о вручении документов подле-

жат возмещению (Storme. С. 10).

Достаточно противоречивые положения содержит в себе ст. 9 Регламента о вручении документов: так, по общему правилу дата вручения определяется в соответствии с законами, имеющимися в государстве, передающем документ. Но в ч. 2 ст. 9 говорится о том, что в случае, если законодательством государства-отправителя установлен определенный срок вручения документов, то дата вручения определяется, исходя из его норм. Считаем, что целесообразнее предусмотреть в законодательстве государств-участников Европейского Союза идентичные нормы о порядке и датах вручения судебных и внесудебных документов, чтобы не возникало спорных ситуаций.

Это также позволит устранить противоречия, содержащиеся в ч. 3 ст. 8 Регламента о вручении документов: так, в ней говорится о том, что в случае, если адресат отказался принять документ ввиду отсутствия его перевода на понятный ему язык, а также при условии содержания в законе государства-отправителя специальных сроков вручения документа, датой вручения адресату будет являться предоставление ему изначально непереведенного документа. По нашему мнению, данная ситуация приводит к существенному нарушению прав адресата: представим, что необходимо было вручить ему повестку на судебное заседание, из которой гражданин не смог понять ни основания иска, ни дату и время заседания, ни свои права, разъясненные в ней. Однако его надлежащее уведомление презюмируется. При этом ст. 19 Регламента о вручении документов говорит о том, что в любом случае необходимо проверять, достаточно ли времени было предоставлено ответчику с момента их вручения до даты проведения судебного заседания.

Регламент о вручении документов также содержит отдельные положения о порядке взаимодействия органов национальных государств и Европейского Союза: государства-члены Европейского Союза направляют в Европейскую комиссию информацию о практике вручения судебных и внесудебных документов (ст. 23 Регламента о вручении документов). Европейская комиссия, в свою очередь, каждые пять

лет отчитывается перед Европейским парламентом, Советом Европейского Союза о применении Регламента о вручении документов.

Пробелы и противоречия положений Регламента о вручении документов приводят к дальнейшим судебным спорам. Например, в начале 2020 г. Судом Европейского Союза был рассмотрен спор, касающийся порядка вручения судебных документов. Согласно факту данного дела, в 2017 году водитель, имеющий domicilio в Польше, попал в дорожно-транспортное происшествие в Германии. За это он был привлечен судом Германии к ответственности в виде лишения права управления транспортным средством, а также обязался выплатить убытки потерпевшей стороне. Водителем в качестве лица, имеющего право получать судебные документы в Германии, был выбран работник местного суда. Постановление о привлечении к административной ответственности, а также решение суда по делу о взыскании убытков было передано уполномоченному лицу, который перенаправил его в Польшу через почту. Информации о том, получил ли водитель данное постановление и судебное решение, не имеется. Позднее водитель был остановлен сотрудниками полиции Германии за то, что вел машину без водительских прав. В отношении водителя было возбуждено уголовное дело. У судебного органа Германии возник вопрос: был ли водитель извещен надлежащим образом о том, что он был привлечен к административной ответственности, а также о том, что в отношении него было вынесено судебное решение по гражданскому делу. По данному спору было постановлено, что суды правильно применили нормы, отраженные в Регламенте о вручении документов, так как все судебные документы были вручены уполномоченному водителем лицу, которое не обязано узнавать, доставлены ли документы непосредственно адресату.

По ряду категорий гражданских дел были приняты отдельные регламенты, устанавливающие правила определения юрисдикции судов. Так, в частности, был принят Регламент Совета Европейского Союза 2201/2003 от 27 ноября 2003 г. «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение

судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий Регламент (ЕС) № 1347/2000» (далее – Регламент о юрисдикции по семейным делам). Несмотря на то, что Регламент о юрисдикции по семейным делам действует уже практически двадцать лет, до настоящего времени Суд Европейского Союза толкует его спорные положения по запросам судов национальных государств (Терновая, 2019. С. 49).

Так, в деле № C-759/18 Order ECLI:EU:C:2019:816 от 03.10.2019 г. был рассмотрен запрос национального суда Румынии: суд считал, что он не вправе рассматривать дело о разводе граждан Румынии, постоянно проживающих в Италии, имеющих несовершеннолетнего ребенка. Суд Европейского Союза указал, что в случае подачи заявления о разводе в суд государства-члена общего гражданства супругов, этот суд обладает юрисдикцией выносить решения по их заявлению. Только в случае, если одновременно разрешается вопрос о присуждении алиментов на содержание ребенка, дело находится в юрисдикции суда, расположенного по месту постоянного проживания граждан. В данной же ситуации дело было рассмотрено в Италии, а это означает, что препятствий для разбирательства дела в суде Румынии не имелось.

Еще одним шагом к унификации правил гражданского судопроизводства в Европейском Союзе стало принятие 21.04.2004 г. Советом Европейского Союза Регламента № 805/2004, устанавливающего Европейский исполнительный лист (ЕИЛ) для бесспорных требований (далее – Регламент об исполнительном листе). В этой связи Д.В. Литвинский отмечает возможность перехода в отношениях между странами Европейского Союза к общему применению режима безэкзекватурного автоматического исполнения судебных решений по гражданским и коммерческим делам. Согласно ст. 5 указанного Регламента об исполнительном листе, нельзя отказать в исполнении бесспорного решения. Согласно ст. 6 Регламента об исполнительном листе при условии, что в государстве-члене Европейского Союза решение подлежит принудительному исполнению, суд, вынесший

решение, по заявлению стороны выдает Европейский исполнительный лист.

Интересной представляется ст. 14 Регламента об исполнительном листе, разрешающая вручать копии судебных документов без подтверждения о вручении непосредственно должнику. Так, документ может быть вручен человеку, проживающему с должником, либо коллеге должника. Данное положение вступает в определенные противоречия со ст. 45 Регламента 2012, которая предусматривает возможность отказа в признании решения суда, если ответчик был ненадлежащим образом извещен, что повлекло за собой невозможность подготовиться к судебному заседанию. Исходя из толкования положений Регламента 2012 следует, что ответчик должен лично получать все судебные и внесудебные документы.

Также норма Регламента об исполнительном листе противоречит ст. 7 Регламента о вручении документов, согласно которой документы должны быть вручены адресату либо в соответствии с нормами законодательства государства, осуществляющего вручение, либо по правилам, отмеченным в поручении.

Несовершенство Регламента об исполнительном листе порождает у судов вопросы по его правоприменению. В частности, вплоть до 2016 года у судов государств-участников Европейского Союза имелись различные мнения относительно того, в какой процедуре и какой орган должен выдавать Европейский исполнительный лист. Окружной суд города Болоньи обратился в Суд Европейского Союза с запросом: является ли сертификация судебного решения в качестве европейского исполнительного листа административной или судебной процедурой. Суд Европейского Союза в деле № C-511/14 *Pebros Servizi Srl v Aston Martin Lagonda Ltd* от 14.01.2016 г. обозначил единственно правильную позицию: процедура сертификации может быть осуществлена только в рамках судебной процедуры и входит в исключительную компетенцию судьи.

Чаще всего при применении национальными судами регламентов, указанных выше, возникают вопросы в части того, что разными государствами по-разному вос-

принимаются термины, используемые в них (Бирюков, 2016. С. 77). В 2016 году итальянские суды обратились в Суд Европейского Союза с запросом о том, что понимается под термином «неоспариваемый иск»: в законодательстве Европейского Союза к делам, по которым выносится решение по неоспариваемому иску, относится ситуация, когда ответчик не является на судебное заседание и не представляет в суд отзыв или возражения на исковое заявление (абзац 5 Преамбулы Регламента № 805/2004). Между тем законодательством Италии данные обстоятельства не признаются в качестве признания долга ответчиком. Этот вопрос был рассмотрен в деле № C-511/14 *Pebros Servizi Srl v Aston Martin Lagonda Ltd* от 14.01.2016 г. Суд Европейского Союза указал, что при применении регламентов в сфере свободы, безопасности и правосудия необходимо руководствоваться исключительно законодательством Европейского Союза.

До настоящего времени также регламентом либо иным актом Европейского Союза не закреплено, что относится к судебным гражданским и коммерческим спорам. В 2014 году Судом Европейского Союза было рассмотрено несколько объединенных дел, связанных с толкованием обозначенного выше понятия. Суд установил в п. 41 Решения по объединенным делам C-226/13, C-245/13, C-247/13 и C-578/13 от 9.12.2014, что сфера гражданских и коммерческих дел охватывает все споры, за исключением таможенных, административных, налоговых, а также споров, где одной из сторон является государство в рамках осуществления своих полномочий.

Обсуждение

Таким образом, можно констатировать происходящий в настоящее время процесс создания нового надгосударственного права ЕС, и то, что принимаются меры для полной унификации процессуальных норм его членов, а это повлечет за собой создание развитых, независимых и компетентных органов правосудия.

Вместе с тем, проведенное исследование показало несовершенство правовой базы сотрудничества государств – членов ЕС по гражданским делам. В результате этого на практике нередко возникают

разные режимы для одного правового действия (например, вручения судебных и внесудебных документов), что, безусловно, является негативной стороной существующего европейского гражданского процесса.

В ходе исследования были выявлены следующие проблемы:

во-первых, отсутствие единого документа, регулирующего правила определения юрисдикции, устанавливающего единые процессуальные сроки, связанные с рассмотрением дела, с направлением корреспонденции, сбором доказательств;

во-вторых, наличие противоречивых положений в регламентах, отсутствие четких легальных определений юридических

понятий, приводящих к двоякому толкованию положений регламентов;

в-третьих, слабая вовлеченность государств в создание и поддержание функционирования единой судебной сети.

В целом следует согласиться с рядом авторов (Терехов, 2018. С. 85), что значительные противоречия между регламентами могут быть оправданы тем, что законодатель следовал концепции «постепенного сближения», а данный процесс является длительным и продолжается до настоящего времени. Одной из его целей должно стать создание общеевропейского процессуального акта по гражданским делам.

Библиографический список

Бирюков М.М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора. М.: СТАТУТ, 2016. 240 с.
Войников В.В. Перспективы развития общего пространства свободы, безопасности и правосудия между РФ и ЕС // Современная Европа. 2015. С. 50–60.
Войников В.В., Этин М. Л. К 20-летию пространства свободы, безопасности и правосудия в ЕС // Современная Европа. 2019. № 4. С. 5–15.
Войников В.В. Пространство свободы, безопасности и правосудия в системе права ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 91–97.
Кашкин С.Ю. Интеграционное правосудие: сущность и перспективы. М.: НОРМА, 2014. 50 с.
Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом. М.: НОРМА, 2018. 400 с.
Мавракис И. Внедрение в практику норм Регламента Европейского Союза № 2016/1103 «О режиме собственности супругов» // Нотариальный вестник. 2019. № 10. С. 5–11.
Потемкина О.Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. М.: Гриф и К, 2011. 368 с.
Потемкина О.Ю. Усиление угрозы терроризма в Европе и ответ ЕС // Современная Европа. 2017. № 3. С. 17–27.

Сильвестри Э. По направлению к европейскому гражданскому процессуальному кодексу? Последние инициативы по разработке европейских правил гражданского судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2016. № 1. С. 162–174.
Терехов В.В. О понятии европейского гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 84–112.
Терехов В.В. Плюсы и минусы европейского гражданского процесса // Lex russica. 2018. № 1. С. 83–102.
Терновая О.А. Регламенты Европейского Союза об имуществе супружеских пар и развитие судебного сотрудничества по гражданским делам // Судья. 2019. № 11. С. 48–53.
Щукин А.И. Принципы осуществления правосудия по гражданским делам с участием иностранных лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 98–108; № 5. С. 94–107.
Storme M. Improving Access to Justice in Europe. Baca W.M.K. The Principle of Mutual Recognition of Judicial Decisions in EU Law in the Light of the 'Full Faith and Credit' Clause of the US Constitution. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/BDA/docs/CAN-INT-0061.pdf> (05.03.2020).

References

Biryukov M.M. (2016) European law: before and after the Lisbon Treaty. Moscow: STATUT. 240 p. (In Russ.)
Voinikov V.V. (2015) Prospects for the development of a common space of freedom, security and justice between the Russian Federation and the EU. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*. P. 50–60. (In Russ.)
Voinikov V.V., Entin M.L. (2019) On the 20th anniversary of the space of freedom, security and justice in the EU. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*. No.4. S. 5–15. (In Russ.)
Voinikov V.V. (2018) The space of freedom, security and justice in the EU legal system. *Journal of Foreign Legisla-*

tion and Comparative Law. No. 6. P. 91–97. (In Russ.)
Kashkin S.Yu. (2014) Integration justice: essence and prospects. Moscow: NORMA. 50 p.
Lazarev S.V. (2018) Cases management in civil proceedings abroad. Moscow: NORMA. 400 p. (In Russ.)
Mavrakis I. (2019) Implementation of the norms of Regulation of the European Union No. 2016/1103 "On the regime of marital partners' property". *Notarial'nyi vestnik = Notarial Bulletin*. No. 10. P. 5–11. (In Russ.)
Potemkina O.Yu. (2011) Common space of freedom, security and justice of the European Union. Moscow: Grif i K. 368 p. (In Russ.)

Potemkina O.Yu. (2017) The increasing threat of terrorism in Europe and the EU response. *Sovremennaya Evropa*= Modern Europe. No. 3. P. 17–27. (In Russ.)

Sil'vestri E. (2016) Towards the European code of civil procedure? Recent initiatives for the drafting European rules of civil procedure. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* = Herald of Civil Procedure. No. 1. P. 162–174. (In Russ.)

Terekhov V.V. (2015) On the concept of the European civil process. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* = Herald of Civil Procedure. No. 4. P. 84–112. (In Russ.)

Terekhov V.V. (2018) Pros and cons of the European civil process. *Lex russica*. No. 1. P. 83–102. (In Russ.)

Ternovaya O.A. (2019) European Union regulations on

the property of marital partners and the development of judicial cooperation in civil matters. *Sud'ya* = Judge. No. 11. P. 48–53. (In Russ.)

Shchukin A.I. (2018) The principles of justice delivery in civil cases involving foreigners. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No. 4. P. 98–108; no. 5. P. 94–107. (In Russ.)

Storme M. Improving Access to Justice in Europe. *Baca W.M.K. The Principle of Mutual Recognition of Judicial Decisions in EU Law in the Light of the 'Full Faith and Credit' Clause of the US Constitution*. Retrieved from: www.comunidadandina.org/BDA/docs/CAN-INT-0061.pdf (05.03.2020). (In Eng.)

Критерии авторства

Гапонова Е.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Гапонова Екатерина Васильевна, юрист, Агентство юридических и консалтинговых услуг «Де Юре», 610002, г. Киров, ул. Орловская, д. 23, Россия,
✉ e-mail: gaponova.ev.2015@gmail.com

Criteria for Authorship

Gaponova E.V. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Ekaterina V. Gaponova, Lawyer, Agency of Legal and Consulting Services “De Jure”, 23 Orłowski Street, Kirov, 610002, Russia,
✉ e-mail: gaponova.ev.2015@gmail.com

Идейно-политические истоки евразийства в истории юридической мысли России

© Е.А. Куликов

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация: Современный мир стремительно меняется, западное и незападное общество, Европа, Россия, КНР, США и другие страны и регионы все острее вступают в новую фазу своего существования. Изменения нуждаются в осмыслении, в поиске новой теоретической и методологической основы для познания сопровождающих их явлений и процессов. Давно, однако же, известно, что все новое – это хорошо забытое старое. Поэтому в такой ситуации крайне важен анализ отечественных политических и правовых учений, представители которых рассматривали Россию и ее место в мире с различных – исторических, лингвистических, культурных, геополитических и, наконец, юридических граней. Подобным целостным учением необходимо считать политико-правовую доктрину евразийства. Учение евразийства примечательно еще и тем, что представляет собой не просто реакцию части интеллигенции на первую и вторую революции в России начала XX века, а выступает органическим продолжением дореволюционной российской юридической мысли, имеет в ней достаточно серьезные основания, но при этом выступает в новом качестве. Оно состоит в том, что его представители совместили матрицу дореволюционной России с матрицей Советской России, а полученное целостное явление подвергли осмыслению с различных сторон разных сфер общественной жизни. В настоящей статье обосновывается тезис о существовании в истории юридической мысли России определенных оснований политико-правового учения евразийства, о его органичном по отношению к русской общественной мысли характере, и в силу этого его полноценной адекватности реалиям российской социально-политической жизни, народному и интеллигентскому правосознанию. Указанные основания подразделяются на идейные предпосылки, а также на политический контекст, в котором эти предпосылки возникли.

Ключевые слова: евразийство, цивилизационный подход, нестяжательство, славянофильство, руины западничества, исход к Востоку

Благодарности: Статья выполнена при финансовой поддержке фонда грантов Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук, Проект № МК-483.2020.6 «Евразийская альтернатива государственно-правового развития России: генезис, содержание, современное прочтение».

Информация о статье: Дата поступления 03 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 14 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020.

Для цитирования: Куликов Е.А. Идейно-политические истоки евразийства в истории юридической мысли России // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 2. С. 189–198.

Ideological and political origins of Eurasianism in the history of Russian legal thought

© Egor A. Kulikov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract: The modern world is rapidly changing; Western and non-Western society, Europe, Russia, China, the United States and other countries and regions of the world are increasingly entering a new phase of their existence. Changes require careful study, and a new theoretical and methodological basis must be found for learning the phenomena and processes that accompany them. However, it has long been known that there is nothing new under the sun. Therefore, in such a situation, it is essential to analyze domestic researchers' political and legal doctrines, who considered Russia and its place in the world from various viewpoints: historical, linguistic, cultural, geopolitical and, finally, legal. The holistic doctrine should be considered the political and legal one of Eurasianism. The Eurasianism doctrine is notable since it is not just the intellectuals' responses to the first and second revolutions in Russia in the beginning of the 20th century, but is an organic development of pre-revolutionary Russian legal thought, having quite serious grounds in it, and at the same time having a new status. The new status of Eurasianism lies in the fact that its representatives combined the matrix of pre-revolutionary Russia with that of Soviet Russia, and the obtained holistic phenomenon was considered from different viewpoints of different spheres of social life. The article justifies the argument about the existence in Russian history of legal thought of certain grounds of political and legal doctrine of Eurasianism, about its organic character in relation to Russian public thought, and, therefore, its full adequacy to the realities of Russian social and political life, public legal awareness. These grounds are divided into ideological prerequisites, as well as the political context in which these prerequisites arose.

Keywords: Eurasianism, civilizational approach, the Non-Possessors movement, Slavophilism, vestiges of Westernism, exodus to the East

Acknowledgments: The article was implemented with the financial support of RF President Grant Fund for young Russian scientists – candidates of sciences, Project № МК-483.2020.6 "The Eurasian alternative to the state and legal development of Russia: genesis, content, modern interpretation".

Article info: Received April 03, 2020; accepted for publication May 14, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Kulikov E.A. (2020) Ideological and political origins of Eurasianism in the history of Russian legal thought. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. P. 189–198. (In Russ.)

Введение

Любое политико-правовое учение в рамках истории юридической мысли того или иного государства никогда не возникает на пустом месте, как результат озарения или откровения. Даже в Пятикнижии Моисея можно найти закрепление некоторых вавилонских и халдейских обычаев, что неудивительно, ведь родоначальник народа Израиля Авраам, по преданию, родился и довольно долго жил сначала в Уре Халдейском, затем в Харране. Хотя в священных книгах всегда делается акцент именно на моменте откровения. Тем более светские, или не настолько ярко выраженные религиозные учения, политические и юридические доктрины всегда будут иметь массу оснований в предшествующей истории политико-правовой мысли, в политической и юридической практике, в масштабных и значимых исторических событиях, свидетелями, а может быть и активными участниками которых выступали представители того или иного учения. В связи с этим для более глубокого познания сущности и содержания учения необходимо обратиться, прежде всего, к его основаниям в истории юридической мысли. Обусловлено это тем, что всякое политико-правовое учение, в том числе и учение евразийства, есть явление идеальной сферы, эйдоса, соответственно, контактирует оно в наибольшей степени с аналогичными объектами идеальной сферы. Идеальную сферу, при этом, в рамках которой в истории отечественной политико-правовой мысли рассматриваются основания евразийства, можно, на наш взгляд, разделить на идеологическую, методологическую и культурную составляющие. В соответствии с таким делением в настоящей статье анализируется теоретический материал и источники.

Объектом исследования, исходя из сказанного, необходимо считать социаль-

ную реальность, соответствующую формированию основных конструктивных элементов политико-правового учения евразийства в идеологическом, методологическом и культурном аспекте в истории отечественной юридической мысли. Предметом исследования выступают закономерности формирования оснований евразийства в истории отечественной юридической мысли, а также закономерности, позволяющие объяснить появление в 20-х гг. XX века такого политико-правового учения как евразийство, и сохранение его актуальности до сегодняшнего дня.

Любая историческая тема исследования, как это ни странно, нуждается в дополнительном обосновании с точки зрения актуальности. Хотя по этому поводу в свое время очень хорошо сказал апостол Павел в первом послании к Коринфянам, поясняя, для чего нужно изучать свою собственную историю, историю своих предков, их успехи и неудачи, достижения и просчеты – «А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы» (1Кор.10:6) (Библия, 2001. С. 1253). И далее добавляет, рассуждая о том, для чего нужно знакомиться с древними текстами, – «Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков». Пожалуй сложно лучше ответить на вопрос об актуальности исторических исследований, можно только конкретизировать эти общие методологические установки применительно к политико-правовому учению евразийства и его оснований в истории отечественной юридической мысли.

На современном этапе развития России на постсоветском пространстве в тех границах «континента-океана» Евразии, которые определили евразийцы (Савицкий, 2016. С. 170), происходят закономерные интеграционные процессы, СНГ постепенно

перерождается в Евразийский экономический союз. Эти процессы нуждаются в идеологическом осмыслении и опосредовании, в котором ключевую роль способно сыграть евразийство. Причем, евразийство важно не только само по себе, как постреволюционное эмигрантское и советское политико-правовое учение, но и взятое в системе политико-правовых доктрин в истории юридической мысли России. Наличие у евразийства идеологических, культурных и методологических оснований в предшествующей ему истории позволяет говорить о его органичном, исторически и контекстуально обусловленном характере. А это также повышает значимость данного учения для современников.

Материалы и методы

Методология историко-юридического исследования опирается, прежде всего, на формально-догматический метод, или, точнее говоря, на метод исследования правовых текстов. Учитывая, что исследуется не само политико-правовое учение, а его истоки в предшествующем периоде развития общественной мысли России, важность приобретает также использование метода сравнительного анализа, а также экстраполяции, чтобы выявить отражения основных евразийских специфических черт в других учениях, концепциях и доктринах. Метод обобщения позволяет при исследовании оснований евразийства в истории отечественной юридической мысли отвлечься от несущественных, или не имеющих принципиального значения деталей и опираться только на наиболее важные моменты.

Материалами исследования выступают первоисточники в виде трудов представителей евразийства, а также труды мыслителей предшествующего периода истории отечественной юридической мысли. В качестве предшественников евразийства в той или степени можно рассматривать Нила Сорского, Максима Грека и других представителей нестяжателей, Ю. Крижанича, И.Т. Посошкова, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, П.Я. Чаадаева, представителей «классического» славянофильства, почвенников, позднего славянофила и основателя цивилизационного подхода в России Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, П.И. Новгородцева и некоторых других. Без-

условно, евразийское политико-правовое учение уникально и самобытно, и взгляды перечисленных мыслителей так или иначе оказали лишь определенное влияние на его формирование (Куликов, Суханова, 2018. С. 20–35). Либо, по меньшей мере, можно найти созвучные мотивы, сходное решение тех или иных вопросов. В качестве отправных установок необходимо определить идеологические, методологические и культурные аспекты, в рамках которых евразийство имеет основания в взглядах и концепциях, высказанных в предшествующий ему период развития отечественной юридической мысли.

Результаты

Идейно-политические истоки евразийства в истории отечественной юридической мысли можно разделить на две равноправные группы. Это, соответственно, идейные истоки, представляющие собой основания искомого политико-правового учения в «мире идей», в метальности, в правосознании, т. е. в идеальной сфере, а также политические истоки, охватывающие конкретный государственно-правовой контекст эпохи, также как и идеи, послуживший формированию евразийства. Не ставя вопрос о первичности бытия, либо же сознания (Пивоваров, 2018. С. 97), рассмотрение истоком начнем с их идейной составляющей, которая образуется методологическими, идеологическими и культурными основаниями.

Методологические основания политико-правового учения евразийства в истории отечественной юридической мысли обнаруживают себя в работах авторов т. н. цивилизационного подхода к типологии государств и обществ, к их историческому развитию и взаимодействию с другими социумами. К такому выводу мы приходим, поскольку представители классического евразийства сами активно опираются на этот подход. В частности, работа Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (Трубецкой, 2012. С. 118–181) продолжает линию, заложенную в труде Н.Я. Данилевского «Россия и Европа: взгляд на отношение романо-германского мира к славянскому» (Данилевский, 2011. С. 235). В этой работе не только критикуется европоцентризм и вестернизация восприятия человеческой

истории, но и сам по себе стадийный линейный формационный подход к государству, обществу и их развитию. Цивилизационные духовно-культурологические начала прослеживаются в трудах Н.Н. Алексеева, Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого. Ученик П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилев, относящийся уже к поздним евразийцам, поставил цивилизационный подход на научную основу, построив, используя его, свою концепцию этнологии и этнографии (Гумилев, 2010. С. 145). Цивилизационным подходом также пользуются такие последователи классического евразийства как В.В. Кожин, и как методологией, и как основанием для анализа истории России XX века (Кожин, 2012. С. 342), а также А.С. Панарин при построении своей концепции православной цивилизации (Панарин, 2014. С. 232). Стоит также отметить, что и С.Г. Карамурза, использующий многие аспекты цивилизационного подхода при раскрытии истории Советского Союза как цивилизации, хотя и не считается евразийцем, но в своих трудах также исходит во многом из евразийских методологических оснований (Карамурза, 2011. С. 678).

Таким образом, и представители классического евразийства, и их последователи, и ученики в качестве одного из методологических оснований своих исследований использовали цивилизационный духовно-культурологический подход, который впервые в отечественной социально-политической мысли был разработан Н.Я. Данилевским, в силу чего именно его труды можно считать одним из методологических оснований евразийства. Нельзя, однако, в этой связи не упомянуть также и о К.Н. Леонтьеве, который вслед за Н.Я. Данилевским продолжил разрабатывать цивилизационный подход в работе «Византизм и славянство» (Леонтьев, 2010. С. 34–173), в связи с чем труды К.Н. Леонтьева также могут быть рассмотрены как одно из методологических оснований евразийства. Следует отметить, что цивилизационный подход как общеметодологическая установка социогуманитарного познания возник во второй половине XIX века в России в трудах Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева неслучайно, а сообразно с вполне адекватным историко-политическим контекстом (Куликов, 2015.

С. 483). Девятнадцатое столетие, на фоне предшествующего и последующего периодов, при всей его специфике, можно назвать для отечественной юридической мысли эпохой поиска национально-культурной идентичности, т. е. временем национально-культурной самоидентификации. Начало было положено в 40-е годы, в полемике западников и славянофилов, отчасти – ранее, в полемике М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина, а затем, с эпохой великих реформ приобрело новое, более разностороннее звучание. Охранительная литература, в т. ч. работы славянофилов, почвенников, консерваторов, представителей цивилизационного подхода, – писались в условиях нарастания радикализации части политической печати, а также первой волны политического терроризма. В таких условиях национально-культурная самоидентификация была возможна только при обосновании цивилизационного подхода, т. е. отказа от концепции линейного универсального исторического развития всех народов и наций, проходящих одни и те же этапы, и признание за каждым локальным культурно-историческим типом возможности самостоятельного и относительно автономного развития.

Возвращаясь к рассмотрению взглядов предшественников евразийства, отметим, что К.Н. Леонтьев выступил предшественником евразийства не только в плане методологии, но в его трудах присутствуют и идеологические основания евразийства, к рассмотрению которых мы и переходим. Если говорить об идеологических основаниях евразийства, то они могут быть рассмотрены по следующим направлениям, исходя из тех установок, которые использовали в сфере идеологии евразийцы. Во-первых, это опора на геополитику, на учет геополитических особенностей России–Евразии, что очень подробно показал в своих трудах П.Н. Савицкий (Савицкий, 2016. С. 173). В этом смысле в качестве наиболее раннего предшественника евразийцев в каком-то смысле можно считать митрополита киевского Иллариона и его «Слово о Законе и Благодати» (Илларион, 2011. С. 11), в котором исследователи находят и геополитическое осмысление положения Киевской Руси относительно Хазарии, кочевников и Ви-

зантийской империи. Разумеется, подобный вывод страдает излишней модернизацией, зато вполне обоснованно предположить, что геополитически близкую евразийству (хотя, скорее, даже не евразийству, а славянофилам и Н.Я. Данилевскому) концепцию разработал Юрий Крижанич (Крижанич, 1997. С. 188–194). В дальнейшем о геополитическом своеобразии России в близком евразийству ключе говорили М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин и такие мыслители как Ф.И. Тютчев или Ф.М. Достоевский. Последний, в частности, активно осмысливает особое геополитическое своеобразие России в рассуждениях в «Дневнике писателя» применительно к участию России в решении «восточного вопроса» (Достоевский, 2007. С. 177).

Здесь нужно сказать, что, во-вторых, идеологическим основанием евразийства выступает т. н. «азийство», или восточный вектор социально-политической мысли в целом. В таком вопросе трудно обнаружить идеологические основания евразийской политической мысли в предшествующие периоды истории, поскольку именно евразийцы разработали это направление. Однако, если забыть К.Н. Леонтьева, который был гораздо большим «протоевразийцем» чем Н.Я. Данилевский, поскольку последний, хотя и разрабатывал цивилизационный подход, но являлся убежденным славянофилом, что особенно ярко прослеживается в заключительной главе уже названной его работы, посвященной славянскому культурно-историческому типу. А славянофильство, при всем его родстве с евразийством, все-таки с ним не совпадает и являет собой более узкий взгляд на российскую культуру и цивилизацию. Что же касается К.Н. Леонтьева, который большую часть своей жизни провел именно на Востоке, в Османской империи, то в его трудах впервые подробно обосновывается необходимость обратить внимание не на славянский, а на восточный характер Российской империи. Если же потянуть за эту историческую ниточку несколько (лет так на четвереста) глубже, то на другом ее конце окажется И.С. Пересветов, главный идеолог эпохи Ивана IV Грозного, также известный своими туркофильскими настроениями, и, согласно Н.Н. Алексееву, обосновавший в каче-

стве необходимой для России восточную модель монархии, реализованную затем Иваном Грозным (Алексеев, 2003. С. 76). Таким образом, труды К.Н. Леонтьева и И.С. Пересветова выступают идеологическим основанием евразийства в части восточного или азиатского вектора направленности политико-правового развития России и исследований юридической мысли.

Зададимся вопросом, с чем связан восточный вектор отечественной политико-правовой мысли, нашедший яркое проявление затем в трудах евразийцев. Прежде всего нужно различать туркофильский характер «азийства» И.С. Пересветова и К.Н. Леонтьева, и тюркский характер «азийства» Н.С. Трубецкого или Л.Н. Гумилева. Первое – это скорее инерционный поиск идеологических оснований, имеющих неевропейское происхождение. Второе – результат реального анализа национального и культурного состава России–Евразии, а также роли и значения зауральской России для российской государственности. Восточный вектор также связан с обострением общеевропейских отношений в начале XX века, с предательским и колониалистическим отношением Запада к России, что проявилось как в годы интервенции и гражданской войны, так и в годы Второй мировой войны. Холодная война и последующие события второй половины XX и первой четверти XXI вв. подтвердили обоснованный евразийцами азиатский вектор развития России, который после 2014 года для нашей страны начинает играть ведущую роль, в частности, речь идет о развитии сотрудничества под эгидой Шанхайской организации сотрудничества.

Наконец, в-третьих, можно говорить об относительно широком идеологическом аспекте, выступившем основанием евразийства – это давнее противостояние в отечественной социально-политической, и в меньшей степени, – юридической мысли западничества (иноземничества, если точнее) и почвенничества. В этом смысле евразийство можно считать наивысшей формой проявления почвенничества, в большей степени даже, нежели таковым выступало славянофильство. Для евразийства наиболее важным являлся учет своеобразия всех народов, составивших, в ко-

нечном счете, евразийско-российский суперэтнос, который они считали уникальным и в силу образовавших его народов, и в силу той территории, которая их сформировала. Славянофильство в этом смысле менее привязано к территории, к «почве», и в большей степени носит характер, привязанный к славянскому народному типу. В этом смысле оно в гораздо меньшей степени может считаться доктриной, предшествующей евразийству, чем, например, представленное Ф.М. Достоевским или Н.Н. Страховым направление классического почвенничества.

Не может рассматриваться в идеологическом плане предшественником евразийства и западничество, что хорошо было показано Н.Н. Алексеевым в работе «Русское западничество» (Алексеев, 2003. С. 120–141). Хотя взгляды отдельных западников, того же П.Я. Чаадаева, или А.И. Герцена, изменивших во второй период своей жизни и творчества взгляды и признавших самобытность российской цивилизации, могут быть расценены как один из сегментов идеологических оснований евразийства, поскольку сами евразийцы, даже представители классического евразийства, на протяжении жизни трансформировали свои взгляды, для многих мыслителей, в частности, для того же Н.Н. Алексеева, евразийство было всего лишь одним из периодов творчества (Борщ, 2015. С. 28–32).

О взглядах Н.Н. Алексеева в свете анализа оснований евразийства в истории отечественной юридической мысли следует сказать особо. Разумеется, это не означает, что все остальное, сказанное о предшественниках евразийства, не подходит к его концепции. Однако есть определенные особенности, связанные с тем, что Н.Н. Алексеев среди классического евразийства единственный ученый-юрист (среди евразийства в широком смысле юристами также являются В. Ильин и М.В. Шахматов), разработавший своего рода евразийскую теорию государства и права, но и, с другой стороны, евразийским можно считать только определенный период в жизни и творчестве Н.Н. Алексеева (Борщ, 2015. С. 30), основные труды по методологии науки, теории права и философии права, общему государствоведению были написаны в дру-

гие периоды его творчества. Разумеется, его взгляды, выраженные в этих трудах, нашли отражение в работах евразийского периода, равно как и сформировавшиеся в евразийский период взгляды отразились в последующих трудах. Но речь не об этом, а о том, что как ученый-юрист Н.Н. Алексеев выступает учеником и последователем П.И. Новгородцева (Новгородцев, 1996. С. 160), в этой связи относится к русскому неокантианству начала XX века (Фролова, 2017. С. 258), а также является одним из первых разработчиков феноменологической философии права в России (Алексеев, 1999. С. 40). И в этой части предшественником евразийства можно считать П.И. Новгородцева, а его труды о кризисе правосознания и об общественном идеале, в некоторой степени – идеологическими и методологическими основаниями анализируемого политико-правового учения.

В трудах Н.Н. Алексеева, в частности, в его статьях, имеющих метафизическое содержание, а также в антропологической работе «Русский народ и государство» можно увидеть отсылки к культурным основаниям евразийства. Хотя, скорее, нужно говорить не о культурных, а о духовных основаниях. И в этой части подлинными предшественниками евразийства можно считать представителей течения «заволжских старцев» или нестяжателей – главных защитников духовной свободы периода формирования Московского царства (Золотухина, 2018. С. 214). Основные постулаты – недопустимость вмешательства государства в церковные дела, недопустимость казни еретиков, даже нераскаявшихся, а допустимость с ними только богословского диспута с целью вразумления и увещания, недопустимость для церковных учреждений владения землями, а тем более – «крещеной собственностью» – крепостными – были взяты на вооружение и развернуты в работах Н.Н. Алексеева и других евразийцев. «Но у человека, в сущности говоря, есть только одно неоспоримое право – это право на внутреннее, духовное развитие. Отрицание этого права уничтожает у человека качество быть человеком и делает нормальное развитие государства невозможным. Свойственное всем великим религиям, и особенно браманизму, буддизму и христиан-

ству, учение о царствии Божием как царствии внутреннем, духовном, которого человек может и должен достичь внутренним духовным деланием, доставляет непререкаемую основу для учения о человеческих правах, которые обязано защищать праведное государство. Праведное государство призвано создать те условия, при которых человеку дана была бы возможность на полное духовное совершенствование, на достижение этого Божиего царствия. И прежде всего на праведное, христианское государство возлагается чисто отрицательная задача борьбы с нарушениями этого основного права другими людьми... И первым условием является обеспечение за человеком права духовной свободы как неперемennого условия его внутренней жизни» (Алексеев, 2003. С. 317). Эта цитата есть адаптация воззрений нестяжателей к политическому и юридическому языку общественной мысли России первой половины XIX века. Таким образом, культурные (духовные) основания евразийства представлены трудами нестяжательского направления общественно-политической мысли периода становления Московского царства и их последователями.

Нужно помнить ту историческую эпоху, в которой формировалась политико-правовая полемика нестяжателей и иосифлян. Интересное, нетривиальное освещение этой эпохи дают барнаульские философы А.В. Иванов, И.В. Фотиева и М.Ю. Шишин (Иванов, Фотиева, Шишин, 2006. С. 297–367). Вот как они описывают контекст той эпохи: «А для этого сама Россия — как новый цельный социальный и государственный организм, не имевший буквальных исторических прецедентов, — должна была сформировать свое духовное самосознание. Надо было глубоко переосмыслить старые русские идеи, ценности и нормы христианского общежития. Одновременно нужно было усвоить и утвердить новые идеи и нормы жизни, адекватные новым историческим условиям. И, как это всегда бывает в истории, именно незримые духовные скрепы и духовные разломы определили и политические взлеты, и падения Московского царства. Более того, именно в этот исторический период возник

коренной конфликт русской истории, столкнулись две непримиримые идейные силы, борьба между которыми, по нашему глубокому убеждению, составляет скрытый нерв существования России и продолжается вплоть до сегодняшнего дня». Это — нестяжатели и иосифляне, исторические «партии», названия которых сохранили лишь отношение течений к монастырскому землевладению, но содержание идеологии которых отличалось друг от друга принципиально настолько, что политическая победа того или другого течения означала, по сути, вековой выбор России. «Политическое торжество иосифлян в конце концов обернулось их полным духовным поражением, а линию русского нестяжательства прервать им так и не удалось. Наоборот, она получила новые импульсы и обрела новые грани», — такой вывод делают философы, завершая освещение полемики нестяжателей и иосифлян. Не касаясь существа спора, отметим, что симпатии Н.Н. Алексеева и других евразийцев явно на стороне нестяжателей, в иосифлянстве они видят одну из причин крушения Российской империи в 1917 году.

Дискуссия

Ученые, занимающиеся проблемами политико-правового учения евразийства, приводят в своих работах разный набор его предшественников. Для Б.В. Назмутдинова это славянофильство, русский консерватизм Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, М.Л. Магницкого, русская правовая традиция П.И. Новгородцева и Л.И. Петражицкого, феноменологическая традиция Э. Гуссерля и М. Шелера, а также ряд иных направлений отечественной и европейской правовой мысли (Назмутдинов, 2017. С. 30–63). Для А.В. Иванова, Ю.В. Попкова, Е.А. Тюгашева и М.Ю. Шишина это, прежде всего нестяжатели, и в особенности Максим Грек, это Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский, С.Н. Булгаков, А.Н. Чаянов, П.И. Новгородцев, и многие другие мыслители (Иванов А.В., 2007. С. 45). Встречаются и другие подходы к определению истоков евразийства.

Объединяет данные подходы, впрочем, одна особенность: по логике авторов евразийцы как мыслители более позднего периода впитали в себя установки и подхо-

ды всего предшествующего периода развития отечественной политико-юридической мысли, отобрав среди них то, что отвечало их концепции и соизмерялось с реальными социально-политическими условиями, в которых евразийцы оказались. В качестве дополнения к такому подходу можно высказать мысль о том, что, во-первых, во многих вопросах представители евразийства не просто впитали высказанное их предшественниками, но подвергли качественной переработке, особенно исходя из прошедших в России революций, и во-вторых, взгляды мыслителей, на которых опирались евразийцы при формулировании своих концепций, можно структурировать по разным основаниям, ключевыми из которых выступают идеологические, культурные и методологические предпосылки евразийства.

Заключение

Евразийство представляет собой политико-правовое учение, органически вытекающее из всего периода истории отечественной юридической мысли, предшествующего появлению этого учения. Будучи таковым, евразийство имеет среди учений, подходов и доктрин, существовавших на всех этапах развития общественной и правовой мысли России ряд предпосылок, которые можно расценивать в качестве оснований данного политико-правового учения.

Методологические основания евразийства образует цивилизационный (духовно-культурологический) подход, разработанный Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым, феноменологическая философия права и учение П.И. Новгородцева об общественном идеале и кризисе правосознания. Идеологические основания евразийства складываются из ряда аспектов, ключевыми среди которых выступают ориентация на учет геополитического фактора (Ю. Крижанич, М.В. Ломоносов, Ф.М. Достоевский и др.), опора на восточный век-

тор в политико-правовом развитии (И.С. Пересветов, К.Н. Леонтьев), убежденное и последовательное почвенничество, противопоставление европеизации и вестернизации, где руководящими выступили этнографический (евразийско-российский суперэтнос) и географический (т. н. «континент-океан» Евразия) факторы. Политические истоки евразийства обусловили формирование его идейных истоков, и представляли собой совокупность политических явлений и процессов, сопровождавших формирование доктрин идейных предшественников евразийства. Вековой выбор – духовная свобода, или духовно-идеологический диктат, – на протяжении сотен лет определяет особенности развития социально-политического строя, а также его идейно-культурологического обоснования.

Последователи евразийства – мыслители Л.Н. Гумилев, В.В. Кожин, А.С. Панарин, С.Г. Кара-Мурза, Ю.Н. Рерих, А.В. Иванов, и ряд других – во многом развили, поставили на научно-теоретическую основу и даже отчасти откорректировали основные постулаты евразийства. Все это говорит о том, что политико-правовое учение евразийства не только обусловлено историей юридической мысли России по ряду ключевых направлений, но и в настоящее время выступает живым и действующим учением, призванным объяснить и объясняющим многие политико-юридические процессы современности. Интеграционные же процессы на постсоветском пространстве последних шести лет говорят о сохраняющей актуальность политическом контексте идеологии евразийства, в соответствии с которым евразийские народы в силу общности исторического прошлого просто обречены на объединенное существование и развитие в условиях систематических мировых вызовов и угроз.

Библиографический список

Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.
Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. 640 с.
Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. М.: Российское библейское общество, 2001. 1378 с.
Борщ И.В. Николай Алексеев как философ права.

М.: Юрлитинформ, 2015. 168 с.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: АСТ: АСТРЕЛЬ, 2010. 434 с.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков.

М.: Эксмо, 2007. 672 с.
Золотухина Н.М. Политико-правовая мысль XVI в.: Максим Грек о правде, справедливости, законности и правосудии: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 680 с.
Иванов А.В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.
Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2006. 640 с.
Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. 1200 с.
Кожин В.В. Россия как цивилизация и культура. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 1072 с.
Крижанич Ю. Политика. М.: Новый Свет, 1997. 527 с.
Куликов Е.А. Цивилизационный подход к типологии государств Н.Я. Данилевского в истории отечественной правовой мысли // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 479–508.
Куликов Е.А., Суханова Е.П. Проблема соотношения светской и духовной власти в работах Н.Н. Алексеева // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 28. С. 20–35.

Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1232 с.
Митрополит Илларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 176 с.
Назмутдинов Б.В. Законы из-за границы: политико-правовые аспекты классического евразийства. М.: Норма, 2017. 272 с.
Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
Пивоваров Д.В. Категории онтологии. М.: Юрайт, 2018. 279 с.
Савицкий П.Н. Континент – Океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. Философия Евразийства. М.: Добросвет, 2016. С. 166–193.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М.: Алгоритм: Эксмо, 2012. 336 с.
Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М.: Проспект, 2017. 304 с.

References

Alekseev N.N. (1999) Fundamentals of legal philosophy. Saint Petersburg: Lan'. 256 p.
Alekseev N.N. (2003) Russian people and the state. Moscow: Agraf. 640 p. (In Russ.)
Bibliya (2001) Scripture Books of the Old and New Testaments. Moscow: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo. 1378 p. (In Russ.)
Borshch I.V. (2015) Nikolai Alekseev as a philosopher of law. Moscow: YurLitinform. 168 p. (In Russ.)
Gumilev L.N. (2010) An end and a new beginning. Moscow: AST: ASTREL. 434 p. (In Russ.)
Danilevskii N.Ya. (2011) Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Romano-German World. Moscow: Institute of Russian civilization. 816 p. (In Russ.)
Dostoevskii F.M. (2007) Writer's Diary: Book of Essays. Moscow: Eksmo. 672 p. (In Russ.)
Zolotukhina N.M. (2018) Political and legal thought of the 16th century: Maxim Grek on truth, fairness, rule of law and justice. Moscow: YurLitinform. 680 p. (In Russ.)
Ivanov A.V. (2007) Eurasianism: key ideas, values, political priorities. Barnaul: Altai State Agricultural University. 243 p. (In Russ.)
Ivanov A.V., Fotieva I.V., Shishin M.Yu. (2006) The tablets of meta-history: creators and steps of a spiritual and ecological civilization. Barnaul: Polzunov Altai State Technical University. 640 p. (In Russ.)
Kara-Murza S.G. (2011) Soviet civilization. Moscow: Eksmo: Algoritm. 1200 p. (In Russ.)
Kozhinov V.V. (2012) Russia as a civilization and culture. Moscow: Institute of Russian civilization. 1072 p. (In Russ.)
Krizhanich Yu. (1997) Politics. Moscow: Novyi Svet. 527 p. (In Russ.)
Kulikov E.A. (2015) N.Ya. Danilevsky's civilization ap-

proach to typology of states in the history of domestic legal thought. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* = Genesis: historical research. No. 6. P. 479–508. (In Russ.)
Kulikov E.A., Sukhanova E.P. (2018) The problem of correlation of secular and ecclesial power in the works by N.N. Alekseev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* = Bulletin of Tomsk state University. Right. No. 28. P. 20–35. (In Russ.)
Leont'ev K.N. (2010) Slavophilism and future destinies of Russia. Moscow: Institute of Russian civilization. 1232 p. (In Russ.)
Mitropolit Illarion. (2011) A word about the Law and Grace. Moscow: Institute of Russian civilization. 176 p. (In Russ.)
Nazmutdinov B.V. (2017) Laws from abroad: political and legal aspects of classical Eurasianism. Moscow: Norma. 272 p. (In Russ.)
Novgorodtsev P.I. (1996) Introduction to philosophy of law. The crisis of modern legal awareness. Moscow: Nauka. 269 p. (In Russ.)
Panarin A.S. (2014) Orthodox civilization. Moscow: Institute of Russian civilization. 1248 p. (In Russ.)
Pivovarov D.V. (2018) Categories of ontology. Moscow: Yurait. 279 p. (In Russ.)
Savitskii P.N. (2016) Continent–Ocean (Russia and the world market). Exodus to the East. Philosophy of Eurasianism. Moscow: Dobrosvet. P. 166–193. (In Russ.)
Trubetskoi N.S. (2012) Genghis Khan's legacy: a look at Russian history not from the West, but from the East. Moscow: Algoritm: Eksmo. 336 p. (In Russ.)
Frolova E.A. (2017) Methodology and philosophy of law: from Descartes to Russian neo-Kantians. Moscow: Prospekt. 304 p. (In Russ.)

Критерии авторства

Куликов Е.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Куликов Егор Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61, Россия,
✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Criteria for Authorship

Kulikov E.A. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Information about the author

Egor A. Kulikov, Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department of Altai State University, 61 Lenin Avenue, Barnaul, 656049, Russia,
✉ e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Понятие «конкурсоспособность» в российском правовом дискурсе

© А.А. Пахаруков

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация: На основе обобщения высказанных в цивилистической доктрине суждений и анализа российского и иностранного законодательства рассмотрен вопрос о дефинировании понятия «конкурсоспособность». Отмечено, что соответствующая проблематика находится на периферии научного знания. Использование традиционных методов исследования правовых явлений, а также отдельных элементов дискурсивного анализа, позволило обозначить новые направления разработки рассматриваемого понятия. Установлено, что употребление термина «конкурсоспособность» в российском правовом дискурсе не отвечает основным требованиям, предъявляемым к научной терминологии: не обладает достаточной четкостью, является неоднозначным, обозначает понятие с неустоявшимся объемом и содержанием. Объем трактуется по-разному: как характеристика должника и как имманентная черта требований только тех кредиторов, которые имеют право обращаться в суд с заявлением о признании должника банкротом. Критически оценивается словоупотребление «конкурсоспособность требования». Выявлены основные подходы к определению содержания понятия «конкурсоспособность» как правового феномена – процессуальный, материально-правовой, комплексный. Обоснована необходимость конкретизации понятия «конкурсоспособность». Оно должно отражать не только способность лица быть признанным банкротом на основании решения суда, но во внесудебном порядке в силу закона. Содержание конкурсоспособности составляют социально и экономически обеспеченные возможности лица нести возложенные на него имущественно организационные ограничения. Предложено рассматривать конкурсоспособность как элемент правосубъектности. Обозначены основные проблемные вопросы российского законодательства об определении круга лиц, в отношении которых может быть открыто дело о банкротстве.

Ключевые слова: конкурсное право, несостоятельность, должник, конкурсоспособность, неправосубъектное образование

Информация о статье: Дата поступления 25 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 12 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020 г.

Для цитирования: Пахаруков А.А. Понятие «конкурсоспособность» в российском правовом дискурсе // *Социальная компетентность*. 2020. Т. 5. № 2. С. 199–210.

The concept “bankruptcy ability” in the Russian legal discourse

© Aleksandr A. Pakharukov

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

Abstract: Based on the generalization of the opinions expressed in the civil doctrine and analysis of Russian and foreign legislation, the article considers the concept bankruptcy ability. It notes that the related problems are on the periphery of scientific knowledge. The use of traditional methods of studying legal phenomena and some elements of discursive analysis allowed us to identify new areas of development of the concept under consideration. It has been established that the term “bankruptcy ability” in Russian legal discourse does not meet the basic requirements for scientific terminology: it does not have sufficient clarity, is ambiguous, and denotes a concept with an unstable volume and content. The concept of bankruptcy ability is interpreted in different ways: as a characteristic of the debtor and as an inherent feature of the claims of only those creditors who have the right to apply to the court with a petition for declaring the debtor bankrupt. The use of “bankruptcy ability of requirements” is critically evaluated. The author examines the main approaches to determining the meaning of the concept “bankruptcy ability” as a legal phenomenon - procedural, substantive, complex ones. The need for specification of the concept of “bankruptcy ability” is justified. This concept should reflect not only the ability of a person to be declared bankrupt on the basis of a court decision, but out of court by operation of law. The content of bankruptcy ability is composed of socially and economically secure opportunities for a person to face up property and organizational limitations imposed on him. It is proposed to consider bankruptcy ability as an element of legal personality. The main issues of concern in the Russian legislation about the definition of the scope of persons as applied to whom a bankruptcy case may be opened are identified.

Keywords: bankruptcy law, insolvency, debtor, bankruptcy ability, legal personality

Article info: Received April 25, 2020; accepted May 12, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Pakharukov A.A. (2020) The concept “bankruptcy ability” in the Russian legal discourse. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. Pp. 199–210. (In Russ.)

Введение

Внимание исследователей к разработке понятия «конкурсоспособность» в отечественной юридической доктрине незначительно. Не будет преувеличением если сказать, что соответствующая область теоретических изысканий находится на периферии научного направления «конкурсного права» (или как сейчас принято говорить в терминологии западной интеллектуальной традиции – «банкротного права»). Если быть более точным, то следует констатировать, что данная тема негласно признается научным сообществом маргинальной. Здесь слово «маргинальный» употреблено не как специальный термин социологической науки, а в общепринятом значении – «не имеющий существенного значения», «второстепенный», «неосновной», «незначительный» (Большой толковый словарь русского языка, 2014. С. 520), а в рассматриваемом контексте как «не относящийся к фундаментальным или концептуальным положениям юридической науки», «находящийся на периферии научного знания». Этимология слова восходит к латинскому *margo* и французскому *marginal*, что значит «край», «граница». Отсюда «маргинализировать» научное направление – значит отеснить его в сторону, изолировать, ослабить влияние, уменьшить его значение.

Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, никто из крупных исследователей не заявлял о теоретической несостоятельности или практической бесполезности данного понятия (насколько нам это известно), но с другой, в большинстве научных исследований данная проблематика, как правило, полностью игнорируется. И это на фоне того, что правовые аспекты банкротства вообще и правовое положение несостоятельного должника, в частности, – являются предметом постоянного обстоятельного изучения российскими учеными. Можно назвать только небольшую группу исследователей, которые последовательно занимаются разработкой понятия «конкурсоспособность» – В.С. Белых, С.С. Галкин, А.А. Дубинчин, М.А. Скуратовский, С.С. Трушников, Р.В. Файзуллин, Т.П. Шишмарева. Думается, такое положение вещей обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, в российском законода-

тельстве данное понятие не используется: нет не только легальной дефиниции, не употребляется даже сам термин «конкурсоспособность». По-видимому считается, что разработка данного понятия – удел увлеченности отдельных ученых, а какого-либо практического интереса большинство российских исследователей в нем не видят.

Во-вторых, генетические начала, с которыми связывается появление в научном обороте рассматриваемого термина, лежат в немецком правопорядке. В частности, Конкурсному уставу Германии 1877 года цивилистическая доктрина обязана самым появлением легального термина *Konkursfähigkeit* (конкурсоспособность). Это обстоятельство, безусловно, обуславливает активизацию научного интереса к данной проблематике в зарубежной юридической литературе (прежде всего немецкой), а также в контексте сравнительно-правовых исследований.

В-третьих, даже те немногочисленные исследователи, которые пытаются обосновать теоретическую значимость и практическую ценность данной категории для отечественной юридической науки, сталкиваются с труднопреодолимыми проблемами разграничения смежных понятий – «конкурсная правоспособность» и «конкурсоспособность». Вероятно, руководствуясь методологическим принципом «бритвы Оккамы» (*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*) («не следует множить сущности без необходимости»), большинство российских специалистов конкурсному праву предпочли откинуть все то, что представляется им семантическим дублированием, теоретическим нагромождением, методологическим излишеством и не имеет четкой и ясной перспективы отдельного самостоятельного исследования. Ведь если существует несколько логически непротиворечивых объяснений какого-либо явления (имеется в виду правовой возможности быть признанным банкротом), объясняющих его одинаково хорошо (в рассматриваемом случае посредством понятий «конкурсная правоспособность», «субъект банкротства»), то следует, при прочих равных условиях, предпочесть самое простое из них. Иными словами, основная максима, которой имплицитно при-

держивается научное сообщество по данному вопросу, заключается в том, что не следует привлекать новые сущности, поскольку для этого нет крайней на то необходимости.

Таким образом, сказанное позволяет представить не радужную картину современного состояния развития исследовательской мысли по вопросу конкурсообразности – мало изученность вопроса, дискуссионность и нерешенность краевых аспектов дефинирования данного понятия и, как следствие, ослабление исследовательского интереса к проблеме. Более того, может сложиться неверное представление, будто разработка учения о конкурсообразности в российском правовом дискурсе во многом обусловлена субъективными причинами, за которыми в конечном счете стоит желание отдельных авторов приукрасить свои теоретические истолкования красивой конструкцией и не более того. Но так ли это на самом деле? Не претендуя на полное и всестороннее решение всех научных проблем, в рамках настоящей статьи попытаемся выявить основные теоретические концепции и подходы к дефинированию данного понятия, а также по возможности наметить познавательное (гносеологическое) и методологическое значение разработки данной категории.

Методы

В качестве методологической основы исследования, безусловно, следует назвать традиционный для отечественной юридической доктрины набор методов проведения догматического правового исследования, преследующего цель представить достоверную и развернутую характеристику состояния правового регулирования в соответствующей области общественных отношений для последующего обоснования авторских выводов и оценок, на основе которых впоследствии можно произвести некоторые теоретические обобщения. Достижение указанной цели, как обоснованно указывается в литературе, может быть достигнуто на начальном этапе исследования прежде всего путем доктринального толкования, сопряженного с применением грамматического, логического, системного, телеологического, историче-

ского, функционального методов толкования норм права (Сырых, 2013. С. 330–331). Теоретический этап познания в правовой науке выражается в «мысленном отражении явлений и отношений государственно-правовой сферы общественного бытия, постижение их существа через ряд абстракций, формирование... понятий» (Васильев, 1976. С. 55).

Между тем использование не только традиционных методов исследования правовых явлений позволяет обеспечить получение достоверного знания. Последовательная реализация принципа междисциплинарности дает возможность расширить используемый методологический инструментарий. Представляется, что применение, например, отдельных элементов дискурсивного анализа позволяет раздвинуть предметное поле анализа и обозначить новые направления разработки рассматриваемого правового понятия. В частности, такой подход предполагает анализ правовых текстов для мониторинга различных тенденций в сфере правовой коммуникации, а также выявление идеологических ориентаций, которые выражены в тексте, обладающем связанностью и целостностью и погруженном в социально-культурные и другие контексты.

Результаты

Обозначим основные подходы к определению понятия «конкурсообразность» в доктрине и законодательстве. В качестве исходного методологического принципа исследования следует признать то обстоятельство, что термины, используемые в правовой сфере (науке, законодательстве, практике), должны обладать четкостью, однозначностью, обозначать понятие строго определенного содержания и объема (Черданцев, 2012. С. 46). Применительно к рассматриваемому термину упомянутые требования, строго говоря, не соблюдаются.

Как известно, четкость термина достигается научными определениями, а также с помощью легальных дефиниций, формулируемых в нормативном акте или акте официального толкования. Термин «конкурсообразность» используется в современной отечественной юридической науке, при этом ни в ранее действовав-

шем, ни в действующем сегодня российском законодательстве он не употребляется. Нет его также в актах официального толкования норм российского конкурсного законодательства. Кроме того, употребление термина в научном обороте нельзя признать устоявшимся. В конечном итоге следует констатировать, что рассматриваемая лексическая единица не обладает в необходимой степени четкостью: имеющиеся в науке подходы к определению многообразны, нет общепризнанного определения, которое большинство представителей научного сообщества в течение продолжительного времени последовательно признавали в качестве достоверного знания.

Требование однозначности также не соблюдается. Это связано с тем, что наряду с термином «конкурсоспособность» в российской науке может быть использован его синоним – «конкурсная правосубъектность» (будет рассмотрена далее). Очевидно, что юридический язык не терпит избыточности и рано или поздно научному сообществу придется обозначить свои терминологические «предпочтения».

Примечательно, что известные колебания в употреблении различных терминов для обозначения способности быть субъектом процедуры несостоятельности знают также иностранные правовые порядки. Например, в период действия Конкурсного устава Германии 1877 года (*Konkursordnung*) (надо сказать, что это весьма продолжительный период времени – с 1877 по 1999 гг.) использовался термин *Konkursfähigkeit* («конкурсоспособность»). В действующем сегодня Законе о несостоятельности (*Insolvenzordnung*) употребляется иной специальный термин – *Insolvenzfähigkeit* («способность быть несостоятельным») (Шишмарева, 2015. С. 28).

Определения понятия «конкурсоспособность», которые предлагаются представителями различных отечественных научных школ, многообразны настолько, что можно констатировать, что применительно к правовой сфере оно носит *неопределенный по своему содержанию и объему характер*. Как известно, понятия характеризуются содержанием (совокупность существенных признаков) и объемом (класс предметов, мыслимых в понятии). К сожалению, ни по

содержанию, ни по объему рассматриваемого понятия не достигнуто единство взглядов.

По вопросу определения объема понятия конкурсоспособности были высказаны следующие суждения. Одни исследователи (их подавляющее большинство) полагают, что конкурсоспособность выступает характеристикой должника и (или) его имущества. При такой интерпретации конкурсоспособность – это правовая способность лица быть объявленным несостоятельным (банкротом). Другая немногочисленная группа ученых высказывает иное суждение на этот счет, полагая допустимым использовать данный термин не для определения правовой способности должника, а для характеристики требований отдельных кредиторов. С этой точки зрения считается, что конкурсоспособность – есть имманентная черта требований только тех кредиторов, которые имеют право обращаться в суд с заявлением о признании должника банкротом. Иными словами, *конкурсоспособность требования* означает возможность инициировать открытие производства по делу о банкротстве. Именно в таком истолковании употребляет рассматриваемый термин Е.Д. Суворов в своих многочисленных публикациях по вопросам обобщения судебной практики по делам о банкротстве. Безусловно, предметом анализа являются прежде всего те требования, относительно которых наблюдается определенное колебание судебной практики. Например, судебной практикой были выработаны правовые позиции, согласно которым (1) кредитор в поручительстве вправе требовать возбуждения дела о банкротстве как основного должника, так и поручителя; (2) требование о возмещении судебных расходов по делу о банкротстве, включая суммы государственной пошлины, вознаграждения арбитражного управляющего, может быть в свою очередь положено в основание заявления о признании должника банкротом; (3) залоговый кредитор вправе требовать obligations ликвидационной комиссии обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом. Указанные примеры, по мнению Е.Д. Суворова, иллюстрируют «конкурсоспособность соответствующих требований». Можно приве-

сти противоположный пример. Так, обращение залогодержателя с заявлением о признании банкротом должника, предоставившего обеспечение за иное лицо, не допускается. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии качества конкурсной способности данного требования (Суворов, 2020. С. 7–8).

Использование данного термина в указанном значении, безусловно, имеет право на существование. Только при этом каждый раз нужно прояснять объем соответствующего понятия путем указания на контекст употребления – конкурсная способность именно требования, а не должника. Так, Ю.Д. Подольский в своей монографии использует данный термин и в значении конкурсная способность требования, и в значении конкурсная способность должника (Подольский, 2020. С. 27, 81, 147).

Между тем именно применительно к рассматриваемому случаю уместно применить упоминавшийся нами методологический принцип «бритвы Оккамы». Зачем создавать ситуацию терминологической неопределенности, нагружая термин несколькими несовпадающими между собой значениями, когда можно обойтись без этого.

Кроме того, нетрудно предположить, что разработчики данного подхода рано или поздно попытаются экстраполировать его на другие сходные ситуации, т. е. распространить сделанные выводы на другие случаи реализации требования кредиторов в деле о банкротстве. Почему, скажем, нельзя будет использовать указанный термин применительно к другим правомочиям кредитора в деле о банкротстве (помимо возможности возбуждать дело о банкротстве). Например, предложить рассматривать конкурсная способность требования как возможность голосовать на собрании кредиторов или как возможность требовать оспаривания сделок несостоятельного должника *et cetera*, выделяя таким образом некую производную конкурсная способность требования. Такой подход открывает нам бесчисленное число интерпретаций, что, конечно, создаст излишние споры, что называется, на пустом месте.

Применение отдельных элементов дискурсивного анализа позволяет утвер-

ждать, что в юридических текстах термин «конкурсная способность» применительно к контексту законодательства о банкротстве определяется через характеристику «способность должника», а не «характер требования кредитора». У большинства исследователей укоренилось устойчивое представление ассоциировать конкурсная способность не с требованиями кредитора, а с возможностью должника быть признанным банкротом. На этом основании в дальнейших рассуждениях следует отнести определение термина конкурсная способность к числу номинальных, конвенционально закрепив за ним наиболее общее значение – правовая способность должника быть признанным банкротом. Однако если объем анализируемого понятия более или менее ясен, то при выделении существенных признаков (конкретизации содержания) понятия среди ученых не достигнуто единства мнений.

По вопросу определения содержания понятия конкурсной способности были высказаны различного рода суждения. Обобщение немногочисленной специальной юридической литературы, посвященной рассмотрению соответствующего вопроса, позволяет выделить два основных подхода – процессуальный и материально-правовой. Причем оба подхода сложились как в российской, так и в немецкой доктрине.

Процессуальный подход к определению данной категории в немецкой литературе, как указывает Р.В. Файзуллин, в самых общих чертах сводится к тому, что конкурсная способность – есть разновидность общей процессуально-правовой способности быть участником судебного процесса в рамках производства по делу о несостоятельности. Отсюда трактовка конкурсной способности как «правовой возможности быть должником в производстве по делу о несостоятельности» (Ершова, Енькова, 2016. С. 204). В частности, те из немецких ученых, которые отстаивают процессуальную трактовку, предлагают понимать под конкурсной способностью «возможность привлечения должника – физического лица либо должника-предприятия к имущественной ответственности в пользу всех его кредиторов в рамках сводного исполнительно-

го производства», а само принудительное производство – как одну из стадий процесса (Gottwald, Gerhardt). Таким образом конкурсоспособность – есть «возможность, но независимая от воли ее носителя, быть должником в деле о несостоятельности», которая «в целом соответствует процессуальной правоспособности ответчика в гражданском процессе» (Kirchhof) (Трушников, 2006. С. 77).

Логика рассуждений в рамках данной концепции сводится к следующему. Если конкурсоспособность дефинируется как способность быть участником судебного процесса по делу о банкротстве, то значит она рассматривается, по крайней мере, как разновидность пассивной гражданской процессуальной правоспособности (или отождествляется с ней). Отсюда следует обусловленность конкурсоспособности материально-правовой (гражданско-правовой) правоспособностью: тот, кто обладает материальной правоспособностью, обладает также процессуальной правоспособностью, а значит и конкурсоспособностью.

В российском правовом дискурсе данный подход последовательно отстаивает, в частности, Т.П. Шишмарева. Она прямо указывает, что конкурсоспособность – это «специальная правоспособность субъекта, позволяющая ему участвовать в процедурах несостоятельности в качестве должника» (Шишмарева, 2015. С. 30). Таким образом, понятие «конкурсоспособности» корреспондирует с понятием «процессуальная правоспособность», являясь специальной процессуальной правоспособностью (Шишмарева, 2013. С. 88). Такой же точки зрения придерживается Р.В. Файзуллин: «Конкурсоспособность как способность (юридическая возможность) быть в качестве должника участником производства по делу о несостоятельности представляет собой подвид процессуальной правоспособности, которая, как и конкурсоспособность, не всегда соответствует правоспособности материального права» (Файзуллин, 2014. С. 52).

Представляется, что процессуальный подход ограничивает сферу применения конкурсоспособности только рамками производства по делу о банкротстве в суде,

полностью таким образом исключая из рассмотрения возможность внесудебного признания должника банкротом. Кроме того, неконкурсоспособными, согласно постулатам данной концепции, должны быть признаны все те, кто не наделен гражданской (материальной) правоспособностью – группа компаний, имущество умершего, объединение лиц (например, крестьянское (фермерское) хозяйство, созданное на основании соглашения, супруги). Такое положение вещей, конечно, не согласуется с нормативно-правовой моделью регулирования соответствующих отношений разных стран. Названные обстоятельства вынуждают представителей данного подхода давать пояснения по этому поводу. Но чаще всего они сводятся к мысли о том, что «из всякого правила могут быть исключения».

Материально-правовая трактовка исследуемого понятия обосновывается в отечественной доктрине прежде всего представителями уральской научной школы (В.С. Белых, А.А. Дубинчин, М.Л. Скуратовский, В.С. Якушев), которые, пожалуй, впервые в современной отечественной литературе предложили ввести в научный оборот само понятие «конкурсоспособность». Последняя понимается ими как «способность лица быть объявленным несостоятельным (банкротом)» (Белых, Дубинчин, Скуратовский, 2001. С. 51). По мнению М.Л. Скуратовского, в качестве одного из материально-правовых условий возбуждения дела о банкротстве является наличие лица, обладающего конкурсоспособностью, т. е. «лица, которое в соответствии с законодательством может быть объявлено банкротом» (Ярков, 2017. С. 427).

К материально-правовой трактовке тесно примыкает, но полностью не совпадает с ним подход, отстаиваемый в немецкой литературе, согласно которому термином «конкурсоспособность» (а ныне *Insolvenzfähigkeit*) обозначается допустимость производства по делу о несостоятельности над каким-либо единым имуществом субъекта (Ehricke, Gundlach, Uhlenbruck). На этом основании проведение процедур банкротства возможно над имуществом не только юридически самостоятельных субъектов, но и неправосубъ-

ектных образований, а также над обособленными имущественными массами (например, наследство). Очевидно, что методологической основой такого подхода является «объектная», а не «субъектная» трактовка сущности несостоятельности, выражающаяся в том, что несостоятельность служит обозначением характеристики объекта права (имущества), а не субъекта (Семеусов, Пахаруков, 2006. С. 60–63). Квинтэссенцией объектной трактовки несостоятельности может служить высказывание Г.Ф. Шершеневича о том, что «несостоятельность является особым состоянием имущества, а не лица, которое признается его субъектом» (Шершеневич, 1912. С. 211–212). Примечательно, что в российском законодательстве некоторое время существовал запрет на банкротство атомных станций, которые в данном контексте рассматривались как имущественный комплекс, а не субъект права (п. 3 ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 122-ФЗ «Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса»¹).

Несмотря на разницу в исходных постулатах, положенных в основу процессуального и материально-правового подходов, они сходятся в конечных своих выводах как по вопросу определения круга конкурсантов, так и признания конкурсантов как юридической возможности быть в качестве несостоятельного должника. Различие между рассматриваемыми подходами заключается в том, что, согласно материально-правовой трактовки, под конкурсантностью понимается способность должника подвергнуться объявлению банкротом и в этом смысле содержание понятия «лицо, обладающее конкурсантностью», поглощается понятием «субъект банкротства». Согласно процессуальному подходу, содержание конкурсантности включает не столько способность быть банкротом, сколько способность подвергнуться применению зако-

нодательства о банкротстве и иметь специальные права и обязанности, которые необходимы для участия в деле о банкротстве. И в этом смысле рассматриваемая категория фактически отождествляется с понятием «конкурсная (специальная) правоспособность должника в деле о банкротстве».

Как это часто бывает в науке, были также высказаны суждения, пытающиеся объединить имеющиеся точки зрения по некоторому вопросу, в нашем случае – по определению содержания понятия «конкурсант». Условно назовем такой подход комплексным. Так, С.С. Галкин в своих рассуждениях исходит из признания комплексного характера конкурсных отношений, что, по его мнению, предопределяет объединение двух видов правоспособности должника – изначальной комплексной правоспособности в материальном праве и процессуальной правоспособности. На этом основании он обосновывает следующее определение конкурсантности: способность субъекта правоотношений, который может быть признан должником в деле о банкротстве, иметь лишь те права и нести те обязанности, которые необходимы для целей конкурсного процесса (Галкин, 2015. С. 151).

По мнению С.А. Карелиной и И.В. Фролова, конкурсантность «фактически предоставляет субъекту возможность быть признанным должником в деле о банкротстве и иметь предусмотренные законодательством о несостоятельности (банкротстве) права и обязанности, необходимые для участия в процессе по делу о банкротстве» (Карелина, Фролов, 2018. С. 25).

Обсуждение

Необходимо обозначить авторскую позицию по вопросу дефинирования понятия «конкурсант». Представляется, что трактовка конкурсантности как способности лица быть объявленным несостоятельным (банкротом), предложенная уральскими учеными, может быть принята за основу. Ясно, что определение является предельно общим и нуждается в уточнении. Ранее в научных публикациях автора статьи предлагалось конкретизировать его по нескольким направлениям, и прежде всего по

¹ Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 122-ФЗ «Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3179 (утратил силу).

выявлению дополнительных существенных признаков содержания данного понятия (Семеусов, Пахаруков, 2006. С. 120–121). Продолжим данную исследовательскую традицию, акцентируя внимание на малоисследованных, но, как представляется, значимых вопросах учения о конкурсоспособности.

Конкурсоспособность и внесудебное признание должника банкротом.

Определение является недостаточно полным, поскольку оно отражает только способность лица нести особого рода обременения (имущественно организационные ограничения, связанные с признанием должника банкротом по решению суда), однако не отражается способность лица собственными действиями объявить о своей несостоятельности. И хотя действующий Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – Закон о банкротстве) не допускает процедуры добровольного объявления о банкротстве, но такая возможность была известна законам о банкротстве 1998 г.³ (гл. XI) и 1992 г.⁴ (ст. 51). В тот период отмена возможности добровольно объявить о своем банкротстве оценивалась большинством российских исследователей позитивно. Общий посыл которых состоял в том, что законодатель, отказавшись от урегулирования данной процедуры, «снял» действительно имевшие место теоретические и практические проблемы. В конечном итоге, по мнению А.Н. Семиной, это привело «к большей стройности и логичности закона» (Семина, 2003. С. 13). Трудно огласиться с мнением ученого, для которого критерием логичности и стройности является известный некогда принцип: «нет процедуры – нет проблемы». Дефектность правового регулирования какой-либо сферы общественных отношений само по себе не повод к тому, чтобы отменить соот-

ветствующий правовой институт. Напротив, применение процедур внесудебного банкротства для отдельных случаев – необходимый и закономерный вариант разрешения ситуации неплатежеспособности. Подтверждает сказанное проект Федерального закона, направленный на введение нового для российского законодательства внесудебного порядка признания гражданина банкротом⁵. В настоящий момент проект находится в Государственной Думе во втором чтении. В первоначальной редакции проекта планировалось, что подать заявление о внесудебном банкротстве смогут граждане, в отношении которых выполняются сразу несколько условий, среди которых следующие:

– гражданин безработный или имеет источник дохода менее величины прожиточного минимума (указанные обстоятельства возникли не менее чем за три месяца до подачи заявления);

– гражданин не имеет имущества, принадлежащего ему на праве собственности, за исключением имущества, на которое не может быть обращено взыскание; – за последние три месяца до подачи заявления у него на всех банковских счетах и вкладах было не больше 50 тыс. рублей.

Таким образом, если законопроект будет принят, то обоснованным будет постановка вопроса о дифференциации оснований признания должника банкротом (в силу решения суда и в силу закона), а также о разграничении судебных и внесудебных процедур банкротства. Указанное обстоятельство не может не получить отражение в определении понятия конкурсоспособности.

Содержание конкурсоспособности.

Было замечено, что «непосредственное содержание конкурсоспособности составляют социально и экономически обеспеченные возможности лица нести возложенные на него имущественно организационные ограничения, объем которых измеряется всей совокупностью мер воздействия,

² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

³ Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 222 (утратил силу).

⁴ Закон РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 1. Ст. 6 (утратил силу).

⁵ Проект Федерального закона № 792949-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части внесудебного банкротства гражданина» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/792949-7> (дата обращения: 05.05.2020).

предусмотренных конкурсным законодательством» (Семеусов, Пахаруков, 2006. С. 120). Данное утверждение не всегда правильно истолковывается в юридической литературе. Так, Р.В. Файзуллин указывает, что «такое понимание конкурсной способности полностью смещает акцент со сферы абстрактных и правовых отношений в сферу отношений конкретных и экономических», и демонстрирует в качестве доказательства ошибочности анализируемого суждения следующую ситуацию: вывод о неконкурсности лица может быть сделан, например, лишь из-за отсутствия у него в конкретной ситуации социально и (или) экономически обеспеченных возможностей нести ограничения, предусмотренные законодательством о несостоятельности (Ершова, Енькова, 2016. С. 204). На самом деле рассуждения Р.В. Файзуллина ничего общего с действительным смыслом высказывания не имеют. По-видимому, обобщенность изложения и абстрактность формулировок могли этому способствовать.

В действительности суть высказывания сводится к следующим тезисам. Во-первых, содержание конкурсной способности предполагает не столько само признание юридического факта банкротства, сколько претерпевание должником определенного рода имущественно-организационных ограничений, применяемых для реализации процедур банкротства и влияющих на все сферы хозяйственной и иной деятельности должника. При этом пределы такого рода ограничений определяются конкурсным законодательством. Во-вторых, конкурсная способность может быть признана не за всеми потенциальными участниками имущественного оборота. Возможность быть объявленным банкротом не безгранична, она обусловлена определенными обстоятельствами, логика которых сводится к следующему. Определяя правовую природу конкурсной способности как правосубъектности, неизбежен вывод о том, что абстрактная (гипотетическая) способность лица быть объявленным банкротом признается государством и никем иным. При установлении круга конкурсных лиц законодательство разных стран демонстрирует известное различие, тем не менее при формулировании научного опре-

деления конкурсной способности должны быть обозначены в самом общем виде единые подходы к характеристике личности должника, своего рода критерии конкурсной способности. К таковым могут быть отнесены степень волеисполнительности, уровень имущественной самостоятельности, объем правоспособности тех или иных категорий лиц и другие обстоятельства – словом все то, что было названо как «социально и экономически обеспеченные возможности лица». Поэтому ни о каких конкретных экономических отношениях здесь речь не идет. Содержание конкурсной способности устанавливается не ситуационно, применительно к каждому конкретному случаю или участнику, а предельно абстрактно.

Конкурсная правосубъектность vs конкурсная правосубъектность. В российской доктрине открытым остается вопрос о соотношении понятий «конкурсная правосубъектность» и «конкурсная правоспособность». Как уже отмечалось, большинство исследователей отождествляет в той или иной степени конкурсную способность с понятием конкурсная (специальная, процессуальная) правоспособность. Думается, что для такого вывода нет достаточных оснований. Полагаем рассматривать конкурсную способность в качестве возможного самостоятельного (специального) элемента правосубъектности участников имущественного оборота, находящихся в состоянии неплатежеспособности или недостаточности имущества. Закономерным в связи с этим является вопрос о соотношении понятий «конкурсная правосубъектность», «конкурсная правоспособность», с одной стороны, и «конкурсная правосубъектность» – с другой.

На наш взгляд, не вдаваясь в решение многих частных вопросов, требующих отдельного и более развернутого исследования, соотношение указанных категорий можно провести по аналогии «гражданская правосубъектность» – «гражданская правоспособность» в теоретической интерпретации В.А. Белова (Белов, 2011. С. 24–25, 46–55). «Способность быть субъектом гражданского права и признаваться таковым называется гражданской правосубъектностью». «С признанием того или другого явления реального мира лицом его гражданская правосубъектность облекается в спе-

цифические гражданско-правовые формы... – 1) правоспособности либо 2) системного единства право- и дееспособности» (Белов, 2011. С. 52). Таким образом, как считает В.А. Белов, способность быть субъектом права (правосубъектность) недопустимо смешивать с последствиями признания таковым (правоспособность и дееспособность); правосубъектность соотносится с правоспособностью как причина (естественно-социальная предпосылка, фактическое обстоятельство) и следствие (юридический результат, юридическая возможность).

Используя методологический подход В.А. Белова, можно трактовать конкурсоспособность (как элемент правосубъектности) качеством лица быть субъектом конкурсного права; тогда как конкурсная правоспособность должна призваться правовой формой конкурсоспособности.

Конкурсоспособность и субъекты банкротства. Исследователи, занимающиеся разработкой соответствующей проблематики, единодушны в том, что необходимо расширить круг конкурсоспособных лиц. Речь, прежде всего, идет о правосубъектных образованиях.

Гипотетически можно представить себе ситуацию, когда в торговом обороте участвует образование, которое по каким-либо причинам не имеет правового статуса юридического лица. Скажем, субъекты, фактически участвующие в имущественном обороте, но не выполнившие формальных действий, необходимых для приобретения гражданско-правового статуса. Предположим, что финансовое состояние такого образования будет отвечать признакам банкротства. В этом случае для урегулирования правоотношений, связанных с неплатежеспособностью, было бы целесообразно использование законодательства о несостоятельности.

Более реалистичной является ситуация, когда речь заходит о возможности банкротства группы компаний, аффилированных между собой и совместно занимающихся ведением предпринимательской деятельности. Ведение бизнеса (особенно крупного) в форме создания одного юридического лица – большая редкость. Как правило, создаются несколько взаимосвя-

занных между собой организаций. Тем самым учредители (участники) пытаются минимизировать свои предпринимательские риски, получить смягчение налогового бремени, уйти от ответственности. Публичное право отреагировало на данные тенденции появлением норм о консолидированной группе налогоплательщиков (гл. Глава 3.1 Налогового кодекса РФ⁶), обобщением правоприменительной практики, связанной с «формальным разделением (дроблением) бизнеса и искусственным распределением выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц»⁷ и др. Отмеченное дает повод наделить предпринимательскую группу конкурсоспособностью.

Не до конца выясненным является вопрос о том, обладает ли качеством конкурсоспособности крестьянское (фермерское) хозяйство как организация, не являющаяся юридическим лицом (неправосубъектное образование), а также умерший гражданин, правоспособность которого, как известно, в момент смерти прекращается. Дискуссионный характер данного вопроса обуславливает то обстоятельство, что Закон о банкротстве предусматривает специальные правила об особенностях банкротства крестьянского (фермерского) хозяйства (§ 3 гл. X) и рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти (§ 4 гл. X).

По мнению Т.П. Шишмаревой, Закон о банкротстве признает именно за крестьянским (фермерским) хозяйством качества должника, т. е. наделяет его конкурсоспособностью (Шишмарева, 2013. С. 88). С таким выводом нельзя не согласиться.

Если говорить об умершем гражда-

⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁷ Письмо Федеральной налоговой службы России от 11 августа 2017 г. № СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц» // Нормативные акты для бухгалтера. 2017. № 19.

нине, то следует отметить то обстоятельство, что еще римским правом допускалась возможность объявления несостоятельным умершего лица (точнее конкурс открывался в отношении лежащего наследства – *hereditas jacens*), что долгое время признавалось также конкурсным законодательством большинства стран мира (России, Франции, Германии, Англии) (Малышев, 1871. С. 14–17), (Шершеневич, 1912. С. 215–220). В настоящее время производство по делам о несостоятельности в связи с наследованием предусмотрено, например, германским законодательством (§ 315–331 *Insolvenzordnung*). Подобно умершим физическим лицам, современное германское право допускает также возбуждение производства по делам о несостоятельности после прекращения деятельности юридического лица или товарищества, не являющегося юридическим лицом, при условии, что не произведен раздел имущества (§ 11 *Insolvenzordnung*). Иными словами, конкурс может быть открыт в отношении имущества ликвидированного (заметим – не ликвидируемого) должника. В тех случаях, когда закон допускал несо-

стоятельность умершего лица, считалось, что искусственное сохранение имущественного единства выражается в существовании имущественно правовой личности наследодателя, которая «переживает» физическое существование последнего. Иными словами, момент физической смерти как бы не совпадает с гражданской. Учитывая, что конкурсная способность – суть характеристика прежде всего субъекта права, разумным объяснением данного обстоятельства являлось признание за наследственной массой «замаскированного» (по словам Г.Ф. Шершеневича) юридического лица.

Выводы

Неразработанность концепции конкурсной способности как правовой категории не позволяет разрешить отдельные концептуальные научно-теоретические проблемы и, как следствие, частные политико-правовые вопросы совершенствования действующего законодательства в части расширения круга лиц, в отношении которых может быть открыто производство по делу о банкротстве.

Библиографический список

Белов В.А. Гражданское право: учебник. М.: Изд-во Юрайт, 2011. 1093 с.
Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.А. Правовые основы несостоятельности (банкротства). М.: Изд-во НОРМА, 2001. 312 с.
Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. 264 с.
Галкин С.С. Понятие и признаки должника – юридического лица по российскому законодательству о банкротстве // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 1. С. 142–155.
Ершова И.В., Енькова Е.Е. Банкротство: законодательная модель и правоприменительная практика // *Lex russica* (Русский закон). 2016. № 8. С. 178–207.
Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения. М.: Юстицинформ, 2018. 240 с.
Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1535 с.
Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1871. 307 с.
Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве. М.: Статут, 2020. 171 с.
Семеусов В.А., Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц

(вопросы теории и практики). Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. 252 с.
Семина А.Н. Банкротство: вопросы правоспособности должника – юридического лица. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. 128 с.
Суворов Е.Д. Судебное банкротное право. М.: Статут, 2020. 668 с.
Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: НОРМА, 2013. 464 с.
Трушников С.С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в России и Германии. СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского ун-та, 2006. 200 с.
Файзуллин Р.В. О физических лицах как субъектах несостоятельности по законодательству России и Германии // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 2. С. 49–54.
Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: НОРМА, 2012. 320 с.
Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. Т. 4: Торговый процесс. Конкурсный процесс. 596 с.
Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. 332 с.
Шишмарева Т. П. Особенности несостоятельности крестьянского (фермерского) хозяйства // Вестник Омского университета. Право. 2013. № 3. С. 85–91.
Ярков В.В. Арбитражный процесс: учебник. М.: Статут, 2017. 752 с.

References

- Belov V.A. (2011) Civil law: textbook. Moscow: Publishing House Yurait. 1093 p. (In Russ.)
- Belykh V.S., Dubinchin A.A., Skuratovskii M.L. (2001) Legal basis of insolvency (bankruptcy). Moscow: NORMA Publishing House. 312 p. (In Russ.)
- Vasil'ev A.M. (1976) Legal categories. Methodological aspects of developing a system of categories of legal theory. Moscow: Publishing House of Legal Literature. 264 p. (In Russ.)
- Galkin S.S. (2015) The concept and characteristics of a debtor – legal entity under Russian law on bankruptcy. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina* = Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. No. 1. P. 142–155. (In Russ.)
- Ershova I.V., Enkova E.E. (2016) Bankruptcy: a legislative model and law enforcement practice. *Lex russica (Russkiy zakon)* = Lex Russica (Russian Law). No. 8. P. 178–207. (In Russ.)
- Karelina S.A., Frolov I.V. (2018) Bankruptcy of the developer: theory and practice of law enforcement. Moscow: Justicinform. 240 p. (In Russ.)
- Kuznetsov S.A. (1998) Great Dictionary of Russian language. St. Petersburg: Norint. 1535 p. (In Russ.)
- Malyshev K.I. (1871) The historical outline of the competitive process. St. Petersburg: Printing House of the Public Benefit Partnership. 307 p. (In Russ.)
- Podol'skii Yu.D. (2020) Separate disputes in bankruptcy. Moscow: Statut. 171 p. (In Russ.)
- Semeusov V.A., Pakharukov A.A. (2006) Legal regulation of bankruptcy proceedings of legal entities (issues of theory and practice). Irkutsk: Publishing House of BSUEP. 252 p. (In Russ.)
- Semina A.N. (2003) Bankruptcy: issues of legal capacity of the debtor–legal entity. Moscow: Publishing house "Examination". 128 p. (In Russ.)
- Suvorov E.D. (2020) Bankruptcy law. Moscow: Statut. 668 s. (In Russ.)
- Syrykh V.M. (2013) History and methodology of legal science: a textbook. Moscow: Norma. 446 p. (In Russ.)
- Trushnikov S.S. (2006) Initiation of insolvency proceedings in Russia and Germany. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 200 p. (In Russ.)
- Faizullin R.V. (2014) About individuals as subjects of insolvency under the laws of Russia and Germany. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* = Arbitration and civil procedure. No. 2. P. 49–54. (In Russ.)
- Cherdantsev A.F. (2012) Logical and linguistic phenomena in jurisprudence. Moscow: NORMA. 320 p. (In Russ.)
- Shershenevich G.F. (1912) Commercial law programme. Moscow: Publishing House of the Bashmakov Brothers. 596 p. (In Russ.)
- Shishmareva T.P. (2015) Insolvency institute in Russia and Germany. Moscow: Statut. 332 p. (In Russ.)
- Shishmareva T. P. (2013) Peculiarities of insolvency of peasant holding (farming). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo* = Bulletin of the Omsk University. Series Law. No. 3. P. 85–91. (In Russ.)
- Yarkov V.V. (2017) The arbitration process: a textbook. Moscow: Statut. 752 p. (In Russ.)

Критерии авторства

Пахаруков А.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Пахаруков Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела и правоведения, Иркутский государственный университет путей сообщения, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15,
✉ e-mail: paharukov@mail.ru

Attribution criteria

Pakharukov A.A. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Aleksandr A. Pakharukov, Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor of Customs and Law Department, Irkutsk State Transport University, 15 Chernyshevsky Street, Irkutsk, 664074, Russia,
✉ e-mail: paharukov@mail.ru

Использование опыта арбитражно-процессуальной модели протоколирования к положениям уголовно-процессуального закона

© Л.Р. Юлбердина

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Россия

Аннотация: С 1 октября 2019 года в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) внесены изменения относительно протоколирования судебного заседания, согласно которым в уголовный процесс введено аудиопроколирование с использованием аудиозаписи. Такая трансформация классического представления о процессуальной фиксации явилась закономерной после многолетних дискуссий об ее объективности и прозрачности. Аудиопроколирование с использованием технических средств, с одной стороны, способствует решению проблем объективности протокола судебного заседания и сохранению письменной формы документа, но с другой, появляются и новые вопросы. Для решения некоторых из них автором сделан анализ норм об аудиопроколе в арбитражном процессе. Также в статье исследуются проблемы правового регулирования норм о протоколе судебного заседания в УПК РФ. Основные: соотношения юридической силы письменного протокола судебного заседания и аудиозаписи, аудиозаписи, осуществляемой судом, и аудиозаписи, которую ведет участник процесса, в случае если они противоречат друг другу, необходимость формирования более четкого механизма использования аудиозаписи для решения задачи о том, является ли ее отсутствие в материалах дела безусловным основанием для отмены судебного акта. Остаются открытыми вопросы как поступать суду вышестоящей инстанции, если аудиозаписи судебного заседания нет, или она неполная и некачественная, а значит – не позволяющая установить четкий ход судебного заседания.

Ключевые слова: протокол судебного заседания, аудиозапись, суд, уголовный процесс, аудиопроколирование, арбитражный процесс

Информация о статье: Дата поступления 02 мая 2020 г.; дата принятия к печати 01 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020 г.

Для цитирования: Юлбердина Л.Р. Использование опыта арбитражно-процессуальной модели протоколирования к положениям уголовно-процессуального закона // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 2. С. 211–218.

Experience Application of Arbitration Procedure Model of Record Keeping to Provisions of Criminal Procedure Law

© Lira R. Yulberdina

Sterlitamak branch of Bashkir State University, Russia

Abstract: On October 1, 2019, the court record-keeping amendments were introduced into Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC of the RF), according to which audio recording was brought into in criminal proceedings. This transformation of the classical concept of procedural fixation was natural after many years of discussion about the objectivity and transparency of procedural fixation. Audio recording using technical means, on the one hand, helps to solve the problem of court record objectivity and preservation of the written form of the document, but, on the other hand, opens up new problems. To solve some of them, the author analyzes the audio protocol norms in the arbitral procedure. The article also examines the problems of legal regulation of the court record in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The main ones are the following: the correlation of legal efficacy of a written court record and audio record; correlation of the audio record carried out by the court and audio record kept by a trial participant; if they contradict each other, the need for a clearer mechanism for using an audio record to decide whether its absence in the case file is a good and sufficient reason for reversal of a court ruling. Questions remain as to what the court of higher instance should do if there is no audio court record or it is incomplete or of poor quality.

Keywords: court record, audio record, court, criminal proceedings, audio recording, arbitral procedure

Article info: Received May 02, 2020; accepted June 01, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Yulberdina L.R. (2020) Experience Application of Arbitration Procedure Model of Record Keeping to Provisions of Criminal Procedure Law. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. P. 211–218. (In Russ.)

Введение

Последние изменения в уголовном процессе затронули вопросы процессуальной фиксации – введено аудиопроколирование судебного заседания, что вызвало повышение научного интереса к рассматриваемой теме (Трусова, 2019. С. 12–15; Анисимов, 2019. С. 191–196; Медведева, 2016. С. 64–66; Афанасьев, 2019. С. 154–156). В статье исследуются проблемы введения аудиозаписи в уголовном процессе, ее преимущества и недостатки. Автором сделаны выводы о необходимости сохранения письменной формы протокола судебного заседания и внесения некоторых изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Сегодня все процессуальные кодексы содержат нормы, посвященные протоколу судебного заседания (гл. 20 Кодекса административного судопроизводства РФ, гл. 21 ГПК РФ, ст. 155 АПК РФ, ст. 259 УПК РФ)¹.

Если обратить внимание на конструкцию норм ст. 228 ГПК² (...ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопроколирование) и составляется протокол в письменной форме), ст. 155 АПК РФ (...ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи и составляется протокол в письменной форме), ст. 204 КАС РФ (ведется аудиопроколирование и составляется протокол в письменной форме) и ст. 259 УПК РФ (...составляется протокол в письменной форме и ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопроколирование), то хочется отметить, в первую очередь, что только в уголовном процессе сохранилась исторически важная форма письменного протокола, как основного средства фиксации.

Протокол судебного заседания остается основным процессуальным средством фиксации (Баев О.Я., Баев М.О., 2008. С. 247) по отношению к аудиозаписи,

несмотря на некоторые ее преимущества, к которым можно отнести: полноту и объективность фиксируемых данных, упрощенную процедуру записи информации. С другой стороны, использование диктофона секретарем судебного заседания имеет как самые обыденные проблемы технического плана, например, техника не работает, разряжается батарея, а также и процессуальные вопросы воспроизведения аудиозаписи в вышестоящем суде при пересмотре дела и оценке фиксируемых сведений при несоответствии с письменным протоколом судебного заседания. Не согласимся с мнением А.В. Борисовой, что устоявшийся вариант фиксации процедуры рассмотрения дела при помощи отражения его хода в бумажном протоколе не соответствует актуальным требованиям, не служит поддержкой оптимизации судебной деятельности (Борисова, 2019. С. 111). Считаем, что необходим более четкий механизм правового регулирования ст. 259 УПК РФ.

Введение аудиозаписи хода судебного заседания является следующим шагом на пути к транспарентности судебного процесса. Как справедливо отмечает А.Р. Шарипова: «Это нововведение сводит на нет споры и откровенную бесперспективность их справедливого разрешения при принесении замечаний на протокол» (Шарипова, 2015. С. 180). В.И. Решетняк отмечает, что технологии электронного протоколирования позволяют максимально минимизировать негативное влияние «человеческого фактора» на объективность и аутентичность протокола судебного заседания, ускорить судопроизводство (Решетняк, 2013, С. 52).

Методы

Использован сравнительно-правовой метод исследования. Автором рассмотрена возможность сближения арбитражно-процессуальных и уголовно-процессуальных норм при протоколировании процессов.

Результаты

В соответствии с частью 1 статьи 155 АПК РФ в ходе каждого судебного заседания арбитражного суда первой инстанции, а также при совершении отдельных процессуальных действий вне судебного засе-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Парламентская газета. N 241-242. 22.12.2001.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. N 46. ст. 4532.

дания ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи и составляется протокол в письменной форме, при этом согласно части 2 ст. 155 АПК РФ протокол является дополнительным средством фиксации данных о ходе судебного заседания. В случае неявки в судебное заседание лиц, участвующих в деле, иных участников арбитражного процесса, протоколирование судебного заседания с использованием средств аудиозаписи не осуществляется и средством фиксации данных о ходе судебного заседания является протокол судебного заседания, в котором делается отметка о неявке в судебное заседание лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, и об отсутствии в связи с этим аудиозаписи судебного заседания. Файлы аудиозаписи судебных заседаний сохраняются в информационной системе арбитражного суда (кроме случаев, когда разбирательство дела производится в закрытом судебном заседании, в целях недопущения разглашения государственной тайны). В указанных случаях файлы аудиозаписи закрытых судебных заседаний записываются на автономном техническом устройстве, зарегистрированном в установленном порядке в качестве носителя информации, содержащего сведения, составляющие государственную тайну, и хранятся исключительно на оптическом диске (Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. N 12 "О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации").

АПК РФ – единственный кодекс, в котором требования к содержанию письменного протокола сведены к минимуму. Здесь необходимо остановиться на проблеме «несодержательного протокола». В чем цель его составления? По сути, протокол, отражающий общие формальные данные о судебном разбирательстве, становится пустым документом без приложенной к нему аудиозаписи: в нем не отражены доказательства, исследованные судом, отсутствуют показания, заявления и хода-

тайства участников и иных лиц, в том числе и сам ход проведения судебного заседания.

Наши доводы находят отражение в материалах судебной практики: суд кассационной инстанции счел ошибочным довод заявителя кассационной жалобы о нарушении судом апелляционной инстанции статьи 155 АПК РФ в части несоответствия времени судебного заседания, зафиксированного в протоколе судебного заседания, аудиозаписи заседания. Суд при этом указал: «Протокол судебного заседания является дополнительным средством фиксации данных о ходе судебного заседания. Протокол судебного заседания составлен в соответствии с требованиями процессуального законодательства. Суд зафиксировал в протоколе без искажения сведения, определенные в ст.155 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Аудиозапись судебного заседания в материалах дела имеется. Приобщенный к делу диск содержит полную запись хода судебного заседания» (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25 марта 2019 г. N Ф01-368/19 по делу N А43-7702/2013).

С одной стороны, законодатель закрепил минимальные требования к содержанию протокола, что облегчило работу аппарата суда, сведя к минимуму замечания к такому протоколу. С другой – в АПК РФ предусмотрена возможность приложения к таким замечаниям материального носителя, проведенного лицом, участвующим в деле, аудио- и (или) видеозаписи судебного заседания. УПК РФ подобных норм не содержит. В том числе в УПК РФ ничего не сказано о процессуальном значении аудиозаписи, произведенной в порядке ч. 5 ст. 241 УПК РФ и последствиях нарушения такого права. В качестве примера приведем ситуацию, когда работник суда изъял телефон с аудиозаписью судебного заседания у представителя потерпевшего, а суд апелляционной инстанции в дальнейшем посчитал несостоятельными доводы жалобы о необходимости отмены судебного решения в связи с изъятием у потерпевшего аудиозаписи судебного заседания (Апелляционное постановление Московского го-

родского суда от 10 июня 2019 г. по делу N 10-10547/2019).

При этом согласно ч. 5 ст. 259 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства проводились фотографирование, аудио- и видеозапись, киносъемка об этом делается отметка в протоколе, полученные же материалы в таком случае приобщаются к уголовному делу и являются его частью, с которыми стороны вправе знакомиться (определение КС РФ от 07.07.2016 N 1434-О). Звукозапись, произведенная в порядке ст. 241 УПК РФ, не является официальным способом фиксации хода и результатов судебного разбирательства и не может заменить собой протокол судебного заседания, а также прилагаемые к нему в соответствии с ч. 5 ст. 259 УПК РФ материалы, проведенного по решению председательствующего судьи фотографирования, аудио- и(или) видеозаписи, киносъемки судебного заседания (определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. N 576-О-О). Считаем пробелом правового регулирования отсутствие нормативно-закрепленной связи между положениями ч. 5 ст. 241 и ч. 5 ст. 259 УПК РФ, который находит отражение в судебной практике (протокол судебного заседания не содержит сведений об осуществлении аудиозаписи судебного разбирательства. Поэтому представленная стороной защиты аудиозапись не имеет значения (Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Республики Карелия от 27 марта 2019 г. по делу N 22-67/2019). В литературе предложено закрепить требование отражать в протоколе судебного заседания факт ведения сторонами аудиозаписи и возможность приобщения материального носителя, содержащего аудиозапись, к протоколу судебного заседания непосредственно по окончании судебного заседания (Стародубова, 2017. 103).

Технические средства фиксации хода судебного заседания необходимы не только для обеспечения объективности протокола и выявления нарушений, допущенных судьей. Так, А.Ю. Астафьев полагает, что «Данный аспект является второстепенным по отношению к их влиянию на эффективность правосудия в качестве мер превентивного воздействия: аудио- и ви-

деопротоколирование судебного заседания является действенным средством самоконтроля судьи» (Астафьев, 2014. С. 176). Аудиозапись действительно является средством контроля не только за работой суда, но и остальных участников процесса. В связи с этим хочется отметить один важный аспект – составление протокола судебного заседания по истечении трех суток со дня окончания судебного заседания. В этом случае теряется значение протокола, как единственного средства фиксации хода и результатов судебного заседания, в котором сгруппированы все исследованные по делу доказательства. Протокол судебного заседания должен в полной мере отражать весь ход судебного разбирательства и служить главным ориентиром при составлении итогового решения. Полагаем целесообразным изготовление протокола судебного заседания до удаления судьи в совещательную комнату, а также использование материалов аудиозаписи при принятии решения. Многие судьи поддерживают данную идею, письменный протокол судебного заседания, с имеющейся к нему аудиозаписью, ведет к оптимизации процесса оценки доказательств.

Хочется отметить еще один аспект рассматриваемой проблемы. В ст. 259 УПК РФ есть точный перечень сведений, вносимых в протокол судебного заседания. Однако УПК не содержит требований к аудиозаписи, кроме того, что она должна вестись в ходе заседания судов первой и апелляционной инстанций. Мы полагаем, что здесь надо вести речь и о качестве производимой записи, и о последствиях, если аудиозапись не позволяет воспроизвести речь участника или судьи, когда она, например, является невнятной, произошли технические сбои, которые не позволяют нам воспроизвести отдельные моменты судебного заседания. Также необходимо отметить, что секретарю судебного заседания не всегда удается успеть за изложением показаний участников процесса (Гареева, Юлбердина, 2019. С. 47). В подобных случаях протокол судебного заседания становится источником недостоверных доказательств, теряет юридическую силу и не может быть положен в основу обвинения (Львова, Паршуткин, 2003. С 156).

С одной стороны, секретарь сможет восполнить пробелы письменного протокола не из памяти, как это было раньше, а с помощью аудиоматериалов. Тем самым документ судебного заседания будет более полно отражать все существенные моменты судебного разбирательства. С другой, это влечет дополнительную нагрузку на секретаря по составлению письменного протокола и по ведению аудиозаписи. По справедливому замечанию Т.С. Страздиной: «Секретари судебного заседания отвечают за «двойную» работу» (Страздина, 2019. С. 158). В любом случае введение аудиопротоколирования влечет за собой неоспоримые плюсы, одним из которых, возможно, станет уменьшение количества замечаний на протокол судебного заседания. В таком аспекте нельзя не сказать, что это полностью исключит собой проблему возможных злоупотреблений при ведении аудиопротоколирования со стороны суда. Так, ч. 11 ст. 389.17 говорит об отсутствии в деле протокола судебного заседания, как существенном нарушении уголовно-процессуального закона при пересмотре дела в апелляционной инстанции. Тем самым полагаем, что в УПК РФ не урегулирован вопрос о значении аудиопротоколирования. Проблема отсутствия аудиозаписи в деле не отнесена законодателем к существенному нарушению норм процессуального права в УПК РФ. ГПК РФ. Данный пробел предусматривает ст. 330 ГПК РФ (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации), где речь идет об отсутствии аудио или видеозаписи судебного заседания. Можно предположить, что в таком контексте нельзя говорить о равной юридической силе аудиозаписи и письменного протокола в уголовном процессе.

Считаем невозможным развитие норм об аудиопротоколировании в формате арбитражно-процессуальной модели фиксации. Не всегда наличие аудиозаписи решает проблему объективности в суде вышестоящей инстанции. Приведем пример: доводы заявителя кассационной жалобы о том, что объявленная резолютивная часть решения на аудиозаписи судебного заседания не соответствует резолютивной части решения, изготовленного на бумажном носителе, были отклонены судом

апелляционной и кассационной инстанций. При этом суд апелляционной инстанции посчитал данные доводы не влияющими на правомерность обжалуемого решения, а суд кассационной инстанции сослался на верное решение данного вопроса судом апелляционной инстанции (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 апреля 2019 г. N Ф07-3906/19 по делу N А56-42708/2018, Постановление тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 января 2019 г. N 13АП-33993/18). Если предположить, что в данном процессе был бы составлен «полный» протокол, то выводы судов могли быть иными. В итоге мы наблюдаем страшную картину, когда «формальное» соблюдение требований к протоколу (в части ст. 155 АПК РФ) при наличии аудиозаписи, становится причиной для формальной апелляции и кассации.

Обсуждение

Кроме этого, остаются открытыми вопросы, как поступать суду вышестоящей инстанции, если аудиозаписи судебного заседания нет, если она неполная или некачественная, не позволяющая установить ход судебного заседания (Гордейчик, 2019. С. 55). Применительно к протоколу судебного заседания его отсутствие в соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и влечёт безусловную отмену приговора. Каким образом поступают суды при отсутствии части протокола судебного заседания или в случае, когда протокол судебного заседания не подписан? Если применить аналогию распространения подобной практики на аудиопротокол судебного заседания, это может поставить под удар стабильность приговора, поскольку современные технические средства не могут в полной мере гарантировать качество аудиозаписи, а также позволит сторонам злоупотреблять своими правами.

Кроме того, в большинстве исследованной нами судебной практики пересмотра решений арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций не дается повторная оценка протокола судебного заседания, в случае, когда на него были поданы возражения (Постановление

седьмого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2016 г. N 07АП-12996/15). По справедливому замечанию Н. Гаспарян: «Судьи вышестоящего суда не могут проверить обоснованность замечаний на протокол» (Гаспарян, 2010. С. 115).

Аудиопротоколирование в арбитражный процесс введено раньше всех остальных отраслей, и потому имеет под собой уже сформировавшуюся практику применения норм права. Это позволяет нам судить о несомненных преимуществах аудиозаписи, а также и недостатках.

Во-первых, необходимо отметить, что основная цель аудиопротоколирования – это максимальная прозрачность в деятельности суда первой инстанции. Основными преимуществами использования аудиозаписи являются:

1) протоколирование ведется непрерывно, полностью отражает ход процесса, а в случае технических неполадок суд объявляет перерыв, после которого судебное заседание продолжается;

2) возможность воспроизведения записи позволяет секретарю восполнить пробелы протокола, а судье не беспокоиться за качество его составления;

3) факт ведения аудиозаписи способствует соблюдению процессуальной формы, дисциплинирует участников судопроизводства, заставляя ответственно относиться к качеству своих выступлений.

Однако на деле мы наблюдаем сохранение практики подачи возражений на протоколы судебных заседаний, включая и аудиозаписи.

Во-вторых, изменился характер подаваемых замечаний. Приведем несколько примеров из судебной практики.

1. Отсутствие подписи секретаря судебного заседания в протоколе судебного заседания не повлияло на существо принятого решения и правильность выводов суда первой инстанции (Апелляционное определение Московского городского суда от 6 апреля 2017 г. N 33-11881/17).

2. То обстоятельство, что аудиопротокол имеет шумовые помехи не свидетельствует о его отсутствии (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20 января 2020 г. N Ф10-2299/15 по делу

N А84-513/2014).

3. Нарушение срока изготовления протокола судебного заседания не является в соответствии с ч. 4 ст. 270 АПК РФ безусловным основанием для отмены судебного акта суда первой инстанции (Постановление пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 июня 2019 г. N 15АП-8591/19).

В-третьих, выявляемые участниками судопроизводства нарушения не влияют на отмену судебного акта в вышестоящих судах. Мы можем сделать вывод, что закрепление в законе требования в виде отсутствия в деле протокола судебного заседания или аудиозаписи, как оснований для безусловной отмены решения, создало формальное отношение судей к протоколу судебного заседания и порядку его составления, в том числе к качеству ведения аудиозаписи. По сути, от изменений, введенных аудиопротоколированием, пострадали участники арбитражного судопроизводства. Письменный протокол судебного заседания в арбитражном процессе утратил свои свойства, как средство фиксации процессуальной информации, исследованной судом, а формальные требования к протоколу судебного заседания создали предпосылки для отказа вышестоящих судов проверять возражения на протокол судебного заседания.

Заключение

Полагаем необходимым решить вопрос о юридической силе аудиозаписи, проводимой стороной, и закрепить гарантию реализации принципа гласности. Изложить ч. 1 ст. 260 УПК в следующей редакции: «В течение трех суток со дня ознакомления с протоколом и аудиозаписью судебного заседания стороны могут подать свои замечания. К ним могут быть приложены материальные носители, предоставленные лицом, участвующим в деле, аудио- и (или) видеозаписи судебного заседания». Полагаем дополнить пп. 11 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Отсутствие протокола судебного заседания и (или) аудиозаписи судебного заседания». В УПК РФ необходимо внести требования к проводимой судом аудиозаписи.

Библиографический список

Анисимов А.Р. Аудиопротоколирование судебного заседания // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: материалы XXVIII международной научно-практической конференции (Москва, 01 октября 2019 г.). М.: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2019. С. 191–196.

Астафьев А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2014. 208 с.

Афанасьев С.Ф. Цифровое право в контексте электронного аудиопротоколирования в судах // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 154–156.

Баев О.Я., Баев М.О. Протокол судебного заседания как зеркало осуществления правосудия по уголовному делу (о необходимости совершенствования ст. 259 УПК РФ) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2008. № 2. С. 247.

Борисова А.В. К вопросу о целесообразности аудиопротоколирования в суде по уголовным и гражданским делам // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 12. С. 108–111.

Гареева Э.Р., Юлбердина Л.Р. Некоторые аспекты аудиопротоколирования уголовного процесса // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. 2019. № 2. С. 45–49.

Гордейчик С.А. Аудиопротоколирование судебных заседаний: вопросы, требующие разъяснений // За-

конность. 2019. № 12 (1022). С. 55–56.

Львова Е.Ю., Паршуткин В.В. Недостоверный протокол судебного заседания – не доказательство // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 52–53.

Медведева М.О. Проблемы реализации аудиопротоколирования в судах общей юрисдикции // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 64–66.

Гаспарян Н.С. Протокол или прокол? // Новая адвокатская газета. 2010. № 1.

Решетняк В.И. Использование информационных технологий при составлении протокола судебного заседания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 8. С. 51–55.

Стародубова Г.В. Гласность судебного разбирательства как гарантия достоверности протокола заседания суда по уголовному делу // Законодательство. 2017. № 11.

Стразина Т.С. Аудиопротоколирование судебного заседания по уголовным делам: достоинства и недостатки // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 12. С. 158–161.

Трусова О.В. Преимущества и недостатки аудиопротоколирования и видеопротоколирования // Юридический факт. 2019. № 63. С. 12–15.

Шарипова А.Р. Доказывание в уголовном и арбитражном процессах: «невывужденные различия» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 4. С. 180–185.

References

Anisimov A.R. (2019) Audio recording of the court sitting. *Teoreticheskie aspekty yurisprudentsii i voprosy pravoprimeneniya: materialy XXVIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moscow, 01 oktyabrya 2019 g.)* = Theoretical aspects of jurisprudence and enforcement issues: proceedings of the XXVIII international scientific and practical conference (Moscow, October 01, 2019). Moscow: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Internauka". P. 191–196. (In Russ.)

Astaf'ev A.Yu. (2014) Procedural guarantees of the effectiveness of criminal justice: theory and practice issues. Moscow: YurLitinform. 208 p. (In Russ.)

Afanas'ev S.F. (2019) Digital law in the context of electronic audio reporting in courts. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* = Legal policy and legal life. No. 3. P. 154–156. (In Russ.)

Baev O.Ya., Baev M.O. (2008) The record of the court session as a mirror of the administration of justice in a criminal case (on the need to improve Article 259 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo* = Bulletin of the Voronezh State University. Series Law. No. 2. P. 247. (In Russ.)

Borisova A.V. (2019) On the advisability of audio recording in criminal and civil court. Sustainable development

of science and education. No. 12. P. 108–111. (In Russ.)

Gareeva E.R., Yulberdina L.R. (2019) Some aspects of audio reporting of criminal proceedings. *Nauchnoe mnenie. Ekonomicheskie, yuridicheskie i sotsiologicheskie nauki* = The Scientific opinion. Economic, juridical and sociological sciences. No. 2. P. 45–49. (In Russ.)

Gordeichik S.A. (2019) Audio recording of court hearings: issues requiring clarification. *Zakonnost'* = Legitimacy. No. 12 (1022). P. 55–56. (In Russ.)

L'vova E.Yu., Parshutkin V.V. (2003) Unreliable protocol of the court session is not evidence. *Rossiiskaya yustitsiya* = Russian Justice. No. 9. P. 52–53. (In Russ.)

Medvedeva M.O. (2016) Problems of audio recording implementation in courts of general jurisdiction. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* = Law and order: history, theory, practice. No. 4 (11). P. 64–66. (In Russ.)

Gasparyan N.C. (2010) Protocol or failure? *Novaya advokatskaya gazeta* = New lawyers newspaper. No. 1. (In Russ.)

Reshetnyak V.I. (2013) Application of information technology in the preparation of the minutes of the hearing. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* = Laws of Russia: experience, analysis, practice. No. 8. P. 51–55. (In Russ.)

Starodubova G.V. (2017) The publicity of the trial as a

guarantee of the reliability of the minutes of the court hearing in a criminal case. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. No. 11. (In Russ.)

Strazhdina T.S. (2019) Audio recording of court hearing in criminal cases. *Ustoichivoe razvitiye nauki i obrazovaniya = Sustainable development of science and education*. No. 12. P. 158–161.). (In Russ.)

Критерии авторства

Юлбердина Л.Р. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Юлбердина Лира Радиковна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, 453103, Башкортостан, Стерлитамак, ул. Ленина, 49, Россия,
✉ e-mail: Lira-y@yandex.ru

Trusova O.V. (2019) Advantages and disadvantages of audio protocol and video protocol. *Yuridicheskii fakt = Legal fact*. No. 63. S. 12–15. (In Russ.)

Sharipova A.R. (2015) Evidence in criminal and arbitration proceedings: "unforced differences". *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal = Forensic Sciences Library. Scientific journal*. No 4. P. 180–185. (In Russ.)

Criteria for Authorship

Yulberdina L.R. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Lira R. Yulberdina, Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Sterlitamak branch of Bashkir State University, 49 Lenin Street, Bashkir, Sterlitamak, 453103, Russia,
✉ e-mail: Lira-y@yandex.ru

Компаративная педагогика и качество образования: состояние и его оценки

© А.С. Колесников

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Компаративная педагогика с середины XX века и по настоящее время активно участвует в обучении учащихся в разных странах, в том числе и в России, с все более увеличивающимся количеством мигрантов. При этом выбирается та или иная модель образования, воспитания и обучения. Новая педагогика, исходя из компаративных исследований, обеспечивает объемное взаимодействие образования и культуры, качества образовательных услуг и прогноз его развития. Значимым ресурсом в выполнении этих целей является улучшение подготовки учителя, готового к различным практическим проблемам, обладающего навыками дистантного образования, знающего требования к его качеству и различным философским обоснованиям. В статье дается краткий анализ восьми вариантов демократического образования – элитарного, либерального, неолиберального, совещательного, мультикультуралистского, партисипативного, критического и агонистического. Разные варианты демократического образования отвечают различным (а) онтологическим и эпистемологическим предпосылкам, (б) нормативным подходам к демократии и (в) концепциям взаимосвязи между образованием и политикой. Однако все новации в педагогике стоит сочетать с достижениями прошлых ученых, начиная с Сократа, включая Песталоцци, Ушинского, Монтессори и других. COVID-19 актуализировал дистантное образование в мире, использование онлайн-курсов и всевозможных образовательных технологий. Все новации, которые фиксируются в программах PISA, TIMSS, PIRLS, в конечном итоге, направлены на повышение качества образования. В статье даются примеры неоднозначного понимания обучения и его форм в разных регионах мира: США, Европе, Азии.

Ключевые слова: компаративная педагогика, образование и культура, варианты демократического образования, дистантное образование, качество образования

Благодарность: Работа выполнена при поддержке фонда РФ № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии».

Информация о статье: Дата поступления 15 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 16 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020.

Для цитирования: Колесников А.С. Компаративная педагогика и качество образования: состояние и его оценки // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 2. С. 219–231.

Comparative pedagogy and quality of education: its status and evaluation

© Anatoly S. Kolesnikov

St. Petersburg State University, Institute of philosophy, St. Petersburg, Russia

Abstract: From the mid-20th century to the present, comparative pedagogy has been participating in students' education in different countries, including Russia where the number of migrants is constantly growing. For this purpose, a particular model of education, upbringing and training is chosen. Based on comparative research, the new pedagogy provides a voluminous interaction between education and culture, the quality of educational services and forecast of its development. A significant resource in achieving these goals is to improve a teacher's training who is prepared for various practical problems, has skills of distance education and knows the requirements for quality education and its various philosophical underpinnings. The article analyses the eight options of democratic education – elitist, liberal, neoliberal, deliberative, multiculturalist, participatory, critical and agonistic. Different options for democratic education meet different (a) ontological and epistemological prerequisites, (b) normative approaches to democracy, and (c) concepts of the relationship between education and politics. However, all innovations in pedagogy should be combined with the achievements of past scientists, from Socrates onwards, including Pestalozzi, Ushinsky, Montessori and others. COVID-19 has updated distant education in the world, the use of e-courses and all kinds of educational technologies. All innovations recorded in PISA, TIMSS, PIRLS programs are ultimately aimed at improving the quality of education. The article gives examples of ambiguous understanding of training and its forms in different regions of the world: USA, Europe, Asia.

Keywords: comparative pedagogy, education and culture, democratic education options, distant education, quality of education

Acknowledgments: The study has been implemented with the support of the fund RSF № 17-18-01440 "Anthropological dimension of the history of philosophy".

Article info: Received April 15, 2020; accepted for publication May 16, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Kolesnikov A.S. (2020) Comparative pedagogy and quality of education: its status and evaluation. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. P. 219–231. (In Russ.)

Введение

Компаративная педагогика помогает нам точно определять те универсалии в обучении, изучение которых в любом контексте помогает рассмотреть, что необходимо сделать, чтобы улучшить качество образования. По данным ООН, в России сейчас проживает 12 млн мигрантов. По этому показателю наша страна вторая после США. Миграция разнородная. Значит появляется проблема аккультурации тех, кто хочет остаться в России, а также интеграции, которая предполагает их ассимиляцию. Мультикультурализм больше осуществляется на уровне высказываний и программ, чем на практике. В любом случае в нашей стране необходимо создавать новую систему образования по всей вертикали, от начальной до высшей. В России наблюдается феномен «виртуального Киргизстана», когда мигранты разных национальностей распределены по районам и контактируют только между собой. Механизмов включения чужих в свою жизнь у нас нет, как в США или Европе, хотя у них эти механизмы провалились.

Что это значит для образования? Какую модель выбрать? Национально-религиозный тип, классический, прагматический через деятельность, персоналистический, личностно-ориентированный, или информационно-развлекательный? Но они требуют и нового учителя. Выделяют четыре историко-культурных типа: учитель-проповедник, учитель-информатор, учитель-технолог, учитель-персона. Появляется и новая модель аттестации учителей. От вхождения в профессию, соответствие должности, первая категория, высшая категория. Разработаны средства аттестации, связь со школьниками и родителями.

Методы

Метод сравнения образования и педагогике в контексте культуры, нации, образовательных областей и академических дисциплин акцентирует внимание на трансграничные переходы для улучшения

образования, воспитания и обучения. Все связано с потребностями изменяющегося мира, требующего новые инструменты в подготовке учащихся XXI века. Компаративная педагогика повышает стандарты образования, способствует экономическому процветанию, поскольку позволяет готовить более грамотного специалиста. Конечно, она дает более обширное знание об образовании в других странах и регионах, что отчасти подвергает сомнению традиционную веру в неприкосновенность связи этнического государства, культуры и идеи образования. Другими словами, это столкновение с местными традициями в пределах различных культурных параметров той или иной страны. Так появляется необходимость исследовать причины: почему некоторые из педагогических новшеств воспринимаются и одомашниваются, в то время как другие нет. Сравнительные исследования в области педагогики и образования делают акцент на процесс изучения, на контекст, средство для цели, а не на организацию и условия образования.

Новая педагогика, базирующаяся на компаративных методах, необходима, чтобы обеспечить наше понимание взаимодействия образования и культуры, качества образования и прогнозирования развития учащихся. Конечно, требуется интеграция, т. е. внутренний для мирового образования процесс перехода от простой совокупности национальных систем к целостной системе мирового образования. Это кропотливая работа соединения принципиальных основ образования, переход его в новое качество.

Обсуждение

Все страны пытаются улучшить работу своих школ, чтобы полнее отвечать на высокие общественные и экономические запросы. Наиболее значимым ресурсом в школах признается работа с учителем, улучшение его подготовки. Повышение эффективности образования зависит в большой мере от того, что имеются компе-

тентные люди – учителя, которые используют свое высокое качество знания предмета для преподавания, при условии, что все учащиеся имеют доступ к высококачественному преподаванию. Дискуссии по этой проблеме были зафиксированы в основном проекте ОЕСД (Организация экономического сотрудничества и развития), «Привлекая, разрабатывая и удерживая эффективных учителей», которые был осуществлен в период 2002–2004 гг. (Teachers Matter, 2005).

В «Проекте» участвовали вначале 25 стран, затем 32, представители которых заявили, что вопросы, касающиеся подготовки учителя, являются приоритетом для социальной политики, и, вероятно, останутся такими в течение будущих лет. Требования к школам и учителям становятся более комплексными. Общество теперь ожидает, что школы будут иметь дело с носителями разных языков, разнородными группами обучающихся, что заставляет их быть чувствительными к культуре и вопросам национальности, чтобы способствовать социальному единству, чтобы эффективно реагировать на всевозможные поведенческие проблемы, чтобы использовать новые технологии и идти в ногу с быстро разрабатываемыми областями знания и методами оценки знаний. Учителя должны быть способны готовить учащихся к жизни в обществе и к запросам экономики, где востребованы самоориентированные, способные и мотивированные люди, продолжающие учиться всю жизнь.

Однако чтобы конкурировать за качество учителя, необходимо предусмотреть более дифференцированный фонд зарплаты и режима работы для того, чтобы привлекать необходимые типы учителей. Однородный фонд зарплаты и одинаковые условия, вероятно, приведут к избытку некоторых типов учителей и нехватке других. Понятно, что существуют определенные различия среди стран в методах вербовки учителя, его образования, оплаты и эксплуатационного режима, занятости, оценок и структуры карьеры. Здесь стоит обратить внимание на развитие языка и контекстуализацию обучения человека, как и специфику жизни сообщества учащихся. Кроме того, важны переменные культурные осо-

бенности обучения: побуждение (индивидуальное или коллективное); познание (целостное или аналитическое); социолингвистика (знаки внимания и соглашения); и социальная организация (возраст, род, взрослые и детские отношения). Важными факторами выступают ортодоксальность, культурная совместимость и универсалии в образовании. В результате требуется соединение производительной деятельности между преподавателем и учащимися (по контрасту к индивидуальной работе); обучение через диалог (в отличие от господства речи преподавателя и передачи знаний); и обучение познавательной сложности (в отличие от господства основных умений и навыков, и повеления фактов).

Суммируя множество показателей профессионального развития учителя, мы видим, что они зависят от убеждений, отношений, биографии, опыта и гибкого восприятия контекста. Критерии оценки инноваций включают: уместность и приоритет, качество новации, связь или причастность потенциальных пользовательских групп; идентификацию того, что нового было получено, потенциальных заявлений и решений; распространение полученных данных и решений; степень сотрудничества; степень новизны или инновационности идеи; открытость. Традиционные маршруты решения проблем качества образования известны – требовать от преподавателей жертв и полной ответственности за отказ учащихся осваивать новые механизмы обучения, программы и требования, за качество образования, а от преподавателей усвоения гнетущих инструкций и устаревшей системы управления. При этом предлагая небольшую награду учителю за трудную работу. Однако школы в мире разные, требования также.

Образование все больше идет по пути не опытного, а доверительного улучшения качества. Если у нас говорят о возврате в образование стандартов, то передовые школы в мире речь ведут о том, что они должны быть разными (как в разных штатах США). Далее, за стандартами прячутся ценности, поддерживаемые той или иной культурой. Они связаны с теми или иными вариантами демократического образования (Sant Edda, 2018). По меньшей

мере их восемь, а именно: элитарный, либеральный, неолиберальный, совещательный, мультикультуралистский, партисипативный, критический и агонистический. Демократическое образование, как представляется, функционирует в качестве плавающего означающего, критического желательного горизонта в рамках образовательной науки, которое по-разному интерпретируется различными политическими дискурсами. Утверждается, что на значение, приписываемое демократическому образованию, влияют сочетание нормативной ценности, придаваемой демократии, положение по двум онтологическим спектрам (универсализм / партикуляризм и индивидуализм / коммунитаризм), а также эпистемологические утверждения о доступе к знанию (индивидуальная рациональность, intersубъективность или эмпирический характер) (Belcastro, 2015).

Либерализм часто определяется как политическая доктрина, направленная на обеспечение разделения властей, личной свободы и верховенства закона. Демократия все чаще ассоциируется с равенством и народным суверенитетом. В либеральной демократии либеральная и демократическая традиции сливаются. Общеизвестно, что либерально-демократическое образование находится в кризисе, но оно служит отправной точкой для теоретических и практических альтернатив (Bindewald, Tannebaum, Womas, 2016). Выделяют три подхода к демократической образовательной политике и практике, с различными концепциями отношения между политикой и образованием. В рамках подхода «образование для демократии» демократическое образование понимается как социальное воспроизводство (Bradshaw, 2014; Hawley, Hostetler, Mooney, 2016). Либеральные, совещательные и некоторые партисипативные, мультикультуралистские и критические педагоги поощряют политику и исследования в области педагогики образования, направленные на содействие их нормативным концепциям демократии. Дискуссионные и партисипативные дискурсы, как представляется, хорошо позиционируются в этой борьбе за определение нового доминирующего демократического образования, взамен либерально-демократического.

Подход «образование через демократию», напротив, рассматривает демократическое образование как социальное восстановление. Этот подход, в основном связанный с антагонистическими и определенными концепциями критических, мультикультурных и партисипативных дискурсов, предлагает различные практики, в которых политика и образование могут быть взаимосвязаны. Третий подход, который подвергается резкой критике со стороны академического сообщества, «образование в рамках демократии», ставит под сомнение актуальность демократического образования и предполагает самостоятельное понимание демократии и образования (Bai, 2011; Lefrançois, 2010). Неолиберальная политика, которая доминирует в образовательной политике, ставит под сомнение точку зрения о том, что образование должно способствовать или должно функционировать на основе демократических принципов. Скорее, неолибералы рассматривают демократию и образование как инструменты управления в рамках рыночного общества.

Результаты обсуждения различных вариантов демократического образования отвечают различным (а) онтологическим и эпистемологическим предпосылкам, (б) нормативным подходам к демократии и (в) концепциям взаимосвязи между образованием и политикой. Демократические педагоги на основе широкого участия расходятся во мнениях относительно того, должно ли участие в контексте образования способствовать социальному воспроизводству или социальной реконструкции. С одной стороны, прогрессивные педагоги, следуя работам Жан-Жака Руссо, Александра Нила, Марии Монтессори (среди прочих) и некоторым интерпретациям Дьюи, одобряют детскую или ученическую педагогику. Здесь учащиеся должны «восстанавливать знания изнутри» сами, чтобы создавать новые миры. Партисипативная педагогика позволит молодым поколениям взаимодействовать с общими ценностями, которые были определены предыдущими поколениями (Kahne, Hodgins, Eidman-Aadahl, 2016). Мультикультуралистская демократия включает широкий спектр теорий и перспектив, от дифференцированного мультикультурного

лизма до преобразующего мультикультурализма. Мультикультуралисты выступают за множественность пространств (т. е. формальных, неформальных), где могут иметь место демократические практики. Демократия основывается на ценностях свободы и разнообразия, мультикультурализма ученых, тогда многообразие и свобода с трудом объяснимы (Kumi-Yeboah, Smith, 2010).

Агонистические педагоги вступают в союз с постструктуралистскими допущениями (Lo, 2017). Подобно мультикультуралистам, агонистические педагоги отстаивают онтологию множественности, «расхождение и конфликты рассматриваются как проявления человеческой уникальности, а не просто как неудачи в общении или понимании». Но в отличие от мультикультуралистов, агонистические педагоги отдают предпочтение конфликту за разнообразие. Следуя Муффу и Лакло, они утверждают, что антагонизм не может быть устранен из социальной ткани. Для агонистических демократов все формы знания и связанные с ними ценностные критерии считаются социально сконструированными (Lacla, Mouffe, 2001). Вслед за Рансьером, политической философии которого присущи такие понятия как несогласие, равенство и постдемократия, а в некоторых случаях и за Аленом Бадью, равенство понимается скорее как предположение, чем как цель или эмпирическое утверждение. Агонистические педагоги предполагают «равенство интеллектов»: «равная способность к мышлению – универсальная сила быть пораженным истиной». То, что часто может быть принято, как социальное знание, структуры и группы, – это просто социальные конструкции, оседающие через процессы гегемонии. Агонистические демократы, как советует Шанталь Муфф, оспаривают либеральный и совещательный примат разума над эмоциями. Эмоции – это законный и необходимый политический ответ.

Совещательные демократические педагоги рекомендуют преподавать и изучать дискуссию, решение проблем и коммуникативные навыки через спорные вопросы. Демократы-партисипаторы советуют обучаться навыкам участия. Доказано, что возможности участия в структурах

управления классами и школами, в учебных мероприятиях по обслуживанию, а также в симуляциях и играх, способствуют достижению этой цели. Мультикультурные демократические педагоги выступают за то, чтобы учащиеся имели возможность взаимодействовать со своей и другими культурами. Критические демократические педагоги стремятся исследовать социальные проблемы, чтобы учащиеся могли получать знания для раскрытия структур доминирования, а также сотрудничать с сообществами для уменьшения неравенства. Агонистические демократические педагоги рекомендуют воспитывать политические эмоции, а также помогать учащимся понять различия между политическими и моральными требованиями. Постколониалистские мультикультуралисты отстаивают необходимость создания возможностей для того, чтобы учащиеся могли взаимодействовать с некартезианскими эпистемологиями в процессе реконструкции отношений между знанием и бытием. Демократические педагоги-участники выступают за ориентированную на конкретные действия педагогику, которая предлагает реальные возможности для демократического участия. Примерами этого могут служить кодирование учебных программ и общинное обучение деятельности. Агонистические демократические педагоги рекомендуют создавать каналы для выражения политического инакомыслия, для сингуляризации субъективностей и для политической артикуляции учащихся и преподавателей. Логика здесь заключается в том, что образовательные учреждения также являются политическими пространствами и, следовательно, местами, где могут возникнуть политические дискуссии и союзы (Tryggvason, 2017).

Что касается примеров реализации на практике теоретических построений, то их достаточно (Su-I Hou, Shannon Wilder, 2015). Так, в школах Японии нет уборщиц – все делают сами школьники. В Китае – тихий час в середине дня – 30 минут. Все от мала до велика спят. В Англии никаких красных ручек для оценок – раздражают. Запрещают и любые фото. Запрет на победы – чтобы не задеть чьи-то чувства. Во многих школах США оплата учителям зависит от того, сколько учеников посещают

школу. Чем больше их у тебя в классе, тем больше денег ты получишь. В попытке заставить ребят лучше посещать занятия в двух школах Хьюстона ввели электронное маркирование учеников: бейдж, который они должны носить постоянно. Это позволяет школьной администрации следить за местонахождением учащихся. А если кто-то попытается прогулять, то об этом сразу станет известно. В США – регламент на посещение туалетов.

В ходе анализа выяснилось, что образование не обращается к влиятельному подходу по сущности, миссии и целям образования, т. е. философски-антропологическому подходу. Согласно ему, образование – прежде всего воспитание, формирование и развитие человека, стремящегося к физическому, интеллектуальному и духовному совершенству. Его упоминают немецкий философ М. Шелер, американец Э. Фромм, индийский философ Д. Кришнамурти, российские мыслители В.В. Розанов, С.И. Гессен, Н.О. Лосский. Стоит постоянно напоминать учителям о достижениях прошлых ученых – педагогов. Первым из них был Сократ, ибо считал, что человек рождается дважды: физически и духовно. Задача учителя не вбивать в голову ученика факты, а услышать ребенка и помочь ему в раскрытии того мира, который он видит. Педагоги прошлого сделали немало великих открытий, но нынешние, занятые заполнением всяческих бумаг, не могут и не хотят их использовать. Так Иоганн Генрих Песталоцци говорил о методе природосоответствия. Согласно ему, задача педагога раскрыть то, что заложила в человека природа, т. е. развить его интересы, понять потребности маленького человека, помочь ему найти себя. Или Константин Ушинский – основатель научной педагогики в России – говорил о вреде заданий на дом, ибо это зубрежка, которая отбивает у ребенка желание всерьез заниматься уроками. А если их еще выполняют родители? Очень многие говорят, что обучение – это совместный процесс, когда дети учатся у взрослых, а взрослые у детей. У нас же целый пласт ходячих анекдотов о Вовочке, который прямо указывают на эту необходимость. Мария Монтессори считала, что уважение к ребенку помогает ему неверо-

ятно полно раскрыть свой потенциал.

А школьное образование ныне так устроено, что ему не нужны эти авторы. Надежда на родителей. Педагогическое образование в России – аутсайдер, его уничтожают. За последние годы закрыты или перепрофилированы более 40 педвузов. Они стали или филиалами университетов, или факультетами в университетах. Выдержав 61 раунд американских и 21 раунд европейских санкций за последние 5 лет (больше раунда в месяц!), Россия доказала свою политическую и экономическую устойчивость, но в будущем потребуется еще и маневренность, и диалоговое решение проблем, индивидуальный образовательный маршрут и корпоративные университеты, которые привлекут молодёжь к наиболее востребованным научным исследованиям.

COVID-19 вызвал целый ряд эффектов и в образовании. Вдруг то, о чём говорили последние два десятилетия, стало реальностью – цифровое образование и дистантное обучение. Вообще рынок цифровых образовательных технологий (EdTech) к 2020 году по глобальным программам достигнет 252 млрд долларов, с прибавкой каждый год до 17 %. Россия – лидер по приросту среди стран Восточной Европы. У нас эта цифра достигает 20 %. Больше всего стартапов в сегменте массовых открытых онлайн-курсов («Открытое образование», «Постнаука»), также популярны языковые курсы (SkyEng, Linqaleo), корпоративное образование (Zillion, Eduson), обучение IT-специальностям (Нетология), обучение детей (Кодабра, Алгоритмика). Но большинство участников рынка (школы, вузы, родители и ученики) полагаются на консервативные старые технологии. Хотя в соревнованиях мы конкурентоспособны. Наши знания в математике выше среднемировых, но средний бал среди школьников вообще у нас, как и у США – 485, при среднем международном значении в 500 баллов. Радуют школьники начальных классов – набрали 581 балл и показали самые высокие результаты по чтению (Российская газета, 28 сент. 2018 г.).

Министерство просвещения ставит перед системой общего образования две большие задачи – войти в десятку лучших в

мире и выстроить систему воспитания. Суть первой – системные изменения, которые повысят качество и доступность образования, образовательные технологии, особенно нацеленные на подготовку специалистов по цифровым технологиям. Впервые ставят задачу воспитания, развития и образования детей до 3 лет. Необходимо создать систему консультационной и методической помощи, грамотно вести работу со способными и талантливыми детьми, в каждом регионе предполагается создать центры поддержки одаренных детей.

Что касается студентов, то здесь цифровые технологии обучения оказались востребованными. На ученом совете СПбГУ в мае 2020 года обметили, что с переходом на реализацию образовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий существенно выросли показатели, характеризующие участие обучающихся в образовательном процессе (посещаемость занятий в дистанционном формате по всем образовательным программам в этом семестре значительно выросла (до 80–90 %); раньше такие показатели были только у первокурсников; использование ресурсов Научной библиотеки имени М. Горького, количество обучающихся, у которых онлайн-курсы включены в образовательный процесс, и освоение онлайн-курсов, не включенных в образовательный процесс и др.). Повсеместно возросло число обращений студентов к различным электронным библиотечным базам – по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. На некоторых направлениях данный показатель вырос в 40 раз. В апреле и мае книговыдача в Научной библиотеке и ее отраслевых филиалах выросла в четыре раза по сравнению с тем же периодом 2019 года. Постоянно идут запросы на электронные версии для написания курсовых и дипломных работ. Сотрудники библиотеки оцифровывают книги в больших количествах. И это при том, что такого числа оцифрованных изданий, как в СПбГУ, нет ни в одной библиотеке ни одного российского вуза.

На основе предложений руководителей учебно-научных подразделений более чем 9800 студентов университета получили бесплатный доступ к онлайн-курсам

на национальной платформе «Открытое образование» и Coursera в рамках дистанционного обучения и освоения их образовательных программ. На онлайн-курсы записались 6400 студентов Университета (в том числе 4033 — на платформе «Открытое образование» и 2007 — на платформе Coursera). В учебном процессе используется большинство (более 100) онлайн-курсов, созданных в СПбГУ, в том числе за последнее время. Если бы студенты платили за сертификаты по итогам онлайн-обучения, то доход составил бы свыше 15 млн рублей (экономисты называют это упущенной выгодой).

Однако все новации в конечном итоге направлены на повышение качества образования. Его определяют международные исследования OECD через свои программы PISA, TIMSS, PIRLS. Так, PIRLS – исследование читательской грамотности начальной школы, где принимают участие больше 50 стран мира. TIMSS исследует качество математического и естественно-научного образования в 4, 8, 11-х классах. PISA оценивает умение 15-летних подростков – математическую и естественно-научную и читательскую грамотность (в школе и колледже). Здесь дела у нас хуже: по естественно-научной грамотности на 32 месте, по математической – на 23, по читательской – на 26-ом. Наши школьники не могут применять знания на практике и рассуждать, давая осмысленный ответ. В США увеличивается число студентов, выбирающих STEM (наука, технология, инженерия и математика), карьера – национальный образовательный приоритет. Финские оценки были последовательно прочными и спорно самыми верхними в индустриализированном мире, по сравнению с японскими и корейскими студентами, также выполняющими задания хорошо. Оценки американских студентов секретарь Education Rod Paige прокомментировал так: «К несчастью, мы средние по сравнению с другими индустриализированными странами» (Lyne, 2001).

Интернет создал сообщество учеников. Он, возможно, наиболее глубоко затронул все библиотеки. Сегодня, значительно больше академические журналы и книги доступны по Интернету, чем в любой университетской библиотеке. Книги Google, например, составляют приблизительно 20

миллионов томов. Это собрание, которое теперь приближается по размеру к американской Библиотеки Конгресса, самой большой в мире.

Таким образом, естественно, что ученики, студенты и технологии взаимосвязаны. В США 40 % учителей начальной школы используют на уроках компьютеры, большинство учеников предпочитают планшеты учебникам, и 90 % учеников считает, что планшет помогает им лучше учиться. 2/3 преподавателей пользуются соцсетями, а 91 % профессорско-преподавательского состава используют соцсети в качестве инструмента на занятиях. 84 % школ используют Twitter для оповещения учеников. Поэтому-то и количество образовательных приложений достаточно – 20 000+. Закономерно, что на уроках ученики просматривают информацию в телефонах, IPADах, планшетах... Сама жизнь говорит о необходимости использовать в учебном процессе компьютеры. Образование по всему миру в цифрах впечатляюще – 1,4 млрд студентов на Земле, 65,2 млн педагогов. Но при этом 862 млн взрослых в развивающихся странах не имеют образования, 61 млн детей младшего школьного возраста не были зачислены в школы (по данным на 2010 г.), 31 млн учеников по всему миру бросили учебу в 2012 году (по данным OECD).

Инновационные проекты, направленные на реструктуризацию и интенсификацию, сталкиваются с противоречием: с одной стороны, стремлением к постоянному совершенствованию профессионального развития преподавателя, опору на новации в учебном процессе, а с другой – бюрократией, стандартизацией, нацеленностью обучения на конечный продукт. Так формируется необходимость внешней оценки деятельности и школ, и вузов, открытости результатов педагогического процесса, смены приоритетов в оценке студентов и преподавателей, сотрудничающих в реализации инновационных моделей. Стоит отметить особо возрастающую роль учителя в воспитании учащихся в современном обществе, его инновационную готовность. Эти процессы интернациональны и глобальны.

Само обучение понимается неод-

нозначно: обучение как передача (передача информации и навыка); обучение как дисциплинарная индукция (обеспечение доступа к установленным путям культуры); обучение как демократия в действии, (в котором знание является рефлексивным, а не полученным, и преподаватели, и учащиеся – объединенные в единой деятельности «вопрошатели»); обучение как помощь (уважающее индивидуальные различия и отвечающее на связанную с развитием готовность и потребность действовать); обучение как ускорение (опережающее «естественное» развитие вместо того, чтобы следовать за ним); преподавание как техника (подчеркивающее структуру, экономичность, краткость и скорость). Затем гендерное равенство, гражданское воспитание, толерантность и т. п. проблемы, которые нагружают школу и учителей.

Результатов реального решения этих форм обучения не так уж и много. Но есть и явно положительные итоги. Так, в 1990-х образовательная система Финляндии подвергалась фундаментальному преобразованию строгого национального управления над структурой, организацией, содержанием, ресурсами и методами в более гибкий и децентрализованный метод. Сдвиг на управлении сопровождался большим акцентом на профессионализацию учителя через стандарты усовершенствованной подготовки учителя и большей автономности учителя в преподавании предмета, методов оценки, текстов, школьной политики, и бюджета (Институт Образовательного Исследования, 2002). Акцент в познавательной психологии на подготовке учителя, сдвиг по отношению к менее структурным программам и активному изучению методов среди других более широких элементов общества (например, оценивается семья, гомогенные студенты, и культурные элементы). При этом дети учатся за пределами классной комнаты, им предоставляется большая свобода передвижения по школе, работа в любом удобном для них месте, у каждого ребенка индивидуальный план уроков, соответствующий потребностям. Требования просты – разрабатывать образовательные системы, которые способствуют учащимся, имеющим определенные компетенции, усвоению технологиче-

ских знаний, связи с жизнью и способностями наблюдения и аналитики, обладающие отношением осведомленной приспособляемости. Вообще автономность школ и университетов ведет к автономности учащихся, полагающихся на договорные отношения и ювенальное право. При этом ценности культуры и нации не навязываются, не заучиваются, а строятся на основе отношений, в которых они и реализуются.

Как правило, большинство пишущих по системам образования ставят в пример систему образования в США. Все в этой стране неоднозначно. Главной особенностью её является децентрализация, отсутствие структуры, которая занимается вопросами стандартизации образования, финансирования, регулирования всей деятельности, всех уровней образования. В каждом американском штате имеется комитет, который занимается всеми вопросами образовательной политики: какие предметы и в каком объеме будут изучать дети в школах конкретного штата. Фактически в США насчитывается 50 самостоятельных систем образования, имеющих много общего, но в каждом штате есть и свои особенности. Специфическим явлением образования можно считать унифицированность системы экзаменационных тестов, единых для всей страны и служащих главным критерием оценки знаний учащихся, на основании которого принимается решение о зачислении абитуриента в конкретный вуз или колледж.

Регулирующую роль в системе высшего образования США играет в значительной степени общество, а не государство. Исключительно важное место отводится месту учебного заведения в строгой иерархии: более 600 государственных университетов и колледжей с четырехлетним сроком обучения и более 1550 частных вузов. Целью высшего образования в США считается подготовка образованного, наделенного индивидуальной ответственностью, прагматичного человека, способного к систематическому мышлению, верным оценочным суждениям и творческой деятельности.

Соединенные Штаты Америки первыми обратили внимание на стандарты в области образовательных технологий и приступили к реализации проекта «Power,

Internet, Learning» (в 2001 году вложено 6 миллиардов долларов). Суть проекта: «Интернет». Центральное звено федеральной образовательной политики США – e-learning. Новая образовательная система должна выпускать технологически грамотных студентов. Выпускники вузов уметь пользоваться информацией; уметь ее находить, анализировать и создавать. Работа с мировыми информационными ресурсами закладывается в каждый учебник, где обязательны ссылки на мировые информационные источники; электронный же учебник предусматривает еще и автоматический выход на них.

В современных образовательных системах существует такое утверждение: «Содержание – царь, технологии – бож». Для того чтобы строить крупные образовательные системы на Западе создают консорциумы. В них входят не только ведущие университеты мира, но и крупнейшие компании, в том числе компьютерные телекоммуникационные; национальные комитеты по стандартизации. В рабочей группе консорциума по разделу «Стандартизация» созданы комитеты: комитет по компетенциям (стандартизация в области знаний умений и навыков); по тестам и тестированию; по структурированию содержания; метаданным; проектированию обучения; доступу и т. д. Но одними стандартами и технологиями не обойтись. Сюда еще входит нормативно-правовое обеспечение.

Комиссия по совершенствованию образования рекомендовала выпускникам средних школ в последние четыре года обязательное изучение пяти «базовых дисциплин»: английский язык (4 года), математика (3 года), естественные науки (3 года), социальные науки (3 года), овладение компьютерной грамотностью (0,5 года). Кроме того, учащиеся, желающие продолжить обучение в высшем учебном заведении, должны пройти 2-летний учебный курс иностранного языка. В США средний профессиональный уровень в системе образования не выделяется. Он интегрирован в систему высшего образования, однако, к нему можно отнести сеть 2-годичных колледжей, которая получила значительное развитие еще в 60-70-х годах. Высшее образование представлено тремя типами учре-

ждений: 1) младшие местные колледжи (2–3-летние программы), 2) прикладные технические университеты (4-летние программы), 3) колледжи и университеты (4-летние программы).

Основной целью проходящей ныне реформы в высшей школе является совершенствование качества подготовки специалистов, что достигается, во-первых, корректировкой учебных планов и программ с целью адаптации их к постоянно меняющемуся состоянию общества. Далее следует реализация принципов индивидуального подхода в учебном процессе, аттестации и аккредитации вузов и курсов. Затем внедрение инновационных моделей в учебный процесс, новых форм и методов обучения. Учебный год в американских вузах длится обычно 9 месяцев – с конца августа или сентября до мая или июня и состоит в подавляющем большинстве вузов из 15–16-недельных семестров. Занятия в летний период («летние школы») носят факультативный характер.

Понятия "академическая группа" не существует, так как каждый учится по индивидуальной программе и посещает лекции по выбору. Обычно студенту перед лекцией выдается ее конспект. Они слушают лектора и делают пометки в розданном им тексте. Это позволяет лектору широко пользоваться техническими средствами обучения, аудио- и визуальной аппаратурой, не обременяя студентов перерисовыванием схем, графиков, формул и так далее.

Для получения степени бакалавра студенты должны набрать определенное число зачетных единиц и сдать требуемые экзамены. Степень магистра в США ориентируется на специализированную деятельность (музыка, управление бизнесом, техника, педагогика и так далее). Лица, имеющие степень бакалавра, должны пройти обучение в течение 1–2 лет, написать и защитить «тезисы». Их можно рассматривать как аналитический доклад или отчет соискателя магистерской степени о его научной работе по избранной теме, в котором демонстрируется умение собирать, анализировать и обобщать, синтезировать и излагать материал. Ежегодно в США присваивается более 600 000 магистерских и докторских степеней. Однако и этого оказыва-

ется недостаточно, поскольку потребность в специалистах, имеющих высшие академические и ученые степени, постоянно растет.

По данным Института международного образования, в США обучается около 600 тыс. иностранных студентов, что составляет лишь 3 % от общего числа студентов и более 30 % от мирового контингента иностранных студентов. Больше всего молодежи приезжает учиться из Азии (57 %), в основном, из Японии и Китая (эти две страны сохраняют лидирующее положение), затем – из Кореи, Тайваня и Гонконга. Европейцы занимают второе место (15 %), их стало несколько больше в последнее время за счет притока студентов из Восточной Европы и России. Основной движущей силой развития образования является соперничество. Все учебные заведения одного «ранга» борются за известных профессоров и преподавателей, за субсидирование научных исследований, талантливых студентов, внимание общественности.

В настоящий момент образовательная политика большинства европейских стран направлена, в основном, на создание многосторонней системы высшего образования с уклоном в сторону профессионального и технического. Для многих европейских стран образцом образовательной политики становится Великобритания с ее селективным подходом к финансированию, усилением контроля и тенденцией к уменьшению автономии вузов. Высшее образование все больше и больше подчиняется специфическим целям национальной политики.

В ЕС создается единая образовательная сеть, основу которой должны составить международные стандарты на образовательные технологии. Они позволяют не только формировать содержание образования, но и сохранять при этом саму структуру знания. В Германии основной путь в высшие профессиональные школы лежит через школьный выпускной экзамен *Fachoberschule* после окончания 12-летнего обучения. Для поступления же в университет, технический университет или педагогический колледж необходимо сдать *Abitur* по окончании 13-летнего обучения в гимназии. Уже в начале 80-х годов среди студентов, поступающих в высшие профессиональ-

ные школы, увеличилось число лиц, сдавших экзамены на аттестат зрелости. Таким образом, абитуриенты, которые могли бы учиться в университете, предпочитают поступать в высшие профессиональные школы. К настоящему времени примерно 50 % поступающих в высшие профессиональные школы сдали экзамен на аттестат зрелости. В вузах, в основном, существуют два вида учебных курсов. С одной стороны, есть те, которые нацеленные на определенные профессии, например, курсы по педагогике, медицине и праву. С другой стороны – учебные курсы, и их большинство. Они не готовят студентов к определенным профессиям, а сформированы по направлениям исследований, и нацелины на то, чтобы было меньше теоретических и больше практических знаний, основываться на профессиональной реальности и давать хотя бы первичное представление о профессии, которой можно заняться по окончании обучения.

В Европе степень бакалавра рассматривается как подготовительная ступень к получению высшего образования (более 300 вузов стран Европы). По Болонскому протоколу ученые степени бакалавра и магистра являются академическими квалификациями, а у нас профессиональными. Основное положение, принятое Советом ЕС 13 июля 2001 года по направлениям e-learning (обучение с использованием современных информационных технологий), касается формулировки стратегической цели государств ЕС: создание конкурентоспособной, динамичной, основанной на знаниях, экономики, информационных и коммуникационных технологий и образования.

В университетах Японии принята система зачетных единиц. Для получения степени бакалавра, например, в Токийском технологическом университете необходимо получить 130 зачетных единиц. Одна зачетная единица соответствует 15 лекционным занятиям (одно учебное занятие – 45 минут). Для семинарских занятий одна зачетная единица соответствует 30 занятиям в семестр. При выполнении лабораторных работ, практических занятий одна зачетная единица – 45 минут занятий еженедельно в течение семестра. Учебный год продолжается в Японии с апреля по март, составляя

310 учебных дней или 35 учебных недель.

За период с 1985 по 2003 г. число желающих получить высшее образование в стране сократилось с 5 до 4 млн человек. Здесь и демографический кризис в стране, и сокращение числа абитуриентов, и университетов. Высшими учебными заведениями («дайгаку») в Японии считаются университеты, младшие колледжи, технические колледжи и школы специальной подготовки, предлагающие продвинутые курсы, так называемые колледжи специальной подготовки. Срок обучения в университете, как правило, 4 года; на медицинских и ветеринарных факультетах – 6 лет. Университеты могут учреждать школы последипломного обучения – «дайгакуин», которые предлагают курсы, ведущие к степени магистра (срок обучения 3 года) и степени доктора (обычно продолжительностью 5 лет, за исключением медицины и стоматологии – 4 года). Студентам, успешно окончившим эти последипломные курсы, при выполнении определенных требований, может быть присвоена степень магистра или доктора (Westwood, Low, 2003. P. 240).

Университеты всегда проигрывают в конкуренции за бюджетные деньги с другими социальными институтами. Поэтому в странах с молодым капитализмом (Израиль, Австралия, Южная Корея) давно поняли, что государство в полном объеме финансировать вузы не может, поэтому здесь приступили к созданию иных условий для существования университетов. В Израиле, где действует одна из наиболее развивающихся систем образования, нет ни одного государственного вуза, все – акционерные общества. В Австралии, Новой Зеландии – та же картина, как и в других странах Юго-Восточной Азии. Государство обеспечивает университетам условия для работы, привлекая частных инвесторов, создавая университеты в логике бизнеса.

Выводы таковы, что существуют разнонаправленные и многофункциональные составляющие образования, которые направлены большей частью на практические навыки учащихся и реализацию их либерально-демократических свобод. Качество образования декларируется, а его результаты далеки от совершенства (The Learning Generation, 2016).

Библиографический список

Teachers Matter: Attracting, Developing and Retaining Effective Teachers. OECD. Paris. 2005.

Belcastro A.T. Rebalancing quality education in a democratic society // *Creative Education*. 2015. Vol. 6. Iss. 4. P. 428–439.

Edda S., Davies I., Pashby K., Shultz L. Global citizenship education: a critical introduction to key concepts and debates. London: Bloomsbury Academic, 2018. 248 p.

Bindewald B.J., Tannebaum R.P., Womac P. The common core and democratic education: Examining potential costs and benefits to public and private autonomy // *Democracy & Education*. 2016. Vol. 24. Iss. 2. P. 1–10.

Bradshaw R. Democratic teaching: an incomplete job description // *Democracy & Education*. 2014. Vol. 24. Iss. 2. P. 1–5.

Hawley T.S., Hostetler A.L., Mooney E. Reconstruction of the fables the myth of education for democracy, social reconstruction and education for democratic citizenship // *Critical Education*. 2016. Vol. 7. No. 4.

Bai T. Against democratic education // *Journal of Curriculum Studies*. 2011. Vol. 43. Iss. 5. P. 615–622.

Lefrançois D., Ethier M. Translating the ideal of deliberative democracy into democratic education: pure utopia? // *Educational Philosophy and Theory*. 2010. Vol. 42. P. 271–292.

Kahne J., Hodgins E., Eidman-Adahl E. (2016). Redesigning civic education for the digital age: Participatory politics and the pursuit of democratic engagement. *Theory &*

Research in Social Education, 2016. Vol. 44. Iss. 1, P. 1–35.

Kumi-Yeboah A., Smith P. Critical multicultural citizenship education among Black immigrant youth: Factors and challenges // *International Journal of Multicultural Education*. 2016. Vol. 18. Iss. 1. P. 158–182.

Lo J.C. Empowering young people through conflict and conciliation: Attending to the political and agonism in democratic education // *Democracy & Education*. 2017. Vol. 25. Iss. 1. P. 2.

Laclau, E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics* (2nd ed.). London, England: Verso. 2001.

Tryggvason Á. The political as presence: On agonism in citizenship education // *Philosophical Inquiry in Education*. 2017. Vol. 24. P. 252–265.

Su-I Hou and Shannon Wilder. *Changing Pedagogy: Faculty Adoption of Service-Learning: Motivations, Barriers, and Strategies Among Service-Learning Faculty at a Public Research Institution*. SAGE Open January – March. 2015. P. 1–7.

The Learning Generation. Investing in education for a changing world. A Report by The International Commission on Financing Global Education Opportunity educationcommission.org, 2016.

Westwood Robert and Low David R. *The Multicultural Muse: Culture, Creativity and Innovation* // *International Journal of Cross Cultural Management*. 2003. Vol. 3. Iss. 2. P. 235–259.

References

Bai T. (2011). Against democratic education. *Journal of Curriculum Studies*. Vol. 43. Iss. 5. P. 615–622.

Belcastro A.T. (2015). Rebalancing quality education in a democratic society. *Creative Education*. Vol. 6. P. 428–439.

Bindewald B.J., Tannebaum R.P., Womac P. (2016). The common core and democratic education: Examining potential costs and benefits to public and private autonomy. *Democracy & Education*. Vol. 24. Iss. 2. P. 4.

Bradshaw R. (2014). Democratic teaching: An incomplete job description. *Democracy & Education*, Vol. 22. Iss. 2. C. 3.

Hawley T. S., Hostetler A. L., Mooney E. (2016). Reconstruction of the fables the myth of education for democracy, social reconstruction and education for democratic citizenship. *Critical Education*, Vol. 7. Iss. 4. P. 2–12.

Kahne J., Hodgins E., Eidman-Adahl E. (2016). Redesigning civic education for the digital age: Participatory politics and the pursuit of democratic engagement. *Theory & Research in Social Education*, Vol. 44. Iss. 1. P. 1–35.

Kumi-Yeboah A., Smith P. (2016). Critical multicultural citizenship education among Black immigrant youth: Factors and challenges. *International Journal of Multicultural Education*. Vol. 18. Iss.1. P. 158–182.

Laclau E., Mouffe C. (2001). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics* (2nd

ed.). London, England: Verso.

Lefrançois D., Ethier M. (2010). Translating the ideal of deliberative democracy into democratic education: Pure Utopia? *Educational Philosophy and Theory*. Vol. 42. P. 271–292.

Lo J.C. (2017). Empowering young people through conflict and conciliation: Attending to the political and agonism in democratic education. *Democracy & Education*, Vol. 25. Iss.1. P. 2.

Edda S., Davies I., Pashby K., Shultz L. (2018) *Global citizenship education: a critical introduction to key concepts and debates*. London: Bloomsbury Academic. 248 p.

Su-I Hou and Shannon Wilder (2015) *Changing Pedagogy: Faculty Adoption of Service-Learning: Motivations, Barriers, and Strategies Among Service-Learning Faculty at a Public Research Institution*. SAGE Open January – March. P. 1–7.

Teachers Matter: Attracting, Developing and Retaining Effective Teachers (2005). OECD. Paris.

Tryggvason Á. (2017). The political as presence: On agonism in citizenship education. *Philosophical Inquiry in Education*. Vol. 24. P. 252–265.

The Learning Generation. Investing in education for a changing world. A Report by The International Commission on Financing Global Education Opportunity educationcommission.org. 2016.

Westwood Robert and Low David R. (2003) The Multicultural Muse: Culture, Creativity and Innovation. International Journal of Cross Cultural Management. Vol. 3. Iss. 2. P. 235–259.

Критерии авторства

Колесников А.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Колесников Анатолий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9, Россия,
✉ e-mail: kolesnikov1940@yandex.ru

International Journal of Cross Cultural Management. Vol. 3. Iss. 2. P. 235–259.

Criteria for Authorship

Kolesnikov A.S. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript

Information about the author

Anatoly S. Kolesnikov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor of History of Philosophy Department, St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, 7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia,
✉ e-mail: kolesnikov1940@yandex.ru

Исследование учебно-профессиональной мотивации студентов разных направлений подготовки (на примере ФГБОУ ВО «ИРНИТУ»)

© Л.А. Ларионова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Проблема повышения уровня учебно-профессиональной мотивации студентов остро стоит в современной высшей школе. В связи с переходом на компетентностный подход в вузовском образовании актуально построить процесс таким образом, чтобы уже во время учебы сформировались профессиональные компетенции. Как оптимально соотносить интерес обучающегося к будущей профессии с учебной деятельностью? Без глобального изучения учебно-профессиональной мотивации студентов ответить на этот вопрос трудно. Данная статья посвящена исследованию учебно-профессиональной мотивации студентов в вузе. Цель исследования – выявить особенности учебно-профессиональной мотивации студентов технического и гуманитарного направлений подготовки. Работа проводилась в Иркутском национальном исследовательском техническом университете. Участие в нем приняли 50 студентов. Для достижения цели были выдвинуты задачи: провести сравнение учебно-профессиональной мотивации между студентами разных направлений подготовки, выделить специфические особенности для каждой группы и охарактеризовать мотивационную сферу испытуемых. Исследование проводилось при помощи стандартизированных методик и опросников. Результаты показали, что действительно учебно-профессиональная мотивация отличается у студентов разного направления подготовки. Научной новизной явилось то, что было дополнено представление об учебно-профессиональной мотивации студентов вуза некоторыми данными о ее специфике. Учет этих сведений будет полезным при составлении учебно-методических материалов преподавателями вузов, чтобы целенаправленно воздействовать на повышение уровня учебно-профессиональной мотивации обучающихся.

Ключевые слова: мотивация, учебно-профессиональная мотивация, мотивационный профиль, эмоциональный профиль, профессиональная готовность, профессиональная направленность, фасцинация

Информация о статье: Дата поступления 15 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 16 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020.

Для цитирования: Ларионова Л.А. Исследование учебно-профессиональной мотивации студентов разных направлений подготовки (на примере ФГБОУ ВО «ИРНИТУ») // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 2. С. 232–243.

Study of academic and career motivation of different training programs students (the case of FSBEI “Irkutsk national research technical university”)

© Larisa A. Larionova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The problem of increasing students' academic and career motivation is pressing in modern higher education. Due to transition of higher education to a competence-based approach it is important to build the educational process in such a way that professional competencies are formed already during study. How to optimally correlate the student's interest in the future profession with educational activities? Without a global study of students' academic and career motivation it is difficult to answer this question. The article is devoted to the study of students' academic and career motivation. The subject of the research is the features of academic and career motivation of students of engineering education and that in the humanities. The study was conducted in FSBEI «Irkutsk national research technical University». It involved 50 students. The purpose of the study is to identify the features of academic and career motivation in technical and humanitarian areas of training. To achieve this goal, the following tasks were put forward: to compare academic and career motivation between students of different training areas, to identify specific features for each group and to characterize the motivational sphere of the subjects. The study was conducted using standardized methods and questionnaires. The results showed that really academic and career motivation differs among students in different areas of training. The scientific novelty is that the idea of academic and career motivation of University students is supplemented with some information about the specifics of this motivation, which is typical for students of technical and humanitarian fields of training. Consideration of this information will be useful for preparation of teaching materials by University teachers in order to purposefully influence the increase of the level of academic and career motivation of students.

Keywords: motivation, academic and career motivation, motivational profile, emotional profile, professional readiness, professional orientation, fascination

Article info: Received April 15, 2020; accepted for publication May 16, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Larionova L.A. (2020) Study of academic and career motivation of different training programs students (the case of FSBEI "Irkutsk national research technical university"). *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. P. 232–243. (In Russ.)

Введение

В условиях рыночной экономики перед каждым выпускником вуза стоит задача активно, разумно и грамотно конкурировать на рынке труда. (Жданко, 2008. С. 69). Для этого необходимо в процессе обучения не только освоить знания, но и сформировать ряд профессиональных компетенций, успешности этому сопутствует высокий уровень учебно-профессиональной мотивации в процессе обучения в вузе, исследование которой является задачей, имеющей большое значение для повышения эффективности образования в высшей школе (Воротова, 2009. С. 262). В отечественной науке накоплен богатый опыт изучения учебно-профессиональной мотивации (Зеер, Климов, Пряжников, Реан и др.). В связи с переходом образования в России на ФГОС, актуальность исследования возросла. Является очевидным, что уровень сформированности профессиональных компетенций будет зависеть в том числе и от заинтересованности студентов в получении будущей профессии. При рассмотрении учебной деятельности традиционно выделяют первичными мотивы интеллектуально-познавательного плана, потому что именно они осознаются в первую очередь. Для успешной учебы студент должен уметь ее самостоятельно планировать, реализовывать и контролировать. (Бугрименко, 2006. С. 51). Мотивация концептуально выступает стержневым, определяющим компонентом. Успеваемость обучающихся в вузе во многом зависит от развития учебной мотивации, а не только от природных способностей (Воробьева, Питюков, 2013. С. 10). Зобков А.В. называет ядром предметной структуры учебной деятельности объект, цель, мотивы и личностные смыслы (Зобков, 2013. С. 26). Именно мотивы позволяют обучающимся работать увлеченно и целеустремленно. Что касается влияния профессиональной мотивации на усвоение знаний, то это сложная система. Неоднозначен характер связи между способностями и достижениями (Гордеева, 2011. С. 643). При

определенных условиях (например, при повышенном интересе к конкретной деятельности) может срабатывать компенсаторный механизм. В этом случае недостаток способностей компенсируется развитием мотивационной сферы (интерес к предмету, осознанность выбора профессии), вследствие чего в учебной деятельности достигаются хорошие результаты. В сфере профессиональной мотивации важным является положительное отношение к профессии, так как данный мотив связан с итогом обучения (Меламед, 2011. С. 1). Профессиональная направленность, по мнению М.В. Романовой, предполагает не только понимание, но и внутреннее принятие задач профессиональной деятельности, а также относящиеся к ней установки и интересы (Романова, 2006. С. 146).

Мы поставили перед собой цель – исследовать учебно-профессиональную мотивацию у студентов ФГБОУ ВО «ИРНИТУ» и описать ее особенности у обучающихся разной направленности.

Прежде чем приступить к работе необходимо было обозначить структуру учебно-профессиональной мотивации. Еще раз подчеркнем, что при получении профессионального образования необходима не только учебная мотивация, но и та, которая связана с получением той или иной профессии, с ее спецификой. Итак, в структуру учебно-профессиональной мотивации мы включили, прежде всего, основные компоненты мотивационной структуры личности: поддержание жизнеобеспечения, комфорт, социальный статус, общение, общую активность, творческую активность, общественную полезность, общежитийскую (относящаяся ко всей сфере жизнедеятельности), учебную (относится только к учебной сфере), «идеальное» состояние мотива (уровень побуждения, устремления), «реальное» (насколько человек расценивает данный мотив удовлетворенным в настоящее время), разные эмоциональные переживания. Считаем необходимым включить в профессиональную мотивацию та-

кие шкалы, как «приобретение знаний» (стремление к приобретению знаний, любознательность); «овладение профессией» (стремление овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально важные качества); «получение диплома» (стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов). Включили мотивационный полюс для понимания мотивации успеха, а также профессиональной готовности, т. е. самооценки своих возможностей в реализации определенных умений.

Методы

В исследовании приняли участие 50 студентов ФГБОУ ВО «ИРНИТУ» в возрасте 20–21 год. Группы были преднамеренно разделены по 25 человек. В группу 1 вошли студенты, обучающиеся на технических специальностях. В группу 2 вошли студенты, обучающиеся на гуманитарных специальностях. Для достижения цели и реализации задач исследования были подобраны стандартизированные методики, которые позволили измерить учебно-профессиональную мотивацию студентов. Батарей методик состояла из: диагностики мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман); методика изучения мотивации в вузе (Т.И. Ильина); методика определения мотивации учения (В.Г. Каташев); опросник мотивации успеха и боязнь неудачи (А.А. Реана); опросник профессиональной готовности (Л.Н. Кабардова). При сравнительном анализе полученных данных был использован статистический метод при помощи t -критерия Стьюдента.

Результаты

На основе полученных результатов диагностики мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман) мы построили два профиля – мотивационный и эмоциональный. Особенности мотивационного профиля у испытуемых двух групп представлены на рис. 1. Как видно, профили двух групп имеют сходство, однако наблюдается тенденция повышения показателей по всем шкалам в группе 1. По результатам сравнительного анализа, с использованием t -критерия Стьюдента, были обнаружены статистически значимые различия по параметрам: «поддежание жизнеобеспечения»

($x_{ср1}=26,7$ и $x_{ср2}=24,08$ $t=2,28$ при $p\leq 0,05$); «общая активность» ($x_{ср1}=20,04$ и $x_{ср2}=15,6$ $t=3,14$ при $p\leq 0,01$); «творческая активность» ($x_{ср1}=28,2$ и $x_{ср2}=24,4$ $t=2,2$ при $p\leq 0,05$).

Результаты методики позволяют выделить две группы мотивов – это «мотивы поддержания» и «мотивы роста». «Мотивы поддержания» включают в себя такие параметры, как общение, поддержание жизнеобеспечения, комфорт, социальный статус. Эти мотивы преобладают у испытуемых. Что касается «мотивов роста», то они соотносятся с творческим процессом, с потребностью в самореализации и самоактуализации. Данные мотивы выражены меньше. Они включают в себя: общую и творческую активность, а также общественную полезность. На основе соотношения показателей всех шкал, полученных в результате исследования, были составлены типы мотивационного профиля. В обеих группах профиль имеет **регрессивный тип, который** отличается превышением общего уровня «мотивов поддержания» над «мотивами роста». Профиль представляет собой последовательно сниженную линию слева направо. Итак, доминируют мотивы, относящиеся к жизнеобеспечению, комфорту, безопасности, условиям социального существования и взаимодействия с окружающими. Меньше выражены «мотивы роста», отнесенные к ним творческие процессы, потребности в самореализации и самоактуализации. Следует отметить, что показатели «творческой активности» имеют значимую разницу между группами, они выше у испытуемых группы 1. Респонденты оценивают ниже свои реальные возможности, происходит неравное соотношение между «идеальными» и «реальными» мотивами, между потребностью в достижении значимых ценностных объектов и возможностью достигнуть их в реальности. «Идеальное» состоянием мотивов – это субъективный уровень напряжения, степень побуждения, устремления. «Реальное» состояние – уровень удовлетворенности мотива в актуальности, а также затрачиваемая энергия, направленная на снижение напряжения и достижения эмоционального равновесия. Чем выше различия между показателями реальной и идеальной мотивации, тем глубже внутренняя неудовлетворенность и

Примечание: 1 – П – поддержание жизнеобеспечения, 2 – К – комфорт; 3 – С – социальный статус; 4 – О – общение; 5 – Д – общая активность; 6 – ДР – творческая активность; 7 – ОД – общественная полезность.

Рис. 1. Мотивационные профили
Fig. 1. Motivational profiles

конфликт между понятиями сознания «должно быть – есть», «хочу – имею», «хочу – могу». Как следствие, убежденность в недоступности, непостижимости объекта удовлетворения потребности. По результатам сравнительного анализа представлены статистически значимые различия по параметрам: «общежитейская мотивация в идеальном состоянии» ($x_{ср1}=41$ и $x_{ср2}=36,2$ $t=2,8$ при $p \leq 0,01$); «рабочая (учебная) мотивация в идеальном состоянии» ($x_{ср1}=39,4$ и $x_{ср2}=35,2$ $t=2,6$ при $p \leq 0,01$); «общежитейская мотивация – реальное состояние» ($x_{ср1}=24,6$ и $x_{ср2}=21,7$ $t=2,1$ при $p \leq 0,05$). Испытуемые группы 1 выше оценивают свои возможности, нежели испытуемые группы 2. Это можно также связать с тем, что обучающиеся на гуманитарных направлениях в техническом вузе не так уверенно себя чувствуют, как обучающиеся на технических направлениях. Чтобы это подтвердить или опровергнуть, необходимо такое же исследование провести в гуманитарном университете.

Далее рассмотрим показатели эмоционального профиля личности. Эмоции – это внутренние переживания и оценочные реакции человека на ту или иную ситуацию. Одной из функций эмоций является адаптивная, которая позволяет адекватно приспособиться к изменившимся условиям существования и жизнедеятельности. Для оценки и построения эмоциональных профилей испытуемых были ис-

пользованы следующие шкалы: направленность на эмоциональные переживания стенического типа, направленность на эмоциональные переживания астенического типа, стенический тип переживания и поведения в ситуации фрустрации и астенический тип переживания фрустрации. Как видно из рис. 2, профили обеих групп имеют сходство, но при этом наблюдается тенденция к повышению показателей у испытуемых в группе 1. А по шкале «направленность на эмоциональные переживания астенического типа» в этой же группе показатели снижены. По результатам сравнительного анализа, с использованием t -критерия Стьюдента, выделены статистически значимые различия по параметру: «направленность на эмоциональные переживания астенического типа» ($x_{ср1}=8,9$ и $x_{ср2}=7,5$ $t=2,1$ при $p \leq 0,05$). У испытуемых в группе 1 показатели выше на значимом уровне, что можно рассматривать как тенденцию испытывать негативно окрашенные чувства подавленности, уныния, тоскливости. Стенические и астенические переживания возникают также в ситуациях, когда заблокировано удовлетворение потребности или затруднено в следствие непреодолимого препятствия, человек при этом испытывает состояние длительного мотивационного напряжения. Это порождает условия для возникновения новых по содержанию и по силе эмоциональных реакций, которые могут и угнетать, и активизировать. У испытуе-

мых в обеих группах показатели «Фст – стенический тип переживания и поведения в состоянии фрустрации» выше показателей «Фаст – астенический тип переживания фрустрации», что свидетельствует о склонности испытуемых к активизирующему типу реакции на фрустрацию потребности.

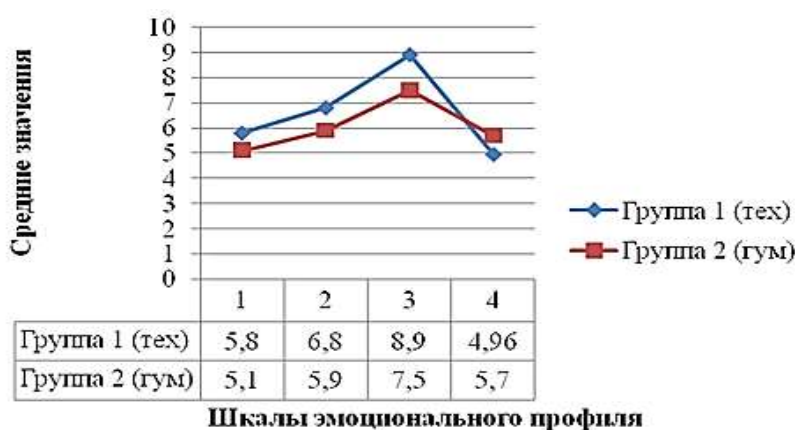
Таким образом, испытуемые обладают смешанным стеническим типом эмоционального профиля, который характеризуется стеничностью фрустрационного поведения (Фст выше Фаст) и астеничностью эмоциональных предпочтений (Эаст выше Эст). Такой профиль часто встречается у молодежи, показывает разнонаправленность внутри эмоциональной сферы. В различных ситуациях удовлетворения потребностей могут возникать и доминировать как стенические, так и астенические реакции. Определяющим будут являться специфичность ситуации, переживаемый опыт эмоциональной жизни человека, фрустрационная терпимость и др.

Статистический анализ по методике «Диагностика мотивационной структуры личности» показал наибольшие различия у групп по шкалам: «поддержание жизнеобеспечения»; «социальный статус», «общая активность» и «общественная полезность». У испытуемых в группе 1 разброс значений по шкале «поддержание обеспечения» находится в диапазоне от 20 до 35; у испытуемых в группе 2 – от 18 до 33. Среднее значение составляет 26,7 и 24,1, соот-

ветственно, наблюдается тенденция повышения показателей в группе 1. В обеих показатели распределяются равномерно, о чем свидетельствует стандартное отклонение, которое составляет 4,07 и 4,11. По шкале «социальный статус» разброс значений выглядит следующим образом: группе 1 – от 15 до 43, в группе 2 – от 16 до 38. Средние значения равны 30,6 и 27,8, т.е. показатели в группе 2 выше, чем в группе 1. Распределение показателей в обеих группах вполне равномерно (стандартное отклонение 5,9 и 5,5). По всем шкалам сохраняется эта тенденция.

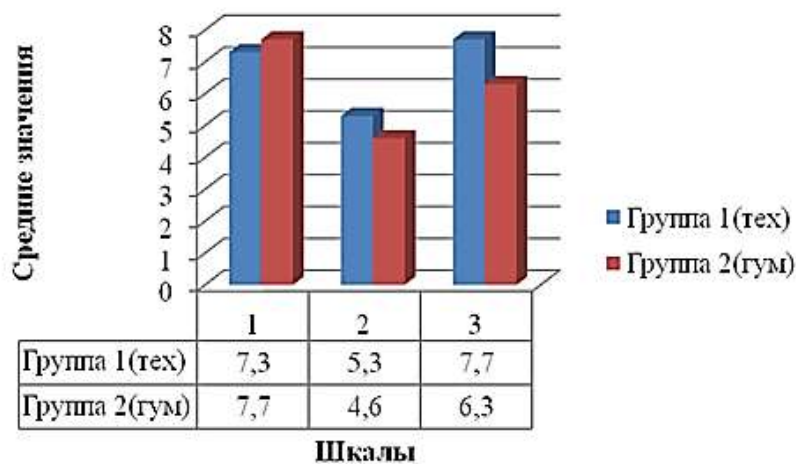
Таким образом, можно резюмировать, что для молодых людей группы 1 характерна большая активность. В обеих группах испытуемые при высоком «идеальном» показателе, который отражает выраженную прагматическую жизненную установку, имеют низкий «реальный» показатель. Его можно трактовать как то, что сам человек прилагает в этом отношении минимум усилий. В эмоциональном профиле показатели астеничности превышают показатели стеничности по обеим шкалам – Э и Ф, что характеризует испытуемых как эмоционально пассивных, с тенденцией к фрустрационной неустойчивости.

По результатам методики изучения мотивации обучения в вузе (Т.И. Ильина) выявлено, что у испытуемых группы 1 больше выражен мотив «получение диплома», у испытуемых группы 2 – «приобретение знаний».

Примечание: 1 - Эст – направленность на эмоциональные переживания стенического типа; 2 – Фст – стенический тип переживания и поведения в состоянии фрустрации; 3 – Эаст – направленность на эмоциональные переживания астенического типа; 4 – Фаст – астенический тип переживания фрустрации.

Рис. 2. Эмоциональные профили
Fig. 2. Emotional profiles

Примечание: 1 - «приобретение знаний»; 2 - «овладение профессией»; 3 - «получение диплома».

Рис. 3. Мотивация обучения в вузе у испытуемых в группах
Fig. 3. Motivation of test groups' learning in the University

Как видно из рис. 3 мотив «приобретение знаний» преобладает у 9 испытуемых группы 1 и у 16 испытуемых группы 2. Мотив «овладение профессией» доминирует всего у 2 респондентов, по одному из каждой группы. Еще у 5 из двух групп наблюдаются высокие значения (8–10 баллов) данного мотива, который отражает стремление овладеть профессиональными знаниями и профессионально важными качествами. Мотив «получение диплома» выражен в большей степени у испытуемых группы 1. У 12 из группы 1 и у 8 из группы 2 этот мотив является доминирующим. Он выражается в стремлении получить диплом, даже при формальном усвоении знаний, поиск возможностей любыми путями сдать экзамены и зачеты. Всего лишь у 2 испытуемых наблюдается доминирование сразу двух мотивов «приобретение знаний» и «получение диплома» и у 1 выявлено доминирование мотивов «приобретение знаний» и «овладение профессией». Преобладание этих мотивов как раз свидетельствует об адекватном выборе студентом профессии и удовлетворенности получаемых знаний. По результатам сравнительного анализа выявлены статистически значимые различия по шкале: «получение диплома» ($x_{ср1}=7,7$ и $x_{ср2}=6,3$ $t=2,9$ при $p \leq 0,01$). Также отметим, что показатели творческой активности преобладают в группе 1, испытуемые этой группы выше оценивают свои возможности, чем испытуемые в группе 2.

Как видно из таблицы, низкий уровень мотивации учения выявляется у 5 испытуемых: 2 из группы 1 и 3 из группы 2. Такие студенты пассивны и интереса к учебе не проявляют. В данную группу в нашем исследовании попала десятая часть от всех испытуемых. Их можно отнести к «группе риска на отчисление». Все же считаем, что такие молодые люди нуждаются в особом внимании со стороны преподавателей для стимуляции повышения мотивации учения. Для этих испытуемых профессиональная сфера не представляется реальной, такой как, например, сфера обучения или различные увлечения. Эти студенты практически не задумываются о будущем, профессиональная жизнь для них привлекательной не является, они пребывают в неизвестности, планы на будущее не строят, также не хотят брать на себя ответственность за свои познания. Это можно также трактовать, что студенты все еще находятся на стадии самоопределения и до конца выбор профессии еще не сделан. У большинства испытуемых в обеих группах выявлен средний и нормальный уровень мотивации учения. Это означает, что они проявляют интерес к профессии, стремятся овладеть ею.

Из рис. 4 видно, что для групп 1 и 2 присущ нормальный уровень мотивации профессионального обучения ($X_{ср1}=40,5$ и $X_{ср2}=40,2$). По результатам статистического анализа значимых различий обнаружено не было.

Выраженность мотивации учения в группах испытуемых
The intensity of learning motivation in test groups

Уровень мотивации	Кол-во студентов, имеющих данный уровень, в группе 1	Кол-во студентов, имеющих данный уровень, в группе 2
I. Низкий уровень	2	3
II. Средний уровень	8	3
III. Нормальный уровень	6	10
IV. Высокий уровень	9	9

Таким образом, мотивация учения проявляется в группах на различных уровнях. Наиболее выраженным является нормальный уровень, что указывает на проявление познавательного интереса, направленность на освоение профессиональной деятельности. По методике «Изучения мотивации обучения в вузе» также отмечается схожие результаты по шкале «овладение профессией», но она не является доминирующей над двумя другими.

Как видно из рис. 4 для обеих групп присутствующий нормальный уровень мотивации профессионального обучения ($X_{ср1}=40,5$ и $X_{ср2}=40,2$). По результатам статистического анализа значимых различий обнаружено не было.

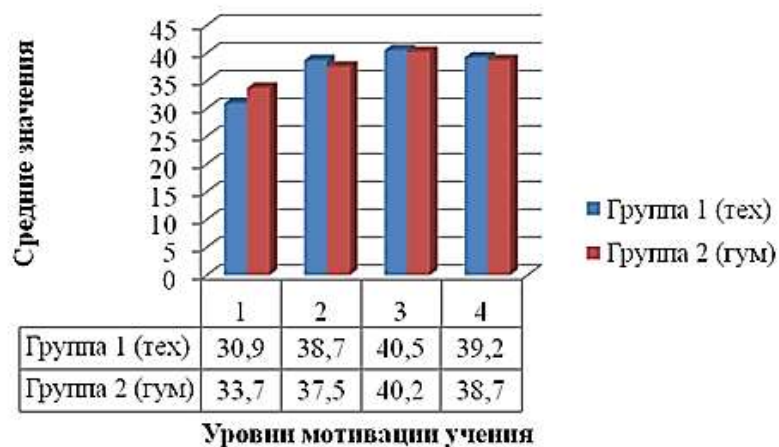
Таким образом, мотивация учения проявляется в группах на различных уровнях, наиболее выраженным является нормальный уровень, что указывает на проявление познавательного интереса, направленность на освоение профессиональной деятельности. Также отмечаются схожие результаты по шкале «овладение профессией», но она не является доминирующей над двумя другими.

В ходе анализа результатов методики «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А.А. Реана) выяснено, что стимулом к деятельности, к учебе и работе могут в равной степени стать как желание достичь успеха, так и страх перед неудачей. При мотивации успеха действия человека направлены на достижение положительных, конструктивных результатов. Личностная активность будет зависеть от потребности в достижении успеха. Как видно из рис. 5, показатели в группах различны. Для испытуемых группы 1 характерной является мотивация успеха, у испытуемых группы 2 нет ярко выраженного вида мотивации. Мотивация успеха, свидетельствующая об активности, инициативно-

сти испытуемых, о стремлении к преодолению препятствий, настойчивости в достижении цели, проявляется у 20 испытуемых группы 1 и у 9 группы 2. Мотивация боязни неудач, проявляющаяся малой инициативностью, избеганием ответственности, недооцениванием своих возможностей, не была выявлена у испытуемых. Не проявился ярко выраженный мотивационный полюс у 5 испытуемых группы 1 и у большинства группы 2 (16 чел.). Однако, показатели 8–9 баллов свидетельствуют о наличии тенденции «мотивации боязни неудач», показатели 12–13 баллов – «мотивации успеха». Показатели 12–13 баллов, свидетельствующие о проявлении большей мотивации успеха, наблюдаются у 5 испытуемых группы 1 и 8 группы 2. Показатели 10–11 баллов не дают возможности отнести испытуемых к тому или иному мотивационному полюсу. Проявляются у 7 испытуемых группы 2. По результатам сравнительного анализа были обнаружены статистически значимые различия по данной шкале при ($x_{ср1}=15,1$ и $x_{ср2}=13,04$ $t=3,2$ при $p<0,01$).

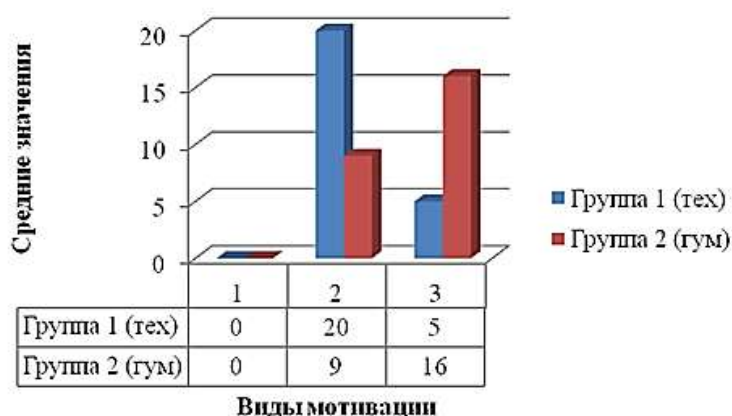
Таким образом, для испытуемых группы 1 в большей степени характерно проявление «мотивация успеха». Если сравнить с результатами предыдущих методик, то полученные данные подтверждают, что уровень мотивации, творческая и общая активность в группе 1 выше, чем в группе 2.

Результаты опросника профессиональной готовности (Кабардова) представлены на рис. 6. Из него видно, что показатели в группах различаются. По результатам сравнительного анализа, с использованием t -критерия Стьюдента, были обнаружены статистически значимые различия по параметрам: «человек – техника» ($x_{ср1}=26,4$ и $x_{ср2}=14,7$ $t=3,5$ при $p\leq 0,01$); «человек – человек» ($x_{ср1}=31,7$ и $x_{ср2}=43,4$ $t= -4,4$ при $p\leq 0,01$).

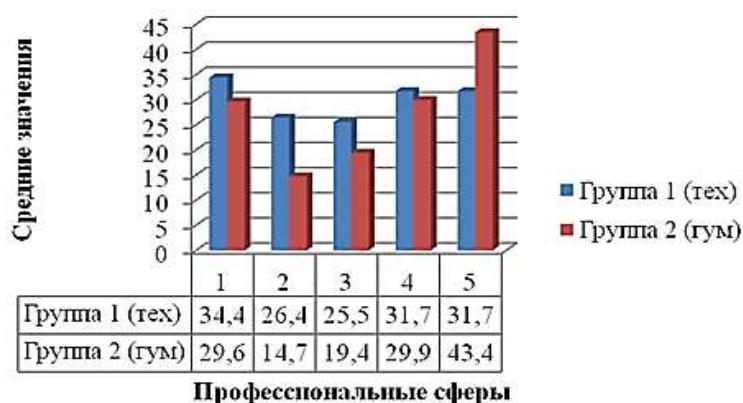
Примечание: 1 – низкий уровень мотивации; 2 – средний уровень мотивации; 3 – нормальный уровень мотивации; 4 – высокий уровень мотивации.

Рис. 4. Выраженность мотивации учения
 Fig. 4. Expression of learning motivation

Примечание: 1 – мотивация боязни неудачи; 2 – мотивация успеха; 3 – мотивационный полюс ярко не выражен

Рис. 5. Виды мотивации в группах испытуемых
 Fig. 5. Types of motivation in test groups

Примечание: 1 – Ч-З (человек – знак); 2 – Ч-Т (человек – техника); 3 – Ч-П (человек – природа); 4 – Ч-Х.о. (человек – художественный образ); 5 – Ч-Ч (человек – человек)

Рис. 6. Результаты опросника профессиональной готовности
 Fig. 6. Results of the professional readiness questionnaire

У испытуемых в группе 1 показатели профессиональной направленности «человек–техника» значительно выше, чем у испытуемых в группе 2. По параметру «человек–человек», напротив, показатели выше в группе 2. Для данной выборки этот результат абсолютно предсказуем. Но есть и определенная специфика. Для испытуемых группы 1 присуще доминирование сфер «человек – знаковая система», «человек – художественный образ», для испытуемых группы 2 – сфера «человек – человек». При этом у 7 испытуемых группы 1 предпочтительными являются сразу две сферы: «человек – художественный образ» и «человек – человек», а еще у 2 испытуемых все сферы одинаково предпочтительны. Профессиональная сфера «человек – знаковая система» предпочитаема для 11 испытуемых группы 1 и для 1 группы 2. Эта сфера профессий, связанных с текстами, цифрами, формулами, таблицами, чертежами, картами, схемами, звуковыми сигналами: переводчик, программист, бухгалтер, экономист, специалист по маркетингу, геодезист, налоговый инспектор и др. Профессиональная сфера «человек – знаковая система» представлена тремя шкалами: «умения», «отношение к профессии» и «профессиональные предпочтения». У испытуемых группы 1 «умения» оцениваются достаточно высоко, отношение к профессии находится на таком же уровне, при этом профессиональные предпочтения (желание работать в данной сфере) оцениваются испытуемыми ниже. Это можно расценивать как положительное отношение к профессии, но несформированность желания работать именно в этой сфере. В группе 2 у испытуемых «умения» выражены в большей степени, чем желание трудиться в области «человек – знаковая система». Профессиональная сфера «человек–техника» (работа с техническими объектами труда) выражена у 5 испытуемых группы 1, данная сфера включает в себя профессии, связанные с созданием, монтажом, сборкой и наладкой технических средств: инженер, конструктор, слесарь, монтажник, технолог и др. В профессиональной сфере «человек–техника» видны различия у испытуемых обеих групп. У в группе 1 более благоприятное соотноше-

ние трех оценок. Хотя также можно отметить снижение показателей «профессиональные предпочтения». В группе 2 у испытуемых наблюдается тенденция снижения показателей, при этом минимальные значения по шкале «профессиональные предпочтения» (у 7 испытуемых показатели не превышали 1 балл). Это свидетельствует о нежелании испытуемых работать в данной сфере, отсутствии умений и профессионально важных качеств для успешной профессиональной деятельности. 6 испытуемых группы 1 предпочитают профессиональную сферу «человек– природа». Представители этого типа связаны с изучением живой и неживой природы, с уходом за растениями и животными, с профилактикой и лечением заболеваний растений и животных: микробиолог, геолог, овощевод, орнитолог, зоотехник, ветеринар, эколог и др. Испытуемые группы 1 выше оценивают свои возможности, чем испытуемые группы 2. В группе 1 также в большей степени выражено положительное отношение к профессии, однако желание работать в данной сфере низкое в обеих группах. Таким образом, данная профессиональная сфера не является предпочтительной для испытуемых (что соотносится с их профессиональным выбором – студенты обучаются на технических и гуманитарных специальностях, далеких от специальностей, связанных с изучением живой и неживой природы). Профессиональная сфера «человек – художественный образ» наблюдается у 9 испытуемых группы 1 и у 4 группы 2. К данной сфере можно отнести профессии, связанные с созданием, проектированием, моделированием художественных произведений, с изготовлением различных изделий по эскизу, образцу: журналист, художник, модельер, ювелир, дизайнер, архитектор и т. д. Показатели в группах сходны. Испытуемые обеих групп имеют интерес к данной области, обладают необходимыми умениями. У 9 испытуемых группы 1 и у большинства группы 2 (20 чел.) наблюдается предпочтение сферы «человек–человек». Предметом интереса, распознавания, обслуживания, преобразования здесь являются социальные системы, сообщества, группы населения, люди разного возраста. К профессиям типа «человек – человек» от-

носятся профессии, связанные с правовой защитой человека: врач, преподаватель, психолог, менеджер, агент по рекламе, юрист, следователь и др. Показатели испытуемых распределены более равномерно, чем в других профессиональных сферах. У испытуемых группы 2 наблюдаются более высокие значения по шкалам. В целом испытуемые двух групп обладают умениями, необходимыми для работы в данной области, испытуемые проявляют к ней интерес, а также достаточно высокое желание трудиться в сфере «человек-человек». В данном случае предпочтение студентов обосновано наличием у них соответствующих умений.

Таким образом, профессиональная направленность испытуемых совпадает с выбранной специальностью, у испытуемых группы 1 (технической направленности) наблюдается доминирование сфер человек-знаковая система, «человек-художественный образ». У испытуемых группы 2 (гуманитарной направленности) доминирует сфера «человек-человек». Следует отметить, что у всех испытуемых наблюдается тенденция снижения показателей по шкале «профессиональных предпочтений, желаний» в сравнении со шкалой «умений». Это может указывать на то, что студенты обладают необходимыми навыками, умениями, но прилагают мало усилий для реализации этих способностей. А также может быть свидетельством того, что студенты все еще находятся на этапе профессионального самоопределения.

Обсуждение

1. Были выделены особенности учебно-профессиональной мотивации у студентов. Для испытуемых группы 1 (технической направленности) характерно: повышение показателей творческой активности и активности в целом, они выше оценивают свои профессиональные возможности, у них наблюдается доминирование мотива «получение диплома» и «мотивации успеха». Предпочтение отдается профессиональной направленности в сфере «человек-техника» и «человек-художественный образ». Для испытуемых группы 2 (гуманитарной направленности) характерным яв-

ляется стремление к приобретению знаний, у них превышен общий уровень «мотивов поддержания» над «развивающими мотивами», профессиональная направленность в сфере «человек-человек».

2. Мотивационная сфера всех испытуемых в целом характеризуется доминированием мотивов, связанных с жизнеобеспечением, комфортом и безопасностью, а также условиями социального существования и взаимодействия с окружающими. Выраженными в меньшей степени являются мотивы «роста», связанные с творческими процессами, с потребностями самореализации и самоактуализации. **Для испытуемых обеих групп характерен смешанный стенический тип эмоционального профиля**, который отмечается стеничностью фрустрационного поведения и астеничностью эмоциональных предпочтений. Выражает определенную разнонаправленность внутри эмоциональной сферы. Данный тип эмоционального профиля обычно характерен для молодежи.

3. У испытуемых обеих групп при высоком «идеальном» показателе, отражающем выраженную прагматическую жизненную установку, низок «реальный» показатель, означающий, что сам обучающийся прилагает в этом отношении минимум усилий. В эмоциональном профиле показатели астеничности превышают показатели стеничности по обеим шкалам, что характеризует обучающегося как эмоционально пассивного, с тенденцией к фрустрационной неустойчивости. Мотивация учения проявляется в группах на различных уровнях, наиболее выраженным является нормальный уровень мотивации, что указывает на проявление познавательного интереса, направленного на освоение профессиональной деятельности.

Исходя из полученных данных, предлагаем преподавателям при формировании профессиональных компетенций обязательно включать метод фасцинации, который активизирует потенциал обучающегося и будет способствовать формированию учебно-профессиональной мотивации студентов в вузе.

Библиографический список

Бугрименко А.Г. Внутренняя и внешняя учебная мотивация у студентов педагогического вуза // Психологическая наука и образование. 2006. Том. 11. № 4. С. 51–60.

Воробьева М.В., Питюков В.Ю. Профессиональная мотивация студентов туристского вуза. Одинцово: АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2013. 180 с.

Воротова Л.В. Профессиональные склонности студентов-медиков // Современные проблемы психология развития и образования человека: сборник материалов I Всероссийской конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 14–16 мая 2009 г.). АОУ ВПО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина». СПб.: Айсинг, 2009. С. 262–265.

Гордеева Т.О., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Вклад личностного потенциала в академические достижения // Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 642–667.

Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития. М.: МГУ, 2013. 444 с.

Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: ее источники и влияние на психологическое благополучие // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 35–45.

Жданко Т.А. Формирование конкурентоспособности личности студента в образовательно-профессиональном пространстве вуза // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 4. С. 69.

Зобков А.В. Саморегуляция учебной деятельности.

Владимир: Издательство Владимирского государственного университета, 2013. 251 с.

Климов Е.А., Буйкас Т.М. Зотова Н.Н и др. Трудности и перспективы становления профессионала. М.: МГУ, 2012. 224 с.

Меламед Д.А. Социально-психологические особенности учебно-профессиональной мотивации студентов // Психологическая наука и образование. 2011. Том 3. № 2. С. 1–16.

Мильман В.Э. Метод изучения мотивационной сферы личности / Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990. С. 23–43.

Прыжников Н.С. Проблема переосмысления понятия профессия в меняющихся социокультурных реалиях // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 1. С. 4–22.

Реан А.А., Засыпкин И.В. Взаимодействие профессиональной и учебной мотивации // Профессиональное образование как фактор адаптации и защиты детей группы риска. Москва, 2013. С. 53–56.

Реан А.А., Чепурная Ю.В., Федосеева А.В. Психологическая адаптация и становление выпускника высшего учебного заведения в период перехода к профессиональной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 243–248.

Романова М.В. Проблема формирования мотивации студентов во время обучения в вузе // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Общественные науки. 2006. № 2(6). С. 146–148.

References

Bugrimenko A.G. (2006) Internal and external academic motivation among students of a pedagogical university. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* = Psychological science and education. Vol. 11. No. 4. P. 51–60. (In Russ.)

Vorob'eva M.V., Pitjukov V.Yu. (2013) Career motivation of tourist university students. Odintsovo: ANOO VPO "Odintsovo humanitarian Institute". 180 p. (In Russ.)

Vorotova L.V. (2009) Vocational aptitudes of medical students. *Sovremennye problemy psikhologii i razvitiya i obrazovaniya cheloveka: sbornik materialov I Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Sankt-Peterburg, 14–16 maya 2009 g.)* = Current issues of psychology of human development and education: a collection of materials of the 1st All-Russian Conference with international participation (St. Petersburg, May 14–16, 2009). AOU VPO «Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A.S. Pushkina». Sankt-Peterburg: Aising. P. 262–265. (In Russ.)

Gordeeva T.O., Leont'ev D.A., Osin E.N. (2011) The contribution of personal potential to academic achievement. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* = Personal potential: structure and diagnosis. Moscow: Smysl. P. 642–667. (In Russ.)

Gordeeva T.O. (2013) Motivation of educational activities of schoolchildren and students: structure, mechanisms, development conditions. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 444 p. (In Russ.)

Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. (2013) Internal and external academic motivation of students: its sources and impact on psychological well-being. *Voprosy psikhologii* = Psychology issues]. No.1. P. 35–45. (In Russ.)

Zhdanko T.A. (2008) Formation of competitiveness of in the academic and vocational space of a university. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education. No. 4. P. 69. (In Russ.)

Zobkov A.V. (2013) Self-regulation of academic activities. Vladimir: Vladimir State University. 251 p. (In Russ.)

Klimov E.A., Buyakas T.M. Zotova N.N. i dr. (2012) Difficulties and prospects of becoming a professional. Moscow: omonosov Moscow State University. 224 p. (In Russ.)

Melamed D.A. (2011) Socio-psychological features of educational and professional motivation of students. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* = Psychological science and education. Vol. 3. No. 2. P. 1–16. (In Russ.)

Mil'man V.E. (1990) A method of studying the motivational sphere of personality. *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii* = Tutorial on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University. P. 23–43. (In Russ.)

Pryazhnikov N.S. (2018) The problem of reinterpretation of the concept of profession in changing sociocultural

realities. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* = Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology . Vol. 3. No. 1 P. 4–22. (In Russ.)

Rean A.A., Zasyplin I.V. (2013) Interaction of vocational and academic motivation. Professional education as a factor of adaptation and protection of children at risk. Moscow. P. 53–56. (In Russ.)

Rean A.A., Chepurnaya Yu.V., Fedoseeva A.V. (2016) Psychological adaptation and a higher educational

Критерии авторства

Ларионова Л.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Ларионова Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: lal44@mail.ru

institution graduate's becoming during transition to professional activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. No. 3. P. 243–248. (In Russ.)

Romanova M.V. (2006) The problem of formation of students' motivation during training at the university. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Obshchestvennye nauki* = Izvestiya Penza state pedagogical University named after V.G. Belinsky. Social science. No. 2(6). P. 146–148. (In Russ.)

Criteria for Authorship

Larionova L.A. has done the research, generalized its results, prepared the manuscript for publication; she owns the copyright in this article and bears sole responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Larisa A. Larionova, Cand. Sci. (Pedagogics), a senior lecturer of Sociology and Psychology Department, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russia,
✉ e-mail: lal44@mail.ru

Педагогическое сопровождение творческого саморазвития студента в цифровой среде

© А.И. Попов, Н.В. Молоткова

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия

Аннотация: В статье проанализировано изменение ценностных ориентаций молодежи в условиях постиндустриальной цифровой экономики и показана важность саморазвития студента для его профессионального становления. Исследование направлено на выявление основных характеристик компонентов системы сопровождения творческого саморазвития студента в цифровой среде, с целью повышения качества подготовки технических специалистов. Разработка концептуальных подходов к разрешению проблемы осуществлялась на основе аксиологического, гуманистического, контекстного, личностно-деятельностного методологических подходов. Результативность развития творческой личности специалиста в вузе в рамках самостоятельной работы определяется готовностью научно-педагогических работников к сопровождению индивидуальной траектории обучающихся и обеспечению её креативного характера, разработкой и внедрением инструментально-педагогических средств, побуждающих к проявлению высших уровней интеллектуальной активности, и использованием адаптивной системы управления творческим саморазвитием по отдельным дисциплинам на основе анализа цифрового следа обучающихся. Проблемным моментом обучения в цифровой среде является недостаточная возможность эмоционального воздействия, что предопределяет значимость подготовки преподавателей к работе в новых условиях и развития их креативно-педагогической компетенции. Ключевыми характеристиками готовности преподавателя к сопровождению творческого саморазвития обучающихся в условиях цифровизации экономики являются: высокий уровень духовно-нравственной культуры; сформированность у них творческих компетенций; готовность к преодолению психологической инерции и нацеленность на внедрение педагогических инноваций в процесс профессиональной подготовки; умения использовать цифровые технологии как в сфере научных интересов, так и в образовательной деятельности. Наиболее эффективными инструментально-педагогическими средствами являются творческие задачи, отражающие предметный и социальный контексты профессиональной деятельности и олимпиадное движение в дистанционном формате, организованное на основе принципов импульсной педагогики и предполагающее чередование этапов интенсивной мыслительной работы, групповой рефлексии и релаксации в рамках виртуальных коллективов. Применение адаптивных систем управления саморазвитием по фундаментальным дисциплинам обеспечивает максимальное раскрытие потенциала обучающихся и формирование универсальных компетенций в индивидуальном режиме.

Ключевые слова: инновационная готовность, аксиология, креативность, саморазвитие, креативно-педагогические компетенции, цифровые образовательные технологии, педагогическое мастерство

Информация о статье: Дата поступления 05 мая 2020 г.; дата принятия к печати 01 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020.

Для цитирования: Попов А.И., Молоткова Н.В. Педагогическое сопровождение творческого саморазвития студента в цифровой среде // *Социальная компетентность*. 2020. Т. 5. № 2. С. 244–254.

PEDAGOGICAL SUPPORT OF A STUDENT'S CREATIVE SELF-DEVELOPMENT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

© Andrei I. Popov, Nataliya V. Molotkova

Tambov State Technical University, Tambov, Russia

Abstract: The article analyzes the changes in the value orientations of young people in the post-industrial digital economy and shows the importance of a student's self-development for their professional becoming. The research is aimed at identifying the main characteristics of the components of a student's creative self-development support system in the digital environment in order to improve the quality of training of technical specialists. The development of conceptual approaches to the problem was carried out on the basis of axiological, humanistic, contextual, personal-activity methodological approaches. The efficiency of a creative personality's development in the university during self-guided work is determined by the readiness of academic staff to support individual trajectories of students and to ensure its creative nature, the development and implementation of instrumental and pedagogical tools that encourage manifestation of higher levels of intellectual activity, and the use of adaptive control system of creative self-development in individual disciplines on the basis of the analysis of students' digital footprint. The problem point of learning in the digital environment is the lack of emotional impact on students, which determines the importance of training teachers to work in new conditions and the

development of their creative and pedagogical competence. The key characteristics of the teacher's readiness to support students' creative self-development in the context of digitalization of economy are: a high level of spiritual and moral culture; the formation of their creative competencies; readiness to overcome psychological inertia and focus on the introduction of pedagogical innovations in the process of professional training; ability to use digital technologies both in the field of scientific interests and in educational activities. The most effective instrumental and pedagogical tools are creative tasks that reflect the subject and social contexts of professional activity and the Olympiad movement in a remote format, organized on the basis of the principles of impulse pedagogy and involving alternating stages of intensive mental work, group reflection and relaxation within virtual teams. The use of adaptive self-development management systems in fundamental disciplines provides maximum disclosure of students' potential and building universal competencies in an individual mode.

Keywords: innovative readiness, axiology, creativity, self-development, creative and pedagogical competence, digital educational technologies, pedagogical skills

Article info: Received May 05, 2020; accepted for publication June 01, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Popov A.I., Molotkova N.V. (2020) Pedagogical support of a student's creative self-development in the digital environment. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. P. 244–254. (In Russ.)

Введение

Интенсивное развитие науки и техники, процессы глобализации, цифровизация всех сфер деятельности человека, усиливающиеся кризисные явления в экономике и трансформация рынка труда вследствие пандемии, детерминируют изменение ценностных установок и ориентиров современной молодежи, и, как следствие, корректировку социального заказа в системе высшего образования. Значительная часть молодых людей уже на этапе профессионального самоопределения начинает планировать жизненную траекторию и выбирать наиболее предпочтительные способы личностной и профессиональной реализации. В силу сформированной в детском возрасте эго-идентичности, влияния близкого окружения и средств массовой информации такой выбор не всегда учитывает как структурные изменения на рынке труда, так и личностные устремления и интеллектуальные возможности.

Обучение в высшем учебном заведении является определяющей стадией в профессиональном становлении специалиста, когда закладываются основы универсальных способностей для эффективной деятельности вообще, формируются первоначальные профессиональные умения и навыки, определенные образовательными и профессиональными стандартами, готовность к инновационной деятельности (Наумкин, 2008). Рассматривая модель конкурентоспособного специалиста, можно выделить универсальные способности и личностные качества, которые позволяют выпускнику вуза реализовать себя в профес-

сии, получить материальное и моральное удовлетворение от работы, изменить при необходимости область и виды деятельности, а также стать активным гражданином, деятельность которого способствует инновационному обновлению экономики и развитию общественных отношений. Это прежде всего нравственные качества и гражданское самосознание, интеллектуальные и деловые качества (компетентность, критичность мышления, креативность), особенности характера и поведения (трудолюбие, решительность, стрессоустойчивость, способность к риску, саморазвитию), лидерские качества.

Основными заказчиками в системе образования выступают общество и государство, потенциальные работодатели и сами обучающиеся. Задача вуза – интегрировать запросы каждой из сторон и предоставить молодым людям возможность управлять своим профессиональным становлением при создании образовательным учреждением соответствующих условий. Однако организация обучения в вузе по единому учебному плану не в полном объеме учитывает многообразие запросов региональных работодателей и индивидуальных когнитивных особенностей студентов. Переход на индивидуальный учебный план не всегда может быть реализован по организационно-финансовым причинам, при этом не все требуемые компетенции будут сформированы на необходимом уровне. Поэтому возрастает роль самообразования как способа повышения уровня подготовки студента, полученного в соответствии с образовательным стандартом (Андреев,

2004). Развитие личности наиболее интенсивно происходит при включении студента в творческую деятельность (Лобашев, Талых, Зименкова, 2018; Назарова, 2018; Степанов, 2018; Бубякина, Степанова, 2019; Чжу, 2019).

Задачей образовательного учреждения будет создание развивающей цифровой среды, обеспечивающей творческое саморазвитие каждого студента в соответствии с его образовательным треком при качественном педагогическом сопровождении со стороны профессорско-преподавательского состава вуза.

Педагогическое сопровождение осуществляется по двум направлениям:

- методическому, предполагающему помощь обучающемуся в проектировании персональной образовательной траектории, выборе технологий обучения и результативных инструментально-педагогических средств;

- организационному, направленному на формирование навыков самоорганизации познавательной деятельности, умения распределять время и силы, рационально использовать финансовые и материальные ресурсы, недопущение психологического перенапряжения.

Результативность педагогического сопровождения творческого саморазвития студента в цифровой среде предполагает как наличие в образовательной организации современной материально-технической базы и программного обеспечения, так и внедрение в образовательную практику адаптивной системы управления саморазвитием на основе использования потенциала искусственного интеллекта.

При организации образовательной деятельности в цифровой среде заметно снижается интенсивность эмоционального влияния преподавателя на студентов и студентов друг на друга, утрачивают силу ценностные ориентиры на коллективное взаимодействие и ослабевают навыки коммуникации. Поэтому целесообразно реализовывать модель смешанного обучения, когда преимущества цифровизации образования усиливаются непосредственным или опосредованным взаимодействием с преподавателем, выступающим в этом случае организатором воспитательного процесса.

Достижение высокого качества

профессионального образования во многом зависит от следующих компонентов: готовности научно-педагогических работников вузов к инновациям в образовании и переходу на новый уровень обучения при использовании потенциала цифровизации (Степанов, 2018; Молоткова, Попов, 2019); наличия комплекса инструментально-педагогических средств, нацеливающих молодых людей на профессиональное творчество; созданной в вузе концепции самостоятельной работы студента. Исследование направлено на выявление характеристик названных компонентов системы сопровождения творческого саморазвития студента. Значимость инженерно-технических кадров для обеспечения инновационных процессов и технологического прорыва в экономике страны предопределило рассмотрение данной проблемы преимущественно для технического образования.

Методы

Основными методологическими подходами, используемыми в исследовании, являются аксиологический, гуманистический, контекстный, личностно-деятельностный. При этом аксиологический определяет стратегию развития университетов (Кириякова, Мосиенко, Ольховая, 2010) и рассматривается в качестве методологической основы проектируемой системы сопровождения. Рассмотрение творческой профессиональной деятельности, как одной из ведущих ценностей личности всеми участниками образовательного процесса, позволяет организовать процесс подготовки специалистов максимально результативно. Студентам личностное признание ценности творческого познания профессиональной области позволяет и получить удовлетворение от обучения в настоящее время, и в дальнейшем с большей вероятностью осуществить профессиональную реализацию с достижением не только финансовых успехов, но и целей личностного совершенствования. Для преподавателей педагогическое творчество может дополнить их научную деятельность и позволит гармонично сочетать её с образовательной.

Процесс творческого саморазвития в цифровой среде направлен на всестороннее интеллектуальное и креативное

развитие человека, формирование на высоком уровне универсальных компетенций и стиля мышления, духовно-нравственной культуры и чувства прекрасного. Проектирование педагогического сопровождения предполагало нацеленность деятельности преподавателя на воспитание обучающегося, вооружение его системой знаний об организации процесса познания как инструмента для личного развития и овладения профессией.

Основой саморазвития является сильная внутренняя мотивация к освоению профессиональной области, обусловленная пониманием взаимосвязи получаемого образования и дальнейшей профессиональной реализации молодого человека. Это предопределяет необходимость более сильного отражения в образовательном контенте специфики профессиональной деятельности знакомых обучающемуся субъектов хозяйственной жизни. Предметный и социальный контексты востребованных экономической ситуацией трудовых функций детерминируют результативность самостоятельного освоения студентом профессии.

Образование в цифровом пространстве не всегда в полной мере может отразить нюансы деятельности в реальном секторе экономики. Это предопределяет востребованность сложных инструментально-педагогических средств для подготовки специалиста, и прежде всего разработки адаптивных тренажерных комплексов с различной степенью имитации реальности. Вовлечение студентов в познавательный процесс с использованием таких тренажерных комплексов, (часть из которых может функционировать на базе персональных компьютеров), позволяет обеспечить высокий уровень формирования необходимых навыков при возможности максимального учёта личностных характеристик каждого студента. Организация саморазвития на основе личностно-деятельностного подхода обеспечивает высокий уровень качества образования.

Исследование опиралось на положения психологии (Т.А. Барышева, Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, Н.Ф.Вишнякова, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, Б.М. Теплов и др.) и педагогики (В.И. Андре-

ев, С.А. Новоселов, Б.С. Кирьяков, О.А. Казанский и др.), раскрывающие закономерности и принципы развития творческой личности. Был осуществлён теоретико-методологический анализ психолого-педагогических, философских, социологических и специальных источников, непосредственное и опосредованное наблюдение за процессом педагогической деятельности преподавателей и творчества студентов в ходе самостоятельного освоения персонального трека в цифровом пространстве.

Результаты

Проведенный анализ взаимодействия студентов и преподавателей в цифровой среде (особенно интенсифицировавшийся в последнее время при использовании электронного обучения и дистанционных образовательных технологий) продемонстрировал существенную роль преподавателя и как организатора познания, и как вдохновителя данного процесса, обеспечивающего индивидуальное воздействие на каждого студента и помогающего выйти на творческое осмысление образовательного контента.

Одной из основных проблем, тормозящей развитие системы высшего технического образования и препятствующей повышению качества образовательных услуг, в т. ч. в области сопровождения творческого саморазвития студентов, является уровень креативно-педагогических компетенций научно-педагогических работников вузов (Молоткова, Попов, 2019). Проведение их аттестации может дать сильный импульс развитию данных компетенций (Попов, 2013; Молоткова, Попов, 2020). Обладая высочайшей квалификацией в своей научной области и проводя научные исследования, имеющие важное народно-хозяйственное значение и теоретическую значимость, часть преподавателей технических дисциплин достаточно скептически относится к необходимости педагогических знаний и владения передовыми образовательными технологиями. Такому позиционированию способствует и система формирования кадров технических вузов – значительная часть преподавателей не имеет профессионального образования в области педагогики, в лучшем случае повышение квали-

фикации, несистематизированные знания и эмпирический опыт. Вследствие этого определяющим условием повышения качества технического образования через творческое саморазвитие в цифровой среде является повышение уровня педагогического мастерства преподавателей вузов.

С учетом специфики формирования преподавательского состава технического вуза и встречающегося недопонимания важности методической работы основной акцент необходимо сделать на корректировку ценностных ориентаций и повышение внутренней потребности к педагогическому творчеству. Воспитать сознательного и активного гражданина и патриота своей страны в профессиональном образовании возможно, рассматривая педагогику как любовь к Студенту, к своей Профессии, к реализации себя через Творчество (Казанский, 1996). Может показаться, что данное положение справедливо лишь для педагогики детского возраста, а обучаются в вузе уже сформировавшиеся личности, которым необходимы лишь новые знания и навыки. Но каждый человек развивается всю жизнь, поэтому в период профессионального становления в вузе он также нуждается в проявлении заботы и участия. Чувствуя о себе подлинную заботу, уважение своих интересов и убеждений, проявление сотворчества как высшей ценности, студент активно включается в процесс воспитывающего обучения. Усиление духовно-нравственного начала в университете, построенное на традициях российского и советского инженерного образования (Рудской, Боровков, Романов, Киселёва, 2017), чувстве патриотизма и любви к малой Родине, позволят обеспечить развитие преподавателя вуза в настоящего Учителя. Одним из способов формирования его готовности к организации духовно-нравственного воспитания может стать работа по отражению в содержании обучения научно-исследовательской деятельности преподавателей своего университета. Причем дидактические элементы и разработанные инструментально-педагогические средства должны сопровождаться экскурсом в личную и общественную деятельность преподавателя, результаты творческого труда которого использованы для продвижения

бренда, формирования позитивного имиджа университета и развития традиций инженерного образования.

Становлению преподавателя как духовно-нравственной личности будет способствовать и овладение им навыками организации и осуществления творческой работы в области преподаваемых дисциплин. Как подчёркивалось ранее, большинство преподавателей технического вуза активно проводят научный поиск и добиваются существенных результатов в фундаментальных исследованиях и практическом решении технических и технологических проблем предприятий региональной экономики. Но уметь самому осуществлять творческую деятельность (причем, часто руководствуясь интуицией) не означает, что можно легко приобщить к креативному восприятию действительности других. Преподаватель должен знать и закономерности психологии креативности (Вишнякова, 1996) и уметь выявлять необходимые для творчества способности у студентов, а также владеть навыками организации совместной творческой работы, координировать проявление ими интеллектуальной активности.

Особое внимание при подготовке преподавателя необходимо уделить стимулированию его творческой активности по тем дисциплинам, которые не в полной мере совпадают с областью его научного поиска. Целесообразно наряду с прохождением профессиональной переподготовки или повышением квалификации, направленных на овладение методологией творчества и способами решения нестандартных задач (Попов, Пучков, 2010), также вовлекать педагогов в творческие конкурсы и олимпиады по закрепленным за ними дисциплинам не только как организаторов, но и как участников вне конкурса. Экстремальный характер деятельности, обусловленный и ограничениями по времени, и необходимостью позиционировать себя как профессионала в глазах студентов, мобилизует все внутренние физические, интеллектуальные и креативные ресурсы личности. Цифровизация образовательного пространства позволяет преподавателю значительно чаще самому решать различного рода творческие задачи и кейсы вне официальных соревнований, получая необхо-

димую консультационную помощь от ведущих специалистов в данной области. Необходимо подчеркнуть, что педагог, неспособный решать творческие задачи по своей дисциплине и демонстрирующий нежелание разбираться в проблемных ситуациях, лежащих в их основе, не сможет стать для своих студентов ни подлинным Учителем, ни организатором их творческого саморазвития.

Еще одной актуальной проблемой для системы высшего образования является низкая востребованность научных разработок в области теории и методики профессионального образования в практике ведения образовательной деятельности. Это связано и с психологической инерцией профессорско-преподавательского состава, и в значительной мере с позицией учёных, осуществлявших научный поиск в области педагогики в условиях технического университета. Значительная часть из них проводила исследования только для получения учёной степени и после успешной защиты диссертации теряла интерес и к полученным результатам, и к продвижению их в другие образовательные учреждения. Поэтому для интенсификации образовательного процесса в техническом вузе целесообразно знакомить преподавателей с наиболее удачными методическими новациями по подготовке специалистов определенного профиля и изучению конкретных дисциплин.

Важным аспектом в контексте рассматриваемой проблемы организации творческого саморазвития студентов является цифровизация всех процессов в экономике и общественной жизни, которая предъявляет существенные требования к цифровой компетентности преподавателя. Современные молодые люди проводят в Интернете значительное время, что определяет соответствующие стиль мышления и приёмы коммуникации. С одной стороны, преподаватель должен понимать и в некоторых случаях использовать коммуникацию, сложившуюся в виртуальной реальности, но с другой – постепенно изменять мышление студентов и используемые ими способы поиска и передачи информации в сторону аналитического образа действий, необходимого специалисту инновационной сферы.

Цифровая компетентность предпо-

лагает владение преподавателями технического вуза последними программными разработками и технологиями адаптивного управления производственными процессами, используемыми на передовых предприятиях или только предполагающимися к внедрению. Оптимальным вариантом будет участие педагога в качестве разработчика в цифровом перевооружении предприятий региональной экономики.

Цифровые технологии открывают широкие возможности для интенсификации процесса обучения: от использования телекоммуникационных средств и социальных сетей для онлайн и офлайн консультаций до возможности осваивать массовые открытые онлайн курсы на базе ведущих университетов и платформ, позволяющие расширить ряд формируемых компетенций. Оптимальным вариантом будет участие преподавателя в активном использовании цифровых образовательных технологий и разработке электронных образовательных ресурсов, а также в выборе оптимального для каждой ситуации в образовательной деятельности соотношения цифрового обучения и традиционного взаимодействия участников образовательного процесса. Полностью исключать возможность традиционного общения нецелесообразно, т. к. эмоциональное влияние Учителя на обучающегося в ряде случаев будет решающим и для формирования целевых установок к познанию и мотивации к творчеству, и для сопровождения освоения сложной составляющей содержания обучения.

Обобщая изложенное, можно выделить четыре ключевых характеристики креативно-педагогической компетенции, определяющие готовность преподавателя к организации творческого саморазвития обучающихся в условиях цифровизации экономики и общества.

1. Высокий уровень духовно-нравственной культуры, понимание значимости педагогической деятельности в системе высшего образования для развития национальной экономики, понимания педагогики как процесса сотворчества и содействия студенту в его профессиональном становлении.

2. Сформированность творческих компетенций, умения как самостоятельно

осуществлять творческую деятельность, так и вовлекать и сопровождать процесс творчества обучающихся.

3. Готовность преподавателей к преодолению психологической инерции, повышению уровня своего мастерства, готовность к внедрению инноваций в процесс профессиональной подготовки.

4. Цифровая грамотность, готовность взаимодействовать со студентами в цифровом пространстве, умения использовать цифровые технологии как в сфере научных интересов, так и в образовательной деятельности.

Вторым компонентом системы сопровождения творческого саморазвития являются инструментально-педагогические средства, способствующие раскрытию креативного потенциала студентов. В настоящее время разработано значительное количество цифровых курсов, созданных с той или иной степенью оригинальности и позволяющих освоить содержание учебных дисциплин и сформировать базовые умения и навыки. В тоже время данные курсы преимущественно нацелены на конкретную трудоёмкость и автоматизированную проверку результатов обучения и достаточно слабо ориентированы на творческую деятельность по получению нестандартного результата и возможность студента выходить за рамки задачи при исследовании проблем профессиональной области. Большинство их контрольных мероприятий предполагают осуществление обучающимися стандартных действий, позволяющих получить конкретный результат. При этом нельзя однозначно говорить об оценке именно компетенций, а не знаний и умений, т. к. социальный контекст будущей деятельности (например, конкуренция) в данных контрольных мероприятиях не отражается. Поэтому наиболее действенным инструментом в цифровом пространстве должно стать вовлечение студентов в олимпиадное движение и решение нестандартных задач в условиях соревновательности. Творческие задачи, связанные с реальными проблемными ситуациями в научных исследованиях или производственных процессах, дают импульс к проявлению эвристического уровня интеллектуальной активности и проведению дальнейшего исследова-

ния проблемы, расширения её границ и изменению ресурсного обеспечения, активизируют познания в области фундаментальных дисциплин. А соревнование формирует психологическую устойчивость к ситуации конкуренции и ограничений по времени на принятие решений, что в дальнейшем обеспечивает быструю адаптацию специалиста на рабочем месте.

Обеспечение результативности сопровождения творческого саморазвития в цифровой среде предполагает:

- разработку по каждой дисциплине комплекта творческих задач, позволяющих обучающимся проявлять оригинальность мышления и применять нестандартные комбинации знаний, побуждающих их к поиску новой информации по исследуемой проблеме;

- организацию дистанционных олимпиад и творческих соревнований, первоочередной целью которых будет выявление лучших и их награждение, а самооценка своих умений творческой деятельности по сравнению с другими студентами, выявление проблемных моментов в подготовке и в специализированной профессиональной сфере, и в области универсальных умений и навыков;

- создание студенческих виртуальных сообществ, которые при активном участии преподавателя позволят провести совместную рефлексию и помогут каждому выработать корректирующие мероприятия в плане самостоятельной познавательной деятельности.

Выделим ключевые требования к разработке творческих заданий, обеспечивающие сильный мотивационный эффект на обучающихся:

- отражение предметного контекста реальной научной, технической или социально-экономической проблемы и социального контекста её разрешения в трудовом коллективе;

- формулирование проблемной ситуации таким образом, чтобы она побуждала к поиску новых способов деятельности и дополнительных источников ресурсов для её разрешения;

- наличие возможности разбиения на подзадачи, имеющие возрастающую сложность;

– нацеленность на исследование всего проблемного поля при варьировании условий и ограничений, на возможность математического моделирования ситуации и решения в цифровом пространстве.

Ряд заданий должен носить междисциплинарный характер. Например, задачи на проектирование и конструирование технических систем включать компоненты экономико-правового регулирования. Это позволит побудить студентов к неформальному образованию в профессиональных областях, отличных от осваиваемой. Целесообразно, чтобы разработка таких заданий проводилась в рамках всего образовательного сообщества, а не одного вуза.

Реализация в рамках творческого саморазвития компонентов олимпиадного движения основывается на использовании подходов импульсной педагогики. Интенсивная творческая работа в рамках соревнований и конкурсов в условиях ограничения времени должна дополняться этапами рефлексии под руководством преподавателя и планового, в спокойном режиме, освоения нового материала. В олимпиадном движении важную роль в развитии универсальных способностей и личностных качеств специалистов инновационной сферы играет этап совместной релаксации обучающихся, ранее проявлявших интенсивную мыслительную деятельность по решению творческих задач в соревновании. И если при проведении традиционных олимпиад это могут быть экскурсии, спортивные соревнования, культурно-массовые мероприятия и неформальное общение преподавателей и студентов, то переход к преимущественному взаимодействию в цифровом пространстве определяет и новые формы проведения релаксации. Сильное воспитывающее воздействие производит совместное изучение преподавателем и студентами исторических фактов, сопутствующих получению знаний и созданию новых образцов культуры: интересные аспекты социально-экономической ситуации, моменты личной жизни учёных, культурная жизнь общества в данный период времени. Другим направлением групповой релаксации в цифровом пространстве сможет стать обмен информацией между участ-

никами образовательного процесса об интересующих их направлениях в развитии науки и техники, способах проведения досуга. Такой механизм установления взаимопонимания будет слабее традиционного вследствие наличия психологических барьеров дистанционного общения в цифровом пространстве, но, несомненно, позволит организовать творческое саморазвитие на более высоком уровне, провести более объективно рефлексии после олимпиад и оперативно изменять образовательную траекторию и механизмы её сопровождения.

Самостоятельная работа при освоении образовательной программы всегда предполагает наличие соответствующего методического обеспечения, высокого уровня самоорганизации обучающихся, профессионального мастерства научно-педагогических работников. Цифровизация позволяет автоматизировать часть компонентов системы управления самостоятельной работой студентов и учитывать как их личные характеристики, так и текущее психологическое и физическое состояние, уровень освоения компетенций.

Например, для формирования инженерного мышления специалиста существенным будет освоение на деятельностном уровне теоретической механики. Свобода, предоставленная вузам действующими образовательными стандартами, и механизм проектирования образовательной программы привели к тому, что большая часть учебного времени отводится на формирование готовности к выполнению конкретных трудовых функций. В результате изучение теоретической механики в контакте с преподавателем сведено к минимуму, и для обеспечения высокого уровня конкурентоспособности на рынке труда студент должен активно и самостоятельно работать по изучению отдельных аспектов данной дисциплины. Ее специфика такова, что для решения большинства задач достаточно всего несколько теоретических положений и закономерностей, но их применение должно носить осознанный и творческий характер. Поэтому адаптивное управление сопровождения творческого саморазвития по теоретической механике в цифровом пространстве предполагает автоматизацию следующих этапов:

- оценивание уровня готовности студента по конкретному разделу дисциплины с помощью тестирования, а также определение его психологического состояния и мотивационной готовности;

- решение обучающимся творческих заданий (вначале на конкретную тему, а затем и предполагающих комплексное исследование проблемы) с возрастанием их сложности и нестандартности;

- проверка результатов, и при получении неверного ответа ознакомление обучающего с указаниями по поиску пути решения, с вариантами решения задач на данную тему (но не являющихся аналогиями решаемой);

- организация онлайн и оффлайн консультаций с преподавателем;

- решение творческих задач с ограничениями по времени (например, в формате дистанционной олимпиады);

- анализ цифрового следа обучающегося и определение разделов дисциплин, требующих дополнительного изучения.

Описанный механизм автоматического управления саморазвитием позволит перераспределить время преподавателя на непосредственное общение со студентами, а они в свою очередь смогут максимально персонифицировать прохождение образовательной траектории.

Обсуждение

Внедрение представленных результатов исследования будет способствовать интенсификации образования и самообразования в цифровой среде посредством повышения профессионального мастерства преподавателей вузов, разработки творческих заданий и привлечения студентов к участию в дистанционных формах олимпиадного движения, разработки и внедрению адаптивных образовательных систем.

Особое внимание должно быть уделено повышению готовности преподавателей технических вузов к инновационному обновлению образовательного процесса. Актуальность данной проблемы и внедрение разработанных критериев готовности педагогов в систему повышения квалификации и аттестации кадров обусловлена практикой формирования профессорско-

преподавательского состава вуза и сложившимся в обществе позиционированием педагогической деятельности. Нацеленность на педагогику сотрудничества и творчества, владение методологией технического творчества, готовность к инновационным преобразованиям в образовательном процессе и ориентированность на использование потенциала цифровизации обеспечат условия для интенсивного совершенствования цифровой образовательной среды университета и творческого саморазвития в ней обучающихся, в соответствии с персональным образовательным треком при должном методическом сопровождении.

Сформированные креативно-педагогические компетенции и готовность преподавателя к интенсификации образовательного процесса в вузе, доминирование в используемых технологиях тех, которые направлены на творческое развитие личности и становление гражданской ответственности, создают предпосылки для более полного удовлетворения запросов различных групп потребителей к системе образования. Формирование универсальных способностей и творческих качеств студента большей частью определяется не содержанием обучения, а используемыми формами его организации и технологиями. Но нецелесообразно отрывать их формирование от сферы будущей профессиональной деятельности студента. Поэтому в содержании обучения и используемых средствах (прежде всего в творческих задачах) предметный и социальный контексты будущей деятельности должны быть отражены.

Результаты исследования могут стать основой для модернизации системы подготовки научно-педагогических работников, активизации деятельности методических объединений преподавателей, интенсификации процессов педагогической инноватики в вузе. В комплексе это будет способствовать повышению качества образования и становлению конкурентоспособных инженерных кадров и технической элиты, готовой к творчеству в профессиональной деятельности.

Библиографический список

Андреев В.И. Конкурентология: учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. 468 с.
Бубякина В.И., Степанова Л.В. Развитие личности в процессе творческой деятельности // Современное образование: традиции и инновации. 2019. № 2. С. 107–110.
Вишнякова Н.Ф. Психологические основы развития креативности в профессиональной акмеологии. М.: Институт Психологии Российской Академии Наук, 1996. 40 с.
Казанский О.А. Педагогика как любовь. М.: Российское педагогическое агентство, 1996. 133 с.
Кирьякова А.В., Мосиенко Л.В., Ольховая Т.А. Университеты в современном мире: аксиологический ресурс развития. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2010. 374 с.
Лобашев В.Д., Талых А.А., Зименкова Ф.Н. Развитие творческого потенциала личности в практике профессиональной подготовки // Педагогика и психология образования. 2018. № 3. С. 95–104.
Молоткова Н.В., Попов А.И. Методология профессионального становления преподавателя-исследователя в техническом вузе. Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2019. 96 с.
Молоткова Н.В., Попов А.И. Методология аттестации научно-педагогических кадров образовательных учреждений // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2020. № 1(75). С. 157–170.
Назарова С.И. Приоритет творческого развития личности в современной педагогической практике // Современное педагогическое образование. 2018. № 4. С. 145–148.

Наумкин Н.И. Методическая система формирования у студентов технических вузов способностей к инновационной инженерной деятельности. Саранск: Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, 2008. 172 с.
Попов А.И. Механизм мотивирования преподавателя технического вуза к педагогическому творчеству // Alma-mater: Вестник высшей школы. 2013. № 4. С. 56–59.
Попов А.И., Пучков Н.П. Методологические основы и практические аспекты организации олимпиадного движения по учебным дисциплинам в вузе. Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2010. 212 с.
Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Киселева К.Н. Инженерное образование: мировой опыт подготовки интеллектуальной элиты. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Политехнический университет, 2017. 216 с.
Степанов В.И. Развитие творческого потенциала личности студентов в процессе обучения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5(194). С. 166–174.
Степанов В.И. Роль преподавателя в развитии творческого потенциала личности студентов в процессе обучения // Научно-педагогическое обозрение. 2018. № 3(21). С. 161–172.
Чжу Ф. Формирование творческих способностей студентов в аспекте всестороннего развития личности // Информация и образование: границы коммуникаций. 2019. № 11(19). С. 50–52.

References

Andreev V.I. (2004) Competition: a study course for creative self-development. Kazan: center for innovative technologies. 468 p. (In Russ.)
Bubyakina V.I., Stepanova L.V. (2019) Personal development in the process of creative activity. *Sovremennoe obrazovanie: traditsii i innovatsii* = Modern education: traditions and innovations. No. 2. P. 107–110. (In Russ.)
Vishnyakova N.F. (1996) The psychological basis for development of creativity in professional acmeology. Moscow: Institut Psikholologii Rossiiskoi Akademii Nauk . 40 p. (In Russ.)
Kazanskii O.A. (1996) Pedagogy like love. Moscow: Russian pedagogical Agency. 133 p. (In Russ.)
Kir'yakova A.V., Mosienko L.V., Ol'khovaya T.A. (2010) Universities in the modern world: axiological resource of development. Orenburg: Orenburg State University, 374 p.
Lobashev V.D., Talykh A.A., Zimenkova F.N. (2018) The development of the creative potential of a person in vocational training. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* = Pedagogy and psychology of education. No. 3. P. 95–104. (In Russ.)
Molotkova N.V., Popov A.I. (2019) The methodology of the professional becoming of a teacher-researcher at a technical university. Tambov: Tambov State Technical University. 96 p.
Molotkova N.V., Popov A.I. (2020) The methodology of

certification of scientific and pedagogical personnel of educational institutions. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* = Questions of modern science and practice. V. I. Vernadsky University. No. 1(75). P. 157–170. (In Russ.)
Nazarova S.I. (2018) The priority of the creative development of personality in modern pedagogical practice. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* = Modern pedagogical education. No. 4. P. 145–148.
Naumkin N.I. (2008) The methodological system for the formation of technical engineering students' abilities for innovative engineering activities. Saransk: Ogarev Mor-dovia State University. 172 p.
Popov A.I. (2013) The mechanism of motivation of a technical university educator to pedagogical creativity. *Alma-mater: Vestnik vysshei shkoly* = Alma mater: Bulletin of higher school. No. 4. P. 56–59. (In Russ.)
Popov A.I., Puchkov N.P. (2010) Methodological foundations and practical aspects of the organization of the Olympiad movement in educational disciplines at the university. Tambov: Tambov State Technical University. 212 p.
Rudskoi A.I., Borovkov A.I., Romanov P.I., Kiseleva K.N. (2017) Engineering education: world experience in training the intellectual elite. Saint Petersburg: Saint Petersburg Polytechnic University. 216 p. (In Russ.)
Stepanov V.I. (2018) Development of creative potential

of student's personality in the learning process. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Tomsk state pedagogical University. No. 5(194). P. 166–174. (In Russ.)

Stepanov V.I. (2018) The role of the teacher in development of creative potential of student's personality in the learning process. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*

Критерии авторства

Попов А.И., Молоткова Н.В. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Попов Андрей Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106, Россия,
✉ e-mail: olimp_popov@mail.ru

Молоткова Наталия Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, первый проректор, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106, Россия,
e-mail: nvmolotkova@admin.tstu.ru

= Scientific and pedagogical review. No. 3(21). P. 161–172. (In Russ.)

Chzhu F. (2019) Formation of students' creative abilities in the aspect of the comprehensive development of personality. *Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsii* = Information and education: communication boundaries. No. 11(19). P. 50–52. (In Russ.)

Criteria for Authorship

Popov A.I., Molotkova N.V. have conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, they own the copyright in this article and bear responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Andrei I. Popov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate Professor, associate Professor of Tambov State Technical University, 106 Sovetskaya Street, Tambov, 39200, Russia,
✉ e-mail: olimp_popov@mail.ru

Nataliya V. Molotkova, Dr. Sci. (Pedagogics), Professor, first Vice-rector of Tambov State Technical University, 106 Sovetskaya Street, Tambov, 39200, Russia,
e-mail: nvmolotkova@admin.tstu.ru

Социализация школьников и возможности ее реализации в системе довузовской подготовки

© Л.А. Федотова, С.М. Москвичев

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

Аннотация: Одним из важнейших условий эффективного функционирования вуза является организация качественного набора хорошо подготовленных абитуриентов, обладающих глубокими базовыми знаниями, способных к обучению и осознанно выбирающих будущую специальность. В связи с этим, роль довузовского образования сегодня чрезвычайно высока. При правильной организации она выполняет целый ряд функций. Статья посвящена одной из них – социализирующей. Авторами определены современные её функции, включающие не только подготовку студента к обучению в вузе, но и будущее участие старшеклассников в профессиональной творческой деятельности. Показано, что современные условия требуют расширения традиционных функций довузовской подготовки (образовательная, профориентационная) и дополнением к ним выступает социализирующая, поскольку не всегда успешные абитуриенты становятся успешными студентами и профессионалами. Кроме того, социализация должна осуществляться через деятельность, самосознание и общение. При этом общей чертой является расширение социальных связей личности с внешним миром. Приведены возможные направления социализации учащихся. Определено, что реализация социализирующей функции может осуществляться через структуру факультета довузовской подготовки. Предложены мероприятия (творческие конкурсы, очные и заочные предметные и межпредметные олимпиады, коллективные творческие дела, кружки начальной инженерной подготовки), проведение которых способствует социализации школьников. Доказано, что успешная работа в этом плане, отслеживаемая сегодня методами экспертных оценок, приводит к появлению в вузе более успешных студентов. Последнее повышает результативность образовательного процесса и способствует улучшению качества высшего образования.

Ключевые слова: довузовская подготовка, социализация, социализирующая функция, факультет довузовской подготовки, коллективные творческие дела, инженерное творчество, олимпиады

Информация о статье: Дата поступления 03 марта 2020 г.; дата принятия к печати 12 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020.

Для цитирования: Федотова Л.А., Москвичев С.М. Социализация школьников и возможности ее реализации в системе довузовской подготовки // *Социальная компетентность*. 2020. Т. 5. № 2. С. 255–259.

Schoolchildren's socialization and opportunities of its implementation in pre-university training system

© Liliya A. Fedotova, Sergey M. Moskvichev

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract: One of the most important conditions for the effective university functioning is the quality enrollment of well-trained applicants having deep basic knowledge, able to learn and consciously choosing their future specialty. In this regard, the role of pre-university education is extremely high today. If organized properly, it performs a number of functions. The article is devoted to one of them – socialization. The authors identified its modern functions, including not only preparing a student for study at the university, but also the future participation of senior pupils in professional creative activity. At the same time, pre-university training provides young people with opportunities for self-realization and self-development. It is shown that modern conditions require the expansion of the traditional functions of pre-university training (educational, career guidance) and socializing function is an addition to them, since not always successful applicants become successful students and professionals. Socialization of the future student should be carried out through activity, self-consciousness and communication. In addition, a common feature is the extension of individual social ties with the external world. Possible directions of a student's socialization are given. It is determined that the implementation of the socializing function can be carried out through the structure of the faculty of pre-university training. Measures (creative contests, full-time and correspondence subject and cross-curriculum olympiads, collective creative events, initial engineering training circles) are proposed, implementation of which contributes to the schoolchildren socialization. It is proved that successful work within this framework, monitored today by the help of methods of expert assessments, leads to the emergence of more successful students at the university. The latest increases the effectiveness of the educational process and helps to improve the quality of higher education.

Keywords: pre-university training, socialization, socializing function, faculty of pre-university training

Article info: Received March 03, 2020; accepted for publication May 12, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Fedotova L.A., Moskvichev S.M. (2020) Schoolchildren's socialization and opportunities of its implementation in pre-university training system. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. P. 255–259. (In Russ.)

Вступление

Современные условия жизни в обществе делают актуальной проблему социализации личности, заключающуюся в усвоении им норм и ценностей, образцов поведения, психологических установок, а также знаний и навыков, позволяющих молодому человеку успешно функционировать в обществе (Зябрева, 2015. С. 70). Как известно, важнейшим институтом социализации является система образования, представленная для старших школьников не только средней школой, но и довузовским образованием. Довузовская подготовка, будучи частью довузовского образования, является системой, призванной решать широкий круг задач, формируя профессионально ориентированного и подготовленного к обучению в вузе студента. Общим является мнение о ее самостоятельном самоценном значении для воспитательной, профориентационной и будущей профессиональной деятельности школьников (Аксарина, 2014. С. 7; Сидоренко, 2016. С. 79).

М.С. Капелевич (Капелевич, 2011. С. 249) определяет довузовскую подготовку как вид образования, ориентирующегося на индивидуальные потребности индивида; образования самоценного, личностно ориентированного. Несомненно, что довузовская подготовка нацелена на будущее участие старшеклассника в профессиональной творческой деятельности, предоставляет возможности самореализации и саморазвития обучающегося, выработку стратегий. На тактическом уровне важной задачей довузовской подготовки является ориентация старшеклассников на получение высшего образования. При этом подчеркивается, что она становится неотъемлемым компонентом многофункциональной образовательной структуры вуза.

Методы и результаты

Традиционно довузовская подготовка ставит задачи по формированию готовности выпускников школы к вузовскому обучению, участвуя в их профессиональной ориентации и самоопределении (Кольга,

2004. С. 115), но не ограничивается только их решением. Анализ функций, реализуемых в довузовской подготовке на текущем этапе ее развития, показал, что их перечень существенно менялся на протяжении выделения этого вида образования. Пятнадцать – двадцать лет назад основной функцией считалась обучающая, реализуемая через подготовку к вступительным экзаменам в вуз; в качестве вспомогательной определялась профориентационная. В настоящее время, в связи с тем, что основой для зачисления в вуз стали результаты ЕГЭ, обучающая функция довузовской подготовки перестала быть основной и ее содержание существенно изменилось. Сейчас она реализуется через подготовку к ЕГЭ и к предметным олимпиадам, результаты которых могут учитываться приемными комиссиями вузов как индивидуальные достижения (Сокольницкая, 2010. С. 124).

Н.А. Федорова (Федорова, 2010. С. 399), анализируя успешность обучения первокурсников с достаточно высокими результатами ЕГЭ, констатирует тот факт, что не всегда успешные абитуриенты становятся столь же успешными студентами. Автор делает вывод, что при наличии содержательных результатов обучения, социальная зрелость абитуриентов и первокурсников остается на низком уровне, что сказывается на результатах образования. Понимание этой проблемы дает основания говорить о социализирующей функции довузовской подготовки. Она была выделена в работе И.И. Лошаковой (Лошакова, 2003. С. 276), где связывалась с трансляцией профессиональных норм и ценностей, необходимых для формирования социального слоя студенчества. Современные исследователи (Абрамова, 2016. С. 4) приходят к выводу, что в ближайшее время социализирующая роль довузовской подготовки будет только возрастать, а социализирующая функция дополнит обучающие, профориентационные, адаптационные, диагностирующие, и развивающие функции, выделяемые в настоящее время (Цибизова, 2012. С. 131).

Социализация будущего студента в

системе довузовской подготовки должна осуществляться через деятельность, самосознание и общение, общей чертой которых является умножение и расширение социальных связей личности с внешним миром. Социализация должна включать в себя решение ряда задач:

- развитие адаптационных способностей, социального и жизненного опыта личности;

- повышение уровня компетентности личности в принятии решений, в последовательном осуществлении своих целей;

- развитие навыков общения с другими людьми; формирование способностей к самоконтролю, самооценке и саморазвитию;

- ориентацию личности на выбор позитивного образа жизни, позволяющего чувствовать уверенность в собственных силах, обеспечивающего эмоциональные переживания удовлетворенности собой и радости жизни (Сидоренко, 2016. С. 79).

Реализация социализирующей функции довузовской подготовки может быть успешно решена через структуру факультета довузовской подготовки в вузах, разнообразные функции которого неоднократно описаны и проанализированы (Бородавкин, 2008. С. 62; Хлебникова, 2017. С. 177). Так, факультет довузовской подготовки (ФДП) Волгоградского государственного технического университета является структурным подразделением ВолгГТУ, в своей деятельности опирающийся на принципы преемственности, системности, дифференциации и гуманизации. Его задачами являются: удовлетворение потребностей личности в развитии и ориентации на избранную специальность, осуществление педагогического проектирования личностно-ориентированной системы образования, организация и проведение научно-методических исследований и творческих работ. В соответствии с широким кругом целей и задач деятельность факультета реализуется на трех уровнях: маркетинговом, организационно-целевом и технологическом.

На маркетинговом уровне отслеживается рынок образовательных услуг: учитывается конкуренция образовательных учреждений, изучается рынок потребителей, ак-

тивизируется воздействие на спрос путем формирования благоприятного имиджа образовательного учреждения. Важной функцией, реализуемой на данном уровне деятельности ФДП, является формирование положительного отношения старшеклассников и абитуриентов к инженерным профессиям, включающее в себя развитие начальных представлений об инженерной, экономической деятельности.

На организационно-целевом уровне осуществляется деятельность структур ФДП: лицея, подготовительных курсов, инженерно-технических классов в ряде районов города и Волгоградской области. На технологическом уровне происходит формирование приоритетных направлений подготовки, выбор форм и методов обучения и воспитания, проводится диагностика и мониторинг качества.

Социализирующая функция реализуется на всех уровнях деятельности ФДП и включает проведение широкого круга мероприятий для молодых людей разных возрастов:

- творческих конкурсов с активной коммуникацией участников за рамками официальных мероприятий (Абраменко, 2015. С. 15);

- коллективных творческих дел, достижение целей которых предполагает взаимодействие учащихся (Аксютин, 2017. С. 156);

- очных и заочных предметных и межпредметных олимпиад, тематика которых может не совпадать с предметной подготовкой к ЕГЭ (Сокольниковская, 2010. С. 14);

- экскурсий различной направленности, в том числе с краеведческой тематикой (Федотова, 2017. С. 253);

- занятий в кружках начальной инженерной подготовки, доступных школьникам не только старших классов. Для социализации учащихся является важным, чтобы результаты работы представлялись на творческих конкурсах, технических олимпиадах и т. д.

Обсуждение и выводы

Многолетняя деятельность ФДП по разработке, организации и проведению широкого круга мероприятий, направленных на социализацию старшеклассников, позволяет получить в ряды студентов нашего

университета молодых людей с развитыми навыками коммуникации, с хорошими способностями к самоконтролю и самооценке, с достаточным уровнем компетентности при принятии решений и осуществлении своих целей, с ориентацией на позитивный образ мыслей, людей, уверенных в своих силах. Следует отметить, что в настоящее время результаты социализации отслеживаются методами экспертных оценок, к которым в дальнейшем следует добавить объективные методы измерения.

Работа со студентами с высоким уровнем социализации, безусловно, улучшает результативность образовательного процесса и способствует повышению качества образования выпускников высшей школы. Деятельность факультета довузовской подготовки подтверждает возможность реализации социализирующей функции довузовского образования, что в перспективе позволяет повысить качество образования выпускников высшей школы.

Библиографический список

Абраменко Е.В., Федотова Л.А. На пути к патриотизму // Студенчество. Диалоги о воспитании. 2015. № 2. С. 14–19.
Абрамова М.А., Кошеутова О.Л. Довузовская подготовка как компонент непрерывной системы образования // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2016. № 1. С. 3–9.
Аксарина И.Ю. Модель процесса адаптации выпускников школ на этапе перехода от общего к высшему профессиональному образованию // Вестник Югорского государственного университета. 2014. № 1 (32). С. 5–11
Аксютин И.В., Беседина И.В., Дулина Н.В. и др. Педагогические технологии как фактор изменения современного образовательного пространства. Астрахань, 2017. 221 с.
Бородавкин В.В. Профильная довузовская подготовка: опыт и проблемы // Высшее образование в России. 2008. № 3. С. 61–65.
Зябрева С.Э. К вопросу о социализации студентов-первокурсников вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2015. № 48–2. С. 69–74.
Капелевич М.С., Шуманов В.А. Организация довузовской подготовки и профориентационной работы в техническом университете в условиях временного демографического спада // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2011. Т. 1. С. 249–250.
Кольга В.В. Развитие педагогически интегрированной системы аэрокосмического образования на современном этапе. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2004. 124 с.
Лошакова И.И. Социальная роль довузовского образования в регионе // Регионоведение. 2003. № 1–2 (42–43). С. 275–280.

Сидоренко Ю.А., Якименко Л.А. Центры довузовского образования – связующее звено непрерывного образовательного процесса // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5 (57). С. 78–80.
Сокольников Т.Н., Болотина Ю.О. Основные направления деятельности и перспективы развития структур довузовской подготовки в учреждениях высшего профессионального образования // Деятельность структур довузовской подготовки в условиях проведения единого государственного экзамена: материалы II Всероссийской заочной научно-практической конференции (Омск, декабрь 2010 г.). Федеральное агентство по образованию Российской Федерации, ГОУ ВПО Омский государственный педагогический университет. Омск: Сфера, 2010. С. 14.
Федорова Н.А. Довузовская подготовка как средство становления личности будущих абитуриентов // Известия Самарского научного центра российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5–2. С. 398–402.
Федотова Л.А., Дулина Н.В. Пространство современного Волгограда как средство воспитания патриотизма студентов // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию начала контрнаступления советских войск в битве под Москвой (Москва, 1–2 декабря 2017 г.). М.: МИСиС, 2017. С. 251–255.
Цибизова Т.Ю. О социализации школьников в системе довузовской подготовки // Дизайн и технологии. 2012. № 28(70). С. 130–135.
Хлебникова Т.Д., Гильмиярова С.Г., Хамидуллина И.В., Ильина С.Ф. Роль системы довузовского образования в деятельности вуза // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 4–2. С. 177.

References

Abramenko E.V., Fedotova L.A. (2015) On the way to patriotism. *Studenchestvo. Dialogi o vospitanii* = Student community. Dialogues about education. No. 2. P. 14–19. (In Russ.)
Abramova M.A., Kosheutova O.L. (2016) Pre-university training as a component of a continuing education. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Nizhnevartovsk state university. No. 1.

P. 3–9. (In Russ.)
Aksarina I.Yu. (2014) Model of adaptation of school leavers at the stage of transition from general education to higher professional training. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik Yugra State University. No. 1 (32). P. 5–11. (In Russ.)
Aksyutina I.V., Besedina I.V., Dulina N.V. i dr. (2017) Pedagogical technologies as factor of modern educational

space changes. Astrakhan'. 221 p. (In Russ.)
Borodavkin V.V. (2008) Field-specific pre-university training: experience and problems. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher education in Russia. No. 3. P. 61–65. (In Russ.)
Zyabreva S.E. (2015) On socialization of first-year students in the university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = Problems of modern pedagogical education. No. 48–2. P. 69–74. (In Russ.)
Kapelevich M.S., Shumanov V.A. (2011) Organization of pre-university training and career guidance at a technical university in a temporary demographic decline. *Sovremennoe obrazovanie: sodержanie, tekhnologii, kachestvo* = Modern Education: Content, Technology, Quality. Vol. 1. P. 249–250. (In Russ.)
Kol'ga V.V. (2004) Development of a pedagogically integrated system of aerospace education at the present stage. Sankt-Peterburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. 124 p. (In Russ.)
Loshakova I.I. (2003) The social role of pre-university education in the region. *Regionology*. No. 1–2 (42–43). P. 275–280. (In Russ.)
Sidorenko Yu.A., Yakimenko L.A. (2016) Centers for pre-university education – a connecting link of the continuous educational process. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* = Humanities scientific researches. No. 5 (57). P. 78–80. (In Russ.)
Sokol'nitskaya T.N., Bolofina Yu.O. (2010) The main activities and prospects for the development of pre-university training structures in higher education institutions. *Deyatel'nost' struktur dovuzovskoi podgotovki v usloviyakh provedeniya edinogo gosudarstvennogo ekzamina: materialy II Vserossiiskoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Omsk, dekabr' 2010 g.)* = Activities of pre-university training structures in the context

Критерии авторства

Федотова Л.А., Москвичев С.М. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Федотова Лилия Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет, 400066, Волгоград, проспект имени В.И. Ленина, 28, Россия,
✉ e-mail: lifedotova@yandex.ru

Москвичев Сергей Михайлович, кандидат технических наук, доцент кафедры неорганической химии, Волгоградский государственный технический университет, 400066, Волгоград, проспект имени В.И. Ленина, 28, Россия,
e-mail: licey@vstu.ru

of a unified state exam: proceedings of the II All-Russian Extramural Scientific and Practical Conference (Omsk, December 2010). Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu Rossiiskoi Federatsii, GOU VPO Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Rossiiskoi Federatsii. Omsk: Sfera. P. 14. (In Russ.)
Fedorova N.A. (2010) Pre-university training as a means of becoming a personality of future applicants. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra rossiiskoi akademii nauk* = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vol. 12. No. 5–2. P. 398–402. (In Russ.)
Fedotova L.A., Dulina N.V. (2017) The space of modern Volgograd as a means of educating students' patriotism. *Patrioticheskoe vospitanie v sisteme vysshego obrazovaniya: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 75-letiyu nachala kontrnastupleniya sovetskikh voisk v bitve pod Moskvoy* = Patriotic education in higher education: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation dedicated to the 75th anniversary of the beginning of the Soviet fightback in the Battle of Moscow. Moscow: National University of Science and Technology "MISIS". P. 251–255. (In Russ.)
Tsibizova T.Yu. (2012) On the socialization of schoolchildren in the system of pre-university training. *Dizain i tekhnologi i* = Modern Humanities Success. No. 28(70). P. 130–135. (In Russ.)
Khlebnikova T.D., Gil'miyarova S.G., Khamidullina I.V., Il'ina S.F. (2017) The role of pre-university education in the activities of the university. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* = International Journal of Experimental Education. No. 4–2. P. 177. (In Russ.)

Criteria for Authorship

Fedotova L.A., Moskvichev S.M. have conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, they own the copyright in this article and bear responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Liliya A. Fedotova, Cand. Sci. (Pedagogics), Associate Professor of History, Culture and Sociology Department, Volgograd State Technical University, 28 Prospect named after V.I. Lenin, Volgograd, 400066, Russia,
✉ e-mail: lifedotova@yandex.ru

Sergey M. Moskvichev, Cand. Sci. (Engineering Sciences), Associate Professor of Inorganic Chemistry Department, Volgograd State Technical University, 28 Prospect named after V.I. Lenin, Volgograd, 400066, Russia,
e-mail: licey@vstu.ru

Исследование восприятия бренда вуза целевыми группами (на примере ИРНИТУ)

© Н.В. Сидорова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного с целью анализа особенностей восприятия бренда ИРНИТУ внутренними целевыми группами. В качестве методов использовались анкетирование студентов (n=385) и экспертный опрос сотрудников ИРНИТУ (n=26). В ходе исследования анализировалась проблема восприятия бренда целевыми группами, отношение к нему, к его компонентам, выявлялась потребность в изменении. В качестве ключевых были определены материальные и нематериальные составляющие бренда с их характеристиками. Автор исходил из того, что формируемый образ транслируется целевыми группами в социум и, соответственно, несет в себе всю информацию об образовательном учреждении. Вопросы – какие качества бренда, как образа вуза, представляются потребителям, какие ассоциации возникают у респондентов при соприкосновении с брендом – исследовались в ходе социологического опроса. Особое значение для анализа имеет отношение респондентов к преимуществам и слабым сторонам вуза. Это помогает понять направление трансформации бренда как системного образования. Также в ходе работы исследовались компоненты бренда, представление которых респондентами дает возможность техническому университету изменить составляющие бренда, такие как логотип, идея и ценности, на которые опирается вуз в процессе своего функционирования.

Ключевые слова: бренд, целевые группы, имидж, логотип, материальные и нематериальные компоненты бренда

Информация о статье: Дата поступления 20 марта 2020 г.; дата принятия к печати 01 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020 г.

Для цитирования: Сидорова Н.В. Исследование восприятия бренда вуза целевыми группами (на примере ИРНИТУ) // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 2. С. 260–270.

Study of target groups' perception of the University brand (through the example of IRNITU)

© Natalia V. Sidorova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article presents the results of the sociological research conducted to analyze the characteristics of internal target groups' perception of IRNITU brand. The student questionnaire (n = 385) and expert survey of IRNITU employees (n = 26) were used as research methods. During the study, the issue of target groups' perception of the university brand was analyzed, the attitude to it, to its components; the need for changing the existing IRNITU brand was revealed. The tangible and intangible elements of the brand with their characteristics were identified as key components. The assumption was that the brand image is transmitted by target groups to society and carries all the information about the educational institution. The issues – what brand features and how the University image are presented to consumers, what brand associations respondents have – were examined during the sociological survey. The respondents' attitude to the advantages and weaknesses of the university was of particular importance for brand analysis. This helps to understand the direction of brand transformation as a systemic formation. Besides, the elements of respondents' brand vision enabling the technical university to change its brand components such as logo, idea, and values were studied.

Keywords: brand, target groups, image, logo, tangible and intangible elements of the brand

Article info: Received March 20, 2020; accepted June 01, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Sidorova N.V. (2020) Study of target groups' perception of the University brand (through the example of IRNITU). *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. Pp. 260–270. (In Russ.)

Введение

В условиях современного общества отмечается повышение конкуренции в различных областях человеческой деятельности. Образовательная сфера в этом смыс-

ле не исключение. В настоящее время она рассматривается как производитель научных разработок, образовательных технологий, услуг и т. д. Для успешной реализации всего этого арсенала системе образова-

ния необходим успешный менеджмент, маркетинг и технологии, позволяющие успешно реализовывать потенциал образовательных учреждений. В этом процессе очень важен имидж и бренд, как воплощение материальных и нематериальных показателей того или иного вуза.

Для того чтобы заинтересовать целевые группы потребителей необходимо продумывать и планировать брендовую политику. Хотя многие исследователи отмечают, что на самом деле наиболее крупные вузы обладали собственным брендом уже давно, до появления понятия «образовательный бренд». К таким вузам можно отнести университеты Англии, США, Западной Европы. Пока бренд существует как образ в представлении целевых групп, он будет влиять на их выбор (Боровских, Смирнова, 2014).

Вуз является, с одной стороны, частью института образования и воспитания человека как личности, он способен транслировать и развивать все социокультурные ценности, частью которых выступают и научные знания. С другой же стороны, университет входит в состав рынка образовательных услуг и труда. В такой перспективе вуз является производителем особых специфических услуг и специфического продукта (Кайгородова, 2012). Это непосредственно отражается в специфике образовательного бренда. По мнению Е.Г. Беккер, бренд может восприниматься как товар (в широком смысле) на рынке образовательных услуг, что определяет специфику его функционирования. Это заставляет потребителей внимательно относиться к его выбору (Беккер, 2012).

Выделяется несколько подходов к анализу понятия «бренд». Ряд исследователей представляет его как системное образование, включающее в себя целый комплекс составляющих. Бренд – это система, связывающая вместе продукт, имидж, образ марки в сознании потребителя, а также видение производителем образов предоставляемой услуги, марки вуза и основных характеристик потребителей (Грошев, Юрьев, 2010). Инструменты маркетинга в этом процессе являются ключевыми и обладают достаточным потенциалом для реализации бренд-технологий. Суть бренда, его содержание, структура, механизмы

действия рассматриваются в теории маркетинга, в которой имеется множество подходов для его анализа (Селюков, Шалыгина, 2012).

Образовательные бренды имеют свою специфику в силу особенностей самой системы образования и ее функций в обществе. Совмещая достаточно большое количество характеристик, реализуя весьма специфические функции в обществе, образовательные учреждения имеют и бренды, отличные от брендов коммерческих фирм (Иванова, Кофанов, Еленев, 2011). По мнению А. Уиллера, одно из лучших вложений в продуктивное развитие, которое способно осуществить фирма – это доходчиво донести до работников суть и смысл бренда своей компании (Уиллер, 2004).

Конкуренция между университетами в современных условиях вышла на глобальный уровень и затронула, в том числе, региональные университеты. Это стимулирует поиск вузами дополнительных преимуществ (Прохоров, 2016).

Одним из трансляторов бренда вуза являются и сами студенты, непосредственно обучающиеся в каком-либо учебном заведении. Они создают образ своего вуза не только в совокупности, но и каждый в отдельности через свои субъективные оценки, мнения и рассказы людям, не являющимся его частью. Поэтому весьма важным и актуальным предстает то, как студент сам воспринимает свой вуз и его бренд. Конкурентоспособный бренд можно построить с опорой на ценности, разделяемые учебным заведением. Основной вопрос состоит в конфигурации ценностей в зависимости от выбранной модели (Прохоров, 2017).

Следует также отметить, что рейтинговые показатели вуза связаны с его брендом и имиджевыми характеристиками (Черных, 2012).

Современные школьники и абитуриенты, выбирая образовательное учреждение, нередко руководствуются тем имиджевым капиталом, которым располагают вузы. Также все большее значение приобретает привлекательность и ценность бренда образовательного учреждения для различных организаций при принятии решений о создании партнерских с вузом

взаимоотношений, о курировании проектов или других решений, требующих выбора образовательного учреждения. Данными факторами обуславливается ключевое значение стратегии брендинга для образовательного учреждения. Бренд – это инвестиция в будущее, которая позволяет получить дополнительную прибыль; бренд упрощает процедуру выбора вуза потребителем, идентифицирует вуз среди вузов-конкурентов, гарантирует потребителю качество предоставляемых услуг. Таким образом, учебному заведению необходимо разработать такой бренд, который будет иметь четкие отличия от конкурентов и выделяться на рынке; создать уникальное позиционирование, а при необходимости произвести, перепозиционирование бренда; задать рамки существования бренда (Хохрин, 2004).

Методы исследования

Для проверки теоретических положений автором было проведено социологическое исследование, посвященное проблеме восприятия существующего бренда вуза и анализу предпочтений в этой области основных целевых групп, соприкасающихся с ним. Было проведено оно было на базе Иркутского национального исследовательского технического университета в период с декабря 2019 года по апрель 2020 года.

Исследование было разделено на этапы в зависимости от целевой группы, с которой предстояло работать, и были разделены на два основных вида – внешние и внутренние по отношению к вузу. На первом этапе предстояло изучить особенности восприятия бренда «Иркутский Политех» у внутренних целевых групп. Это студенты и сотрудники ИРНИТУ в лице директоров институтов, руководителей различных подразделений (научно-исследовательских объединений, центров, лабораторий и т. Е.Г. д.), представителей ректората. Соответственно, на втором этапе предстояло исследовать особенности восприятия бренда у целевых групп, являющихся внешними по отношению к вузу. Это группы школьников, абитуриентов, их родителей, работодатели, активно, сотрудничающие с ИРНИТУ, и научно-исследовательские центры, для которых вуз является полноценным партнером

в рамках научно-исследовательской работы.

В данной статье автор подвел итоги и сделал анализ данных, полученных на первом этапе исследования. Работа с внутренними целевыми группа представлена результатами двумя параллельно проведенными исследованиями. Первое – это опрос студентов ИРНИТУ. В качестве основного метода было применено анкетирование студентов (письменный опрос). Для него была рассчитана выборочная совокупность на базе генеральной. В качестве типа использована многоступенчатая выборка. Она является случайной на первом этапе (первой ступени) отбора, с квотированием по институтам и курсам на последующих ступенях. Выборочная совокупность составила 385 человек при ошибке выборки 5 % (по В.И. Паниотто), генеральная совокупность – 7691 человек (студентов ИРНИТУ, без учета института БРИКС). Второе исследование – опрос сотрудников вуза планировалось проводить методом группового интервью (фокус-группа). Их необходимо было опросить в качестве экспертов. Однако, ситуация с карантином (в связи распространением коронавирусной инфекции Covid-19) скорректировала планы исследовательского коллектива, и было принято решение провести письменный опрос экспертов. Исследователи разработали бланк письменного опроса и разослали их экспертам, возвратность бланков составила 26 случаев. Таким образом, на просьбу об участии в опросе откликнулись 26 сотрудников ИРНИТУ.

Авторы ставили перед собой две основные цели: во-первых, исследовать отношение к имеющемуся бренду ИРНИТУ как комплексному образованию, включающему в себя материальные и нематериальные компоненты, во-вторых, выявить тренды нового образа. В соответствии с этими целями выработывался аппарат исследования, его программа, включающая методологические и методические элементы с обоснованием необходимых процедур.

Основные результаты и выводы

В этом разделе представлены ключевые результаты, которые можно рассматривать в качестве тенденций, влияю-

щих на решение о ребрендинге вуза, а также создания брендбука.

В ходе опроса респондентам были заданы вопросы общего характера о том, что из себя представляет бренд вуза и может ли он обладать им. По поводу представления о бренде большинство студентов (52,2 %) и экспертов (20 человек) высказались, что «это образ учебного заведения, складывающийся из материальных и нематериальных особенностей вуза». Часть респондентов выбрала вариант, что к бренду вуза относят «логотип, марку, название вуза» (47,2 % студентов и 1 эксперт). Остальные опрошенные студенты не определились с ответом (0,5 %). У экспертов были уникальные варианты ответов, что бренд это «...элементы организационной культуры, обличенных в определенную форму», «ценности, которые нужны абитуриентам (известность, история и традиции, престижный диплом, связь с предприятиями для успешного трудоустройства)», «образ учебного заведения, который хорошо знаком аудитории и выгодно отличает один вуз от другого». Можно отметить, что все эти ответы отражают предназначение вуза в глазах его сотрудников, и они гармонично вписываются в представление о бренде как о совокупности материальных и нематериальных компонентов.

Вопрос о возможности каждого учебного заведения обладать брендом отмечен единодушием студентов и экспертов. Так, 85,8 % опрошенных студентов и все эксперты утверждают, что вуз может обла-

дать брендом. Эта тенденция указывает на наличие у него не только функций образовательного и исследовательского учреждения, но и символических, которые в современном обществе выходят на первый план. Остальные учащиеся считают, что вуз не может обладать собственным брендом (7,5 %) или не имеют четкого мнения по этому вопросу (6,7 %).

Бренд должен создавать узнаваемый и запоминающийся образ организации, ассоциирующийся с качественными услугами и стабильностью функционирования и развития, вычлениением и продвижением ее конкретных преимуществ и сильных сторон (Фролова, 2008). Поэтому респондентам был задан блок вопросов по узнаванию бренда. Так 63,4 % опрошенных студентов и 25 экспертов знают, что у ИРНИТУ есть собственный бренд. Остальные не владеют этой информацией. Далее респондентов просили указать, что является официальным логотипом ИРНИТУ. Большинство отметили в качестве логотипа знак латинской буквы U с книгой (73,2 % студентов, 14 экспертов). Они также указали на изображение нерпы в качестве логотипа, это 17,9 % студентов и 4 эксперта. Стилизованное изображение здания ИРНИТУ, его главного корпуса указали в качестве логотипа 8,8 % студентов и 3 эксперта (рис. 1). Каждая из групп по-своему права. Действительно, эти три логотипа используются в разных ситуациях в качестве логотипа ИРНИТУ. Но если говорить о единстве образа вуза, то, соответственно, его нет.

Рис. 1. Логотип ИРНИТУ в представлении респондентов
Fig. 1. IRNITU logo in respondents' vision

Рассматривая бренд, необходимо изучить его материальные и нематериальные составляющие. Так, к материальным относятся элементы материально-технической базы вуза. Оценивать состояние этих элементов в ИРНИТУ респондентам предложили по 5-балльной шкале. Поэтому предметом анализа стали средние показатели. Можно отметить удивительное сходство тенденций в оценках студентов и экспертов (таб.). Максимально высокая принадлежит элементу зданий и корпусов ИРНИТУ, причем по нескольким вопросам он проходит как неоспоримое преимущество технического университета, особенно по сравнению с другими вузами Иркутска. Высоко оценены также элементы методической обеспеченности обучения, технические средства, мультимедийное оборудование. Средние оценки присвоены состоянию корпусов, аудиторий, коридоров зданий, лестниц, рекреаций, то есть это те внешние атрибуты вуза, которые студенты видят каждый день. Наиболее низкие оценки принадлежат состоянию общежитий и доступа в Интернет. Причем на вопрос о состоянии общежитий предложено было ответить только тем студентам, которые там проживают. Что касается оценки качества доступа в Интернет, то это достаточно

красноречивый показатель, особенно в условиях информатизации и цифровизации образовательной среды.

Кроме материальных элементов бренда, респондентам было предложено рассмотреть и нематериальные составляющие, среди которых выделены: работа профессорско-преподавательского состава (НПР) и его имидж. Оценивать эти две позиции могли только студенты, поскольку в оценках экспертов высока вероятность субъективности. Таким образом, студенты оценили работы профессорско-преподавательского состава по 5-балльной шкале по следующим характеристикам: владение знаниями по предмету – 4,2; объективность выставяемых оценок – 3,8; ясное, понятное изложение материала – 3,6; владение современными образовательными технологиями – 3,6; умение вызвать и поддержать интерес к предмету – 3,3. Максимальные оценки присвоены профессиональному уровню преподавателей за счет высоких знаний, профессионализма в своей области. Полнота и высокий уровень знаний – это действительно тот показатель, на который ориентируются многие абитуриенты и их родители. Объективность оценок также достаточно высокая у преподавателей ИРНИТУ, что немаловажно в целом

Средние оценки элементов материально-технической базы ИРНИТУ (по 5-балльной шкале)
Average values of material and technical resources elements of IRNITU (on a 5 point scale)

Элементы материально-технической базы	Студенты	Эксперты
Удобство расположения корпусов ИРНИТУ	3,8	4,2
Учебные пособия, методички	3,7	3,6
Мультимедийное оборудование (компьютеры, проекторы и т. д.)	3,7	3,6
Технические средства обучения (станки, приборы и т. д.)	3,4	3,3
Внешний вид коридоров, рекреаций, лестниц	3,1	3,2
Внешний вид аудиторий	3	3,1
Внешний вид учебных корпусов и общежитий	2,7	3,1
Условия проживания в студенческом общежитии	2,6	-
Доступ в Интернет (Wi-Fi).	2,2	2,9

для системы образования. Необходимо отметить, что данный критерий является значимым и особенно влияет на формальную и неформальную репутацию вуза. На рынке образовательных услуг он является одним из ключевых брендинговых показателей и формируется из нематериальных активов (мнения, отношения, эмоции) (Кошлякова, 2013).

Наиболее низкий показатель имиджа – это умение вызвать и поддержать интерес к своему предмету. Такое положение дел заставляет задуматься над проблемой рутинизации в образовательном процессе, поиском новым форм и средств обучения.

Вопрос об имидже преподавателей и сотрудников вуза напрямую связан с их работой и влияет в целом на оценку имиджа и бренда вуза. Самые высокие из них (по 5-балльной шкале) были присвоены имиджу ректора (среднее – 4,1) и НПР (среднее – 3,9), 3,8 – имидж сотрудников и выпускников. И самые низкие показатели (3,6) – студентов, что выглядит достаточно критично по отношению с самим себе.

Далее, продолжая рассматривать нематериальную составляющую бренда,

необходимо указать, каким образом эксперты и студенты оценили бренд вуза «Иркутский Политех». Студенты сделали это в среднем на 3,4 балла, эксперты – 3,7 баллов. При этом в студенческом опросе и у экспертов мода равна 4 баллам.

Для понимания необходимости трансформации бренда ИРНИТУ респондентам было предложено оценить эмоции (Капустина, Жадько, Изакова, 2016), которые они испытывают по отношению к бренду «Иркутский Политех». Шкала семантического дифференциала является среднечувствительной и позволяет зафиксировать оттенки эмоций в 3-балльной шкале. Наглядно видно, что позитивные эмоции преобладают над негативными у обеих групп респондентов (рис. 2).

Максимальное количество позитивных эмоций связано с брендом через эмоции интереса, радости и благодарности у студентов. И почти такие же показатели у экспертов с добавлением эмоции удовлетворения. Негативные связаны с восприятием бренда – это разочарование, тревога, печаль у студентов, тревога и печаль у экспертов.

Рис. 2. Эмоции, испытываемые респондентами по отношению к бренду «Иркутский Политех» (частотные показатели)
 Fig. 2. Respondents' emotions towards the brand "Irkutsk Polytech" (frequency indicators)

Положительные эмоции					Негативные эмоции				
Эмоции	Абсолютные показатели, (кол-во чел.)	Относительные показатели, (%)	Средняя по интенсивности	мода	Эмоции	Абсолютные показатели, (кол-во чел.)	Относительные показатели, (%)	Средняя по интенсивности	мода
Радость	233	60,5	1,8	2	Печаль	59	15,3	1,7	1
Интерес	281	73	1,8	2	Скука	51	13,2	1,7	1
Благодарность	232	60,1	1,7	1	Гнев	35	9	1,6	1
Уверенность	223	57,9	1,9	1	Тревога	64	16,7	1,7	1
Любовь	197	51,2	1,8	1	Ненависть	39	10,2	1,7	1
Удовлетворение	217	56,4	1,8	2	Разочарование	65	16,9	1,9	1

Рис. 3. Эмоции, испытываемые респондентами по отношению к бренду «Иркутский Политех» (абсолютные, относительные показатели, меры центральной тенденции)

Fig. 3. Respondents' emotions towards the brand "Irkutsk Polytech" (absolute and relative indicators, measures of central tendency)

В целом можно отметить достаточно высокие показатели позитивного восприятия бренда «Иркутский Политех» опрошенными респондентами. При этом стоит упомянуть о том, что от 1-го курса к 5-му студенты по убывающей обращают внимание на бренд, то есть значимость его снижается, в порядке старшинства курсов. С чем связана эта тенденция? Поскольку мы отмечали в ответах студентов акцент на таких показателях как ориентация на рынок труда, трудоустройство, то по вполне понятным причинам они становятся актуальными к окончанию учёбы. И бренд вуза, в который они ещё недавно поступали на фоне проблем определения дальнейшей жизненной и профессиональной траектории, уже не так важен.

Большой исследовательский блок был посвящен вопросам изменения бренда ИРНТУ. Каким видят респонденты обновленный бренд, логотип, необходима ли его трансформация? Эти вопросы мы задавали респондентам. Так, необходимость смены логотипа как студентами, так и экспертами в большинстве отвергается, не согласны на смену логотипа 86,2 % опрошенных студентов и 14 экспертов. Но спроектировав ситуацию смены логотипа и бренда, мы спросили у респондентов, какие корпоративные цвета они видят в новом логотипе. На первое место студенты и эксперты поставили синий, который активно исполь-

зуется в существующих логотипах ИРНТУ (61,3 % студентов и 19 экспертов). На втором месте белый цвет, также являющийся характерным для символики ИРНТУ (37 % студентов и 9 экспертов). При этом у экспертов был вопрос, касающийся ассоциаций с цветом. Они отметили, что сочетание синего и белого (корпоративные цвета существующего логотипа ИРНТУ) ассоциируются с уверенностью, интеллектом и работоспособностью.

У экспертов встречались также уникальные и единичные варианты ассоциаций, например, черный цвет они связывали со стабильностью, оранжевый воспринимается как дружелюбие и открытость, сочетание желтого и черного как связь золота и нефти.

Для определения содержательных характеристик бренда респондентам был задан вопрос о том, с какими чертами характера они ассоциируют его. По сути эти характеристики являются ценностями и занимают определённую нишу как в сознании представителей университета, так и целевой аудитории (Бурлакова, Качалова, 2016). Результаты коррелировали и с ответами на другие вопросы. Например, лидеры характеристик – профессионализм (студенты 44,4 %, эксперты 18 человек) и современность (студенты 67,7 %, эксперты 12 человек) были отмечены в вопросах об имидже преподавательского состава

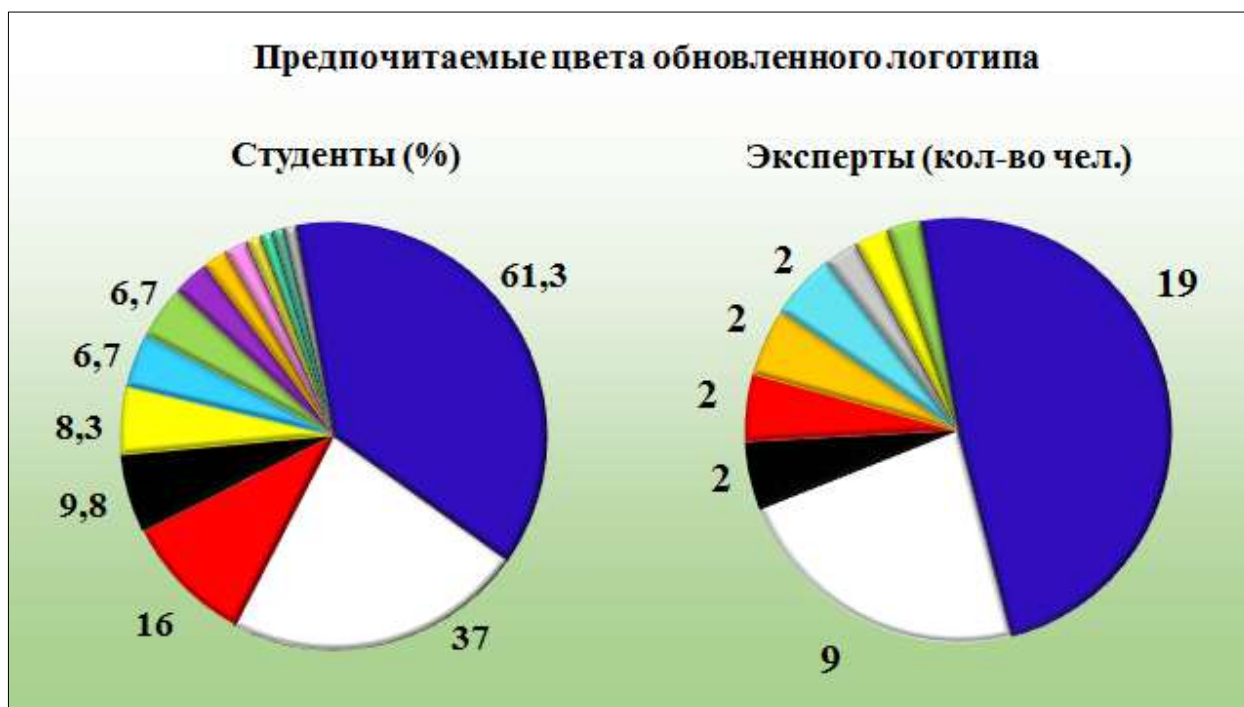

Рис. 4. Цветовые предпочтения респондентов в обновленном логотипе ИРНИТУ
 Fig. 4. Respondents' color preferences in the renewed logo of IRNITU

Рис. 5. Характеристики обновленного бренда в представлении респондентов
 Fig. 5. Renewed brand characteristics in the respondents' vision

ИРНИТУ как самые сильные стороны. Это свидетельствует о том, что они в современном мире воспринимаются опрошенными респондентами одними из значимых и определяющих позициями в социуме. Также важными респонденты считают качества, описывающие активность, движение,

достижение цели (целеустремленность – студенты 28 %, эксперты 9 человек; активность – студенты 24 %; целеустремленность – 9 экспертов и т. д.).

Для понимания ситуации с определением сильных и слабых сторон ИРНИТУ респондентам были заданы соответствующие

щие вопросы. Самым большим преимуществом университета они считают техническую направленность вуза, в частности, большой выбор специальностей, которым не обладает ни один вуз города, и в связи с этим большое количество образовательных и научных программ. С этим же показателем тесно связан высокий уровень образования профессорско-преподавательского состава, отмеченный респондентами как преимущество университета.

Еще одним большим преимуществом Иркутского технического университета является кампус, компактное расположение корпусов вуза в студенческом городке. Эта характеристика отмечалась как достоинство и в ответах об имидже вуза. Действительно, в условиях большого города достаточно важно успешно решать проблему нехватки времени, а удачное расположение университета позволяет делать это. Треть опрошенных студентов отметила вариант творческих коллективов вуза. Поскольку студенческая жизнь не мыслима без внеучебной деятельности, то возможность реализации в этой сфере для студентов тоже имеет не последнее значение.

Противоположный вопрос о том, чего все-таки не хватает вузу для привлечения студентов, позволил выделить четыре группы проблем. Так, респонденты отметили необходимость модернизации во всех сферах ИРНИТУ, что подразумевает приобретение нового исследовательского оборудования, применение современных технологий обучения и модернизацию в целом кампуса университета. Вторая группа проблем – это недостаточная реклама и отсутствия в СМИ информации о вузе. Респонденты отметили необходимость её распространения среди абитуриентов, популяризации деятельности вуза в информационной среде. Создание комфортной среды в вузе для обучения, отдыха, занятий научно-исследовательской и творческой деятельностью – это ещё одна задача, решение которой необходимо. Следует отметить, что в вопросах об имидже респонденты отмечали внешний вид зданий, корпусов, коридоров и т. д. как достаточно некомфортный. И наиболее актуальная проблема для выпускников и их родителей – организация практик и трудоустройство. Опрошенные отмечают, что необходимо усилить связь

Рис. 6. Мнение респондентов о преимуществах ИРНИТУ
Fig. 6. Respondents' opinion about IRNITU advantages

вуза с крупными предприятиями и корпорациям для обеспечения баз практик и трудоустройства. Они также делают акцент на отсутствие уверенности в завтрашнем дне в отношении своей профессиональной карьеры. Поэтому вузу можно предложить выработать механизмы по решению данной группы проблем.

Заключение

Таким образом, по результатам первого этапа исследования можно сделать вывод, о том, что внутренние целевые

группы достаточно позитивно относятся к бренду собственного вуза и необходимости его изменения и обновления, но на основе тех элементов, которые успешно функционируют в настоящем. При этом респонденты достаточно критично оценивают компоненты бренда ИРНИТУ как вуза в его символическом воплощении.

Дальнейшие исследования внешних целевых групп дадут достаточно информации для принятия решения об обновлении или смены бренда вуза.

Библиографический список

Беккер Е.Г. Особенности бренда вуза // Вестник Финансового университета. 2012. № 2. С. 121–133.
Боровских Ю.А., Смирнова Е.Э. Бренд вуза как объект социологического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Вып. 1. С. 157–165.
Бурлакова Е.В., Качалова С.М. Особенности формирования и продвижения бренда высшего учебного заведения (на примере Липецкого государственного технического университета) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 49–57.
Грошев И.В., Юрьев В.М. Вуз как объект брендинга // Высшее образование в России. 2010. № 1. С. 23–29.
Иванова З.И., Кофанов А.В., Еленев К.С. Продвижение бренда государственного вуза: от построения модели восприятия бренда до разработки концепта маркетинговых коммуникаций // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2011. № 1. С. 37–41.
Кайгородова Д.А. Бренд вуза: сущность, конкурентные преимущества и концептуальная модель его формирования // Социогуманитарный вестник. 2012. № 1. С. 37–41.
Капустина Л.М., Жадько Е.А., Изакова Н.Б. Исследование особенностей и статистический анализ бренда образовательной организации // Управленец. 2016. № 1(59). С. 2–12.

Кошлякова М.О. Товарный и корпоративный бренды вуза // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 4. С. 72–77.
Прохоров А.В. Брендинг университетов: российский опыт // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. № 3–4 (155–156). С. 25–30.
Прохоров А.В. Модель университета как основа позиционирования его бренда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 3. Вып. 4 (12). С. 31–35.
Селюков М.В., Шалыгина Н.П. Бренд-технологии в системе управления высшим учебным заведением // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 260–268.
Уиллер А. Индивидуальность бренда. Руководство по созданию, продвижению и поддержке сильных брендов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 235 с.
Фролова О. ЮУПИ: анатомия бренда // Высшее образование в России. 2008. № 12. С. 96–99.
Хохрин Е.В. Механизмы формирования корпоративного стиля крупного научно-образовательного учреждения // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2004. № 4 (20). С. 106–112.
Черных А.В. В поисках утраченного рейтинга // Коммерсантъ Власть. 2012. № 12. С. 22–24.

References

Bekker E.G. (2012) University brand peculiarities. *Vestnik Finansovogo universiteta* = Bulletin of The Financial University. No. 2. P. 121–133. (In Russ.)
Borovskikh Yu.A., Smirnova E.E. (2014) University brand as an object of sociological research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* = Vestnik of Saint Petersburg University. Iss. 1. P. 157–165. (In Russ.)
Burlakova E.V., Kachalova S.M. (2016) Peculiarities of formation and promotion of the higher educational institution brand (through the example of Lipetsk State Technical University). *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i humanitarnye issledovaniya* = Research Result. Social Studies and Humanities. Vol. 2. No. 4. P. 49–57. (In Russ.)
Groshev I.V., Yur'ev V.M. (2010) Higher educational institution as an branding object. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 1. P. 23–29. (In Russ.)
Ivanova Z.I., Kofanov A.V., Elenev K.S. (2011) Brand pro-

motion of the state university from constructing a model of brand perception to the development of the concept of marketing communications. *Marketing i marketingovye issledovaniya* = Marketing and market research. No.1. P. 37–41. (In Russ.)
Kaigorodova D.A. (2012) University Brand: essence, competitive advantages and conceptual model of its formation. *Sotsiogumanitarnyi vestnik* = Socio-humanitarian Bulletin. No. 1. P. 37–41. (In Russ.)
Kapustina L.M., Zhad'ko E.A., Izakova N.B. (2016) The research of peculiarities and statistical analysis of an educational institution brand. *Upravlenets* = Upravlenets (The Manager). No. 1(59). P. 2–12. (In Russ.)
Koshlyakova M.O. (2013) Product and corporate brands of higher educational institution. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa* = Universities for Tourism and Association Bulletin. No. 4. P. 72–77. (In Russ.)

Prokhorov A.V. (2016) University branding: Russian experience. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Tambov University Review. Series: Humanities. Vol. 21. No. 3–4 (155–156). P. 25–30. (In Russ.)
Prokhorov A.V. (2017) University model as a value basis for its positioning. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* = Tambov University Review. Series: Social Science. Vol. 3. Iss. 4 (12). P. 31–35. (In Russ.)
Selyukov M.V., Shalygina N.P. (2012) Brand-technology in the control system of a higher education institution. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Scientific journal. Modern problems of science and education No. 5. P. 260–268. (In Russ.)

Критерии авторства

Сидорова Н.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: s509771@yandex.ru

Willer A. (2004) Individuality of the brand. A guide to creating, promoting and supporting strong brands. Moscow: Alpina Biznes Buks. 235 p. (In Russ.)
Frolova O. (2008). YuUPI: brand anatomy. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. No. 12. P. 96–99. (In Russ.)
Khokhrin E.V. (2004) Mechanisms of the corporate style formation in a large scientific and educational institution. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* = Publishers of Irkutsk National Research Technical University. No. 4 (20). P. 106–112. (In Russ.)
Chernykh A.V. (2012) In search of the lost rating. *Kommer-sant Vlast* = Kommersant Power. No. 12. P. 22–24. (In Russ.)

Attribution criteria

Sidorova N.V. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author claims no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Sidorova Natalia Vasilievna, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russia,
✉ e-mail: s509771@yandex.ru

Феномен социальной компетентности в условиях режима самоизоляции в период пандемии COVID-19

© Е.Н. Струк

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье анализируются особенности социальной компетентности в период пандемии коронавируса. Автор отмечает, что ключевым моментом борьбы с пандемией COVID-19 является уменьшение циркуляции людей на улицах и в общественных коллективных пространствах. Анализ исследований из разных стран показал, что большинство граждан вносят свой вклад в эту цель, так как считают, что стратегия изоляции будет эффективной для предотвращения распространения эпидемии и сокращения числа жертв COVID-19. В работе указывается, что степень поддержки мер изоляции коррелирует с продолжительностью их введения, а также социальными возможностями и занятостью. Целью данной статьи является социологический анализ социальной компетентности граждан в условиях режима самоизоляции. Используемые методы включают основные общенаучные методы познания, такие как анализ и синтез, научное обобщение, эмпирические методы: вторичный анализ данных и сравнительный анализ данных различных исследований, проведенных в разных регионах мира с февраля по май 2020 года. Проведенный анализ касается не только общей ситуации в мире, но и обстановке в Иркутской области. Автор отмечает рост панических настроений среди граждан в связи с увеличением количества заболевших. А также отмечает противоречивую тенденцию роста количества ковид-диссидентов в регионе. В статье отмечается, что нынешняя эпидемия COVID-19 является ярким напоминанием о нашей постоянной подверженности риску пандемических вспышек. Чтобы подготовиться к пандемиям и более эффективно реагировать на них, нам необходимо создать не только механизмы принятия решений, которые были бы эффективными, справедливыми и прозрачными, но и сформировали такой тип социальной компетентности, который бы позволял чиновникам и гражданам быстро перестраивать свою деятельность в период пандемий, без потери статуса и кардинального изменения социальных ролей.

Ключевые слова: социальная компетентность, социальная некомпетентность, самоизоляция, пандемия, ковид-диссиденты, COVID-19

Информация о статье: Дата поступления 24 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 01 июня 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2020 г.

Для цитирования: Струк Е.Н. Феномен социальной компетентности в условиях режима самоизоляции в период пандемии COVID-19 // *Социальная компетентность*. 2020. Т. 5. № 2. С. 271–280.

The phenomenon of social competence in a self-isolation regime during the COVID-19 pandemic

© Elena N. Struk

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article analyzes the features of social competence during the period of the coronavirus pandemic. The author notes that the key point in the fight against the COVID-19 pandemic is to reduce the circulation of people on the streets and in public collective spaces. The analysis of studies from different countries has shown that most citizens contribute to this goal, since they believe that the isolation strategy will be effective in preventing the spread of the epidemic and reducing the number of COVID-19 victims. The article states that the degree of support for isolation measures correlates with the duration of their introduction, as well as social opportunities and employment. The purpose of the article is a sociological analysis of the social competence of citizens in the conditions of self-isolation. The methods used include the basic general scientific methods of cognition, such as analysis and synthesis; scientific generalization; empirical methods: secondary data analysis and comparative analysis of data from various studies conducted in different regions of the world from February to May 2020. The analysis carried out concerns not only the general situation in the world, but also that in the Irkutsk region. The author notes the increase in panic attacks among citizens due to the increase in the number of affected people and a contradictory trend of growth in the number of Covid dissidents in the region. The article notes that the current COVID-19 epidemic is a vivid reminder of our ongoing exposure to pandemic outbreaks. In order to prepare for pandemics and respond more effectively to them, we need to create not only effective, fair and transparent decision-making mechanisms, but also create a type of social competence that allows officials and citizens quickly restructure their activities during pandemics without loss of status and a fundamental change in social roles.

Keywords: social competence, social incompetence, self-isolation, pandemic, covid dissidents, COVID-19

Article info: Received April 24, 2020; accepted June 01, 2020; available online June 30, 2020.

For citation: Struk E.N. (2020) The phenomenon of social competence in a self-isolation regime during the COVID-19 pandemic. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 2. Pp. 271–280. (In Russ.)

Введение

В декабре 2019 года в китайском городе Ухане были зарегистрированы случаи заражения новым коронавирусом тяжелого острого респираторного синдрома. Вирус, первоначально названный SARS-CoV-2, быстро распространился по всему Китаю и за его пределами. С 12 февраля 2020 года болезнь, вызванная этим вирусом, была названа коронавирусной болезнью 2019 года (COVID-19), а Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию, которая определяется как «эпидемия, происходящая на очень широкой территории, пересекающая международные границы и обычно поражающая большое количество людей» (Ласта, 2009. С. 160). По состоянию на 13 июня 2020 года в 215 территориях и странах было зарегистрировано 7 553 182 подтвержденных случаев заболевания¹, в том числе в Российской Федерации зарегистрировано 520 129 подтвержденных случаев заболевания². В это же время в Иркутской области заболевшими COVID-19 признаны 4 122 человека³.

Социальные изменения, вызванные пандемией COVID-19, представляют значительный интерес для социологического анализа, т.к. еще никогда в истории не предпринимались столь значительные меры противодействия эпидемии. 30 января 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила вспышку COVID-19 глобальной чрезвычайной ситуацией (Sohrabi, 2020), а правительства большинства стран мира ввели принудительные защитные меры: закрытия границ, ограничения на поездки, запрет на собрания, карантин и самоизоляцию (Coronavirus, 2020).

¹ Информационная панель ВОЗ по коронавирусной болезни (COVID-19). [Электронный ресурс]. URL: <https://covid19.who.int/> (13.06.2020).

² Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро URL: <https://who.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/a19d5d1f86ee4d99b013eed5f637232d> (13.06.2020)

³ Материалы сайта «Твой Иркутск». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.ru/news/20200613/new/> (13.06.2020).

Людам, которые, возможно, подверглись воздействию COVID-19, предписывается подвергать себя домашнему карантину в течение как минимум четырнадцати дней, что препятствует их тесному взаимодействию с другими людьми, а также посещению рабочего или иного общественного места. Такая практика началась еще в XIV веке в ответ на «Черную смерть» и продолжается сегодня (Maskowiak and Sehdev, 2002). Карантин и социальное дистанцирование (например, запрет на массовые собрания) во время пандемии гриппа 1918 года снизили уровень распространения и смертности, особенно при внедрении на ранних стадиях пандемии (Bootsma and Ferguson, 2007). Согласно законодательству Российской Федерации карантин – это «ограничительные мероприятия, вводимые в случае угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний»⁴. Человеку, который находится на карантине, строго запрещается выходить из дома, а остальным гражданам рекомендован режим самоизоляции, который является одним из основных компонентов, предпринимаемых органами власти ограничений в разных странах. Данный режим, согласно законодательству Российской Федерации, представляет собой комплекс ограничительных мер, таких как запрет на выход из дома, за исключением обращения за неотложной медицинской помощью, поездок на работу, совершения покупок в ближайшем магазине или аптеке, выноса мусора, выгула домашних животных на расстоянии, не превышающем сто метров от места проживания, которые вводит правительство РФ или глава субъекта РФ на определенный срок для ограничения распространения опасного заболевания⁵. Право принимать

⁴ Федеральный закон от 30.03.1999 N 52-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481 (дата обращения 10.06.2020).

⁵ Что значит режим самоизоляции для всех с юридической точки зрения. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200408/1569764617.html> 5 (дата обращения 10.06.2020).

решение о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, а также устанавливать обязательные правила поведения предоставлено Правительству РФ⁶, которое Постановлением от 02.04.2020 № 417, утвердило Правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации⁷. 29 марта 2020 года правительства Москвы и Московской области ввели режим самоизоляции, а начиная с 30 марта 2020 года, по рекомендации премьер-министр Михаила Мишустина, аналогичные меры стали вводить и другие регионы Российской Федерации. Принятие таких мер по борьбе с пандемией стало серьезным испытанием для российского общества.

В результате введения режима самоизоляции гражданам пришлось спешно усваивать новые нормы человеческого общежития и адаптироваться к изменившейся реальности. В создавшихся условиях необходимо с новых позиций осмыслить сущность феномена социальной компетентности, определить степень его влияния на процесс взаимодействия индивида с другими людьми в условиях самоизоляции, выявить особенности данного взаимодействия и определить дальнейшие результаты для человека и для общества. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена потребностью в осмыслении сложившегося состояния общества, связанного с нестабильной социальной ситуацией, вызванной пандемией коронавируса. В связи с этим целью данной статьи является социологический анализ феномена социальной компетентности в условиях режима самоизоляции в период пандемии COVID-19.

⁶ Федеральный закон от 01.04.2020 N 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/ (дата обращения 10.06.2020).

⁷ Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 N 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73741778/> (дата обращения 10.06.2020).

Методы

Методологическая основа исследования включает принципы системно-структурного подхода, компаративный подход, основные общенаучные методы познания, такие как анализ и синтез, научное обобщение, эмпирические методы: вторичный и сравнительный анализ данных.

Результаты

Анализируя поведение граждан в сложившихся условиях пандемии и принятых для борьбы с ней мер, необходимо прояснить не только понятие самоизоляции, рассмотренное выше, но и понятие социальной компетентности, которое представляется автору статьи значительным для анализа происходящих событий. Гончаров С.З., разграничив термины «компетенция» и «компетентность», дает их следующее толкование: компетенция – это полномочия, обязанности и права, предоставляемые законом, иным нормативным актом государственному органу или должностному лицу, а компетентность – это соответствие способностей и умений субъекта осуществлять компетенцию. Компетенция есть разрешенная законом форма властвования. Компетентность же есть действительное качество субъекта, которым он может обладать и без компетенции (Гончаров, 2004. С. 7–8).

В изучении феномена социальной компетентности, по мнению, И.Г. Долинина, Л.С. Бороненкова можно выделить пять периодов. Первый (1969–1995 г.), второй (1994–1999 г.), третий (2000–2005 г.), четвертый (2006–2011 г.), пятый период (2012–...) (Долинина, 2015). Если в первом периоде социальная компетентность являлась предметом изучения психологии (М. Аргайл, Н.В. Казаринова, В.Н. Куницына, К. Рубин и Л. Роуз-Крэснор, У. Пфингстен и Р. Хинтч, Г.И. Марасанов, Л.А. Петровская В.М. Погольша и др.), то начиная со второго периода, данный феномен стал активно анализироваться в социологии, в рамках органистического, деятельностного, институционального, компетентностного, системного подходов.

В результате анализа различных исследовательских способов интерпретации понятия социальная компетентность И.Г. Долинина, Л.С. Бороненкова предложили определять ее как «интегративной ха-

рактические характеристики личности, определяющей готовность и способы осуществления активной деятельности в общественной жизни на основе усвоенных знаний, сформированности гражданской позиции и полученного социального опыта» (Долинина, 2015). При этом она истолковывается «как установленный, высший уровень адаптации личности, позволяющий ей качественно выполнять собственные социальные роли» (Шишов, 2000. С. 63). С.Е. Шишов, В.А. Кальней отмечают, что компетенция не может быть определена через сумму знаний и умений, так как значительная роль в ее проявлении принадлежит обстоятельствам. Быть компетентным означает умение мобилизовать в данной ситуации полученные знания и опыт (Шишов, Кальней, 2000. С. 63).

Следует отметить, что социальная компетентность выражает только позитивную степень освоения сферы социальных отношений, как особую форму социальной зрелости человека, подкрепленную умением использовать необходимые социальные технологии, что позволяет рассматривать социальную компетентность как важную составляющую адаптационного потенциала личности. При этом наличие социальной компетентности не только наделяет человека способностью к адаптации, но и к деятельному преобразованию социальной практики. «В общем виде социальная компетентность понимается, как способность принимать эффективные решения, необходимые для прогрессивного развития социальной системы. Она может быть ориентирована как на конкретные социальные группы или социум в целом, так и на отдельного человека» (Зобов, 2009. С. 29).

Социальная компетентность характеризуется следующими компонентами: проявление личностного свойства в деятельности, поведении человека; знание средств, способов, программ выполнения действий, решения социальных и профессиональных задач, реализации правил и норм поведения, что является содержанием компетенций; опыт реализации знаний, умений; ценностно-смысловым отношением к содержанию компетенции, его личностной значимостью; эмоционально-волевая регуляция как способность адекватно ситуациям социального и профес-

сионального взаимодействия регулировать проявления компетентности (Цыбуленко, 2017. С. 65). «Среди индикаторов социальной компетентности, говоря о человеке, можно назвать такие как скорость и темп адаптации к разнообразным ситуациям, адекватность его социальной рефлексии, умение изменять позицию, инициативность, способность по иному смотреть на ситуацию, учитывать собственные ошибки и оценивать инновации, а также адекватно представлять перспективы развития самого себя, своей ближайшей социальной группы и т. д.» (Зобов, 2009. С. 30). Таким образом, основными задачами которые решаются с помощью социальной компетентности являются:

- способность индивида эффективно разрешать различные проблемные ситуации, с которыми он сталкивается в течение всей жизни;
- способность участвовать в различных социальных взаимодействиях;
- способность эффективно организовывать данные взаимодействия для достижения совместных и личных целей в различных условиях, с различными средствами;
- способность оценить и использовать ресурсы свои и своего социального окружения с целью достижения необходимых результатов;
- «итоговым показателем социальной компетентности является социальная синергия – умение человека согласовывать интересы личные и общие, корпоративно-профессиональные и государственные, кооперировать личные усилия с усилиями других, сотрудничать, работать в коллективе» (Гончаров, 2004. С. 10–11).

Скорость распространения коронавируса показывает нам, насколько люди зависимы друг от друга. Насколько действия одних влияют на жизнь и здоровье других. Введение режима самоизоляции на законодательном уровне объявлено эффективным средством замедления распространения заболеваемости во время пандемии. Однако, властные структуры имеют ограниченные возможности для обеспечения соблюдения и контроля этой меры, и поэтому эффект от самоизоляции может быть достигнут только в том случае, если население будет сотрудничать с властью.

Любопытно, что в самом начале объявления режима самоизоляции население, практически во всех странах мира его поддержало, например, в первый день доступа к мобильному приложению по отслеживанию контактов его добровольно скачали и установили в Норвегии 730 тыс. жителей, трафик в Швеции путешествия в пасхальные каникулы сократился на 90 % (подробнее ознакомиться с поведением людей в начале пандемии можно в докладе НИУ ВШЭ «Рывок или фальстарт? Выход из карантина по коронавирусу весной 2020 года (опыт 30 стран)», 2020 г.) (Жулин, Маслов, Бордачев, 2020). В Израиле проведенное исследование 534 человек показало, что 69 % граждан положительно отнеслось к введению режима самоизоляции, т. к. полагают, что данная мера поможет сдержать болезнь. Однако в дальнейшем основным препятствием для соблюдения такого режима явилось беспокойство по поводу потери дохода в результате длительного отсутствия на работе. Респондентам было предложено сообщить о своем намерении соблюдать самоизоляцию при двух обстоятельствах. Когда предполагалась государственная компенсация за потерянную заработную плату, 94 % респондентов указали, что они будут соблюдать предписанную двухнедельную самоизоляцию, Только 0,7 % ответили, что они не будут подчиняться. Однако, когда денежная компенсация была снята, уровень соблюдения требований снизился до 57 %, и 11 % соответственно (Bodas, 2020).

Население Бразилии также поддержало и присоединилось к движению социальной изоляции, чтобы предотвратить COVID-19 и сотрудничать с властью в смягчении кривой заражения в стране (Garcia 2020). В начале апреля 2020 года 76 % бразильцев выступали за изоляцию (Datafolha, 2020). Результаты опроса общественного мнения (16 440 респондентов), проведенного в Бразилии по вопросу о восприятии социальной изоляции во время пандемии COVID-19, показали, что 89 % людей считают, что изоляция уменьшает количество жертв COVID-19, в то время как 8 % не уверены, и только 3 % ответили, что изоляция не может уменьшить количество жертв COVID-19 (Bezerra, 2020).

В Иркутской области с 18 марта действует режим повышенной готовности для предотвращения распространения коронавирусной инфекции, все рекомендации носят рекомендательный характер. 27 марта 2020 года был подтвержден первый случай коронавируса, а с 31 марта введен режим самоизоляции, когда было подтверждено 3 случая заболевания коронавирусной инфекцией⁸.

В результате принятых ограничительных мер социальное общение переместилось в социальные сети, где человек может свободно общаться в Интернете, в автономном режиме. В Иркутской области до конца апреля в них царил почти благостная обстановка, вирус скорее вызывает любопытство и деятельность властей тоже. В качестве проблем, обсуждаемых в группах: число зараженных вирусом, принимаемые меры, поведение людей на улицах, и др. При этом в рамках комментариев в коммуникацию вступают адресанты, представляющие противоположные точки зрения и открыто вступающие в дискуссию. Тон дискуссий скорее благостно-шутливый, чем испугано-серьезный. Однако, с ростом количества заболевших и негативных последствий тон комментариев к новостным сообщениям меняется: *«Подоспела вечерняя фронтовая сводка... Ничего хорошего»* (Вовчик, сайт «Твой Иркутск», 20.04.2020), *«У меня по поводу этой самоизоляции только м...е слова остались. Особенно когда кто-то начинает говорить, что это надо продолжать»* (Марина, сайт «Твой Иркутск», 21.04.2020), *«Ради интереса выглянул в окно: ни одного ребенка на детской площадке, ни одного прохожего»* (Jerônimo, сайт «Твой Иркутск», 05.05.2020), *«Да все уже давно наплевали на вашу изоляцию и я в том числе. Давно»* (Виктор Макаров, сайт «Твой Иркутск», 20.05.2020).

В начале июня в Иркутской области начался резкий рост заболеваемости коронавирусом, все больше стало появляться сообщений, в которых граждане возмущаются теми, кто не соблюдает масочный ре-

⁸ Режим полной самоизоляции ввели в Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8125181> (дата обращения 10.06.2020).

жим: «Заболевших всё больше и больше. И все больше и больше открывается учреждений, магазинов, ТЦ и прочего» (Marsella, сайт «Твой Иркутск», 11.06.2020), «Люди!!! Берегите себя и окружающих!! Вчера поехал на рынок за необходимыми покупками. Народу в трамвае - МНОГО. И половина без МАСОК... Как это? Как это? Как ЭТО!!!» (Птица Говорун, сайт «Твой Иркутск», 13.06.2020), «Социальную дистанцию плохо соблюдают – факт. В очереди толпятся, напирают, норовят вперед пройти. Странные люди. В маршрутках без масок почти все» (Marina Nikolaevna, сайт «Твой Иркутск», 16.06.2020).

Таким образом, чем выше заболеваемость, чем продолжительнее режим самоизоляции, тем больше у людей проявляется стресс, растет недовольство, появляются панические настроения. Так в Италии было выявлено, что население не готово к долговременной самоизоляции (Briscese, 2020). В Англии определили то, что люди с более низким доходом имеют в три раза меньшую вероятность практиковать длительную самоизоляцию (Atchimson, 2020).

Компанией ЦСП «Платформа» и Online Market Intelligence, в рамках работы «Социологического антикризисного центра», было проведено исследование по оценке социальных последствий пандемии COVID-19. Данные, собранные в ходе опроса, свидетельствуют, что в результате самоизоляции произошло резкое ограничение социальных контактов значительной части россиян, большинство из которых (59 %) не могут встречаться даже с друзьями и родственниками, а 12 % оказались разделенными с собственной семьей. 21 % опрошенных граждан, находящихся на самоизоляции, указали, что у них возникли психологические проблемы, сильная подавленность, стресс; 8 % отметили ухудшение здоровья, обострение хронических заболеваний; 7 % респондентов констатировали, что стали употреблять алкоголь больше, чем прежде. Многие россияне, оказавшиеся на самоизоляции, объективно нуждаются в материальной и иной поддержке (не все граждане могут покинуть квартиры или заказывать все необходимые им товары и услуги онлайн). Что касается помощи со стороны государства, то она в

силу определенных причин доходит не до всех нуждающихся в соответствующей поддержке: в соответствии с данными социологического антикризисного центра доля граждан, получивших какую-либо поддержку, составляет всего 15 % от льготных категорий (значительная часть респондентов испытывает трудности с оформлением, сбором документов, сталкивается со сбоями в работе сайтов, через которые осуществляется дистанционная подача заявок). Здесь существует закономерность, связанная с тем, что лица, сильнее всего нуждающиеся в помощи, нередко сталкиваются с наибольшими сложностями в процессе ее получения, поскольку для этого необходимы дополнительные усилия, определенная юридическая грамотность, время и т. д. В настоящее время получение помощи также оказывается сопряженным не только с традиционными бюрократическими барьерами, возникающими в процессе оформления документов, но и с необходимостью освоения новых для значительной части граждан цифровых инструментов⁹.

Н.В. Сидячева и Л.Э. Зотова, опросив 61 студента Московского государственного областного университета, выявили, что в период вынужденной самоизоляции часть студентов испытывает чувство одиночества, большая часть указывает на недостаток «живого» общения, ярко выраженную эмоциональную дестабилизацию, отмечает ухудшение физического состояния (Сидячева, 2020. С. 220–225).

В исследовании ученых из Instituto Federal de Educação Ciência e Tecnologia de Pernambuco (Бразилия) получены данные, что для 39 % респондентов социальное взаимодействие является основным аспектом, на который влияет изоляция, 24 % респондентов отметили финансовый аспект как наиболее действенный, 19 % сообщили, что изоляция не вызывает какого-либо воздействия и 10 % указывают на другие факторы, на которые воздействуют, только 8 % связывают основное воздействие со своим здоровьем (Bezerra, 2020).

⁹ Исследование социальных эффектов пандемии COVID-19. Сводка #7. Дата выпуска 21.04.2020 г. Социологический антикризисный центр. [Электронный ресурс]. URL: www.pitf.ru (дата обращения 25.05.2020).

Итак, чем выше заболеваемость, тем больше у людей появляется панических настроений, но когда принятые меры не дают видимых положительных результатов (количество заражений только увеличивается), а негативные последствия начинают проявляться, то возникает довольно многочисленное движение так называемых covidiot (COVID-19 + идиот) (Urban Dictionary, 2020). Так называют людей, которые игнорируют предупреждения, касающиеся общественного здоровья или безопасности, или наоборот, паникуют и начинают скупать различные товары. Так covidiot assembler (Urban Dictionary, 2020) – это человек, который поощряет общественные собрания во время пандемии; covidaphobe – накапливают товары, отказывая в них другим людям; superspreader – не только сам не соблюдает режим карантина и самоизоляции, но и активно призывает других следовать его примеру. В России, название ковид-идиот не прижилось, они именуются короновирусными (ковид) диссидентами. В Иркутске такие граждане даже придумали себе самоназвание – шляющиеся иркутчане, в отличие, от сидящих дома иркутян. В социальных сетях также часто используется термин коронабесие, который означает истерию по поводу опасности нового вируса в СМИ.

На наш взгляд, довольно любопытно, что термин ковид-идиоты не прижился в России. Само слово идиот, относится к личности человека и характеризует его как тупого, несведущего в различных делах, т. е. ковид-идиот, он просто не способен разобраться в нынешней ситуации, поэтому совершает глупые и нелепые поступки. Ковид-диссидент, человек совершенно другого склада. Диссидент – это инакомыслящий (мыслящий!!!), выступающий против навязываемого всем мнения. Таким образом, ковид-диссидент – это человек, который изучив и проанализировав сложившуюся с распространением короновируса ситуацию, имеет отличное от общепринятого мнение. А так как все принимаемые меры борьбы с вирусом исходили от государственных структур, то ковид-диссидентство приобрело оттенок несогласия с решением властей. По данным исследования, проведенного социологами Высшей школы эконо-

мики, 23,2 % россиян (в исследовании приняли участие более тридцати тысяч человек из всех регионов) полагают, что пандемию выдумали. Еще 9,6 % считают опасность преувеличенной. Больше всего скептиков живет в Южном федеральном округе (41,1%)¹⁰.

В Иркутской области также немало ковид-диссидентов, например, на популярном информационном сайте Иркутской области («Твой Иркутск») регулярно встречаются сообщения подобные этим: «Да хватит паники, 25 человек за сутки на 2.5 миллиона жителей области это 0.001 %. Супер пандемия! Никакой геометрической прогрессии по приросту не наблюдается» (Копец, сайт «Твой Иркутск», 10.05.2020), «Поеду на автобусе за город шашлыки жарить, жара на улице». (Александр Купитман, сайт «Твой Иркутск», 10.05.2020).

Обсуждение

Следует отметить, что новые инфекции, которые могут иметь серьезные последствия, появляются всегда. С середины 1970-х годов было выявлено не менее 20 совершенно новых и смертельных инфекционных заболеваний, а вероятность пандемий, которые являются масштабными вспышками инфекционных заболеваний, могущими значительно увеличить заболеваемость и смертность в широком географическом регионе и привести к значительным экономическим, социальным и политическим нарушениям, возросла за последнее столетие из-за увеличения масштабов глобальных путешествий и интеграции, урбанизации, изменений в землепользовании и более широкого использования природной среды (Jones, 2008).

Проанализировав различные исследования и опираясь на собственный опыт наблюдений, мы можем утверждать, что жители разных стран склонны подчиняться правительственным предписаниям. Они демонстрируют высокий уровень доверия к инструкциям государственных органов и соблюдают целый ряд нормативных актов, в том числе сообщают о беспорядках среди

¹⁰ Четверть россиян считает эпидемию коронавируса выдумкой [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200528/1572097605.html> (дата обращения 03.06.2020).

людей, нарушающих самоизоляцию, подерживают соблюдение ее правил и принимают наказательные меры против тех, кто их не соблюдает. Однако, оказавшись в ситуации серьезного изменения своей жизни, многие продемонстрировали слабую социальную компетентность и возложили ответственность за социальные последствия принимаемых решений на властные структуры. Таким образом, лица, принимающие решения, должны иметь более широкий взгляд на сложившуюся ситуацию, обладать не только компетенциями, но и компетентностью при принятии решений. В частности, система информирования населения о пандемии должна быть четкой и прозрачной, иначе путаница из всевозможных методик подсчетов количества выявленных, заболевших, умерших, содержания различных сообщений от государственных органов из-за плохой координации между ними, создают путаницу в отношении цели карантина и выступают в качестве фактора стресса во время пандемии.

Чиновники должны учитывать озабоченность людей по поводу их средств к существованию. Исследования пандемий XXI века показали, что недостаток базовых вещей: еды, воды, одежды или жилья во время самоизоляции были источником разочарования и недовольства властью и через 4–6 месяцев после окончания изоляции (Wilken, 2017). Таким образом, если этот аспект будет проигнорирован, то государственные

служащие рискуют проиграть дважды: во-первых, снижая эффективность своих мер по сдерживанию распространения болезни, побуждая людей не прибегать к самоизоляции; а во-вторых, теряя доверие граждан. А слабо выраженная социальная компетентность приводит к негативным последствиям как для отдельного человека, так и для общества в целом (Зобов, 2009. С. 31).

Заключение

Обязательная социальная изоляция/самоизоляция должна основываться на принципах: прозрачности, необходимости, разумности и эффективности, распределительного правосудия, пропорциональности и взаимности (Singh, 2020. Р. 454). При этом следует учитывать, что меры по борьбе с пандемией оказывают неодинаковое воздействие на разные группы людей, а это, в свою очередь, требует понимания, как общество воспринимает стратегию социальной изоляции и как она влияет на жизнь людей. Также важно определить, как последствия изоляции отражаются в различных слоях общества, будь то из-за дохода, пола, образования, жилищных условий и т. д. Таким образом, можно будет определить стратегии формирования социальной компетентности, при которой граждане не испытывают разочарование, повышенной тревожности, связанные с самоизоляцией, а быстро перенастраивают свою жизнь в условиях пандемии.

Библиографический список

Гончаров С.З. Социальная компетентность личности: сущность, структура, критерии и значение // Образование и наука. 2004. № 2 (26) С. 3–18.
Долинина И.Г., Бороненкова Л.С. Современные подходы к определению понятия социальная компетентность // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3.
Жулин А.Б. Маслов А.А., Бордачев Т.В. Рывок или фальстарт? Выход из карантина по коронавирусу весной 2020 года (опыт 30 стран): материалы XXI международной научно-практической конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, апрель 2020 г.). Высшая школа экономики. М.: Издательский дом «Высшей школы экономики», 2020. 260 с.
Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Социальная компетентность/инкомпетентность в современном обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 12. Вып. 4. С. 28–37.
Ласта Д.М. Пандемия // Эпидемиологический сло-

варь. М.: Открытый Институт Здоровья, 2009. 316 с.
Сидячева Н.В., Зотова Л.Э. Ситуация вынужденной самоизоляции в период пандемии: психологический и академический аспекты // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 5. С. 218–225.
Цыбуленко О.П. Социальная компетентность как фактор психологического благополучия // Научный Вестник государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2017. № 3. С. 63–66.
Шишов С.Е., Кальней В.А. Школа: мониторинг качества образования. М.: Педагогическое общество России, 2000. 320 с.
Atchimson C., Bowman L., Vrinten C., Redd R., Pristera P., Eaton J.W., Ward H. Perceptions and behavioural responses of the general public during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional survey of UK Adults. 2020. [Электронный ресурс]. URL:

<https://europepmc.org/article/ppr/ppr138702> (дата обращения 05.06.2020).

Bezerra A.C.V., da Silva C.E.M., Soares F.R.G. Factors associated with people's behavior in social isolation during the COVID-19 pandemic // *Ciência & Saúde Coletiva*. 2020. No. 25. P. 2411–2421.

Bodas M., Peleg K. Self-Isolation Compliance In The COVID-19 Era Influenced By Compensation: Findings From A Recent Survey In Israel // *Health Affairs*. 2020. Vol. 39. No. 6. P. 936–941.

Bootsma M.C.J., Ferguson N.M. The Effect of Public Health Measures on the 1918 Influenza Pandemic in U.S. Cities // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. Vol. 104. No.18. P. 7588–7593.

Briscese G., Lacetera N., Macis S.M, Tonin M. Compliance with covid-19 social-distancing measures in italy: the role of expectations and duration. Cambridge: NBER Working Paper Series, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nber.org/papers/w26917> (дата обращения 03.06.2020).

Coronavirus: travel restrictions, border shut downs by country Coronavirus pandemic News, Al Jazeera. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/03/coronavirus-travel-restrictionsborder-shutdowns-country-200318091505922.html> (дата обращения 14.06.2020).

Covidiot assembler // Urban Dictionary онлайн-словарь англоязычного сленга [Электронный ресурс] URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=covidiot+assembler> (дата обращения 25.05.2020).

Covidiot // Urban Dictionary онлайн-словарь англоязычного сленга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Covidiot> (дата обращения 25.05.2020).

Datafolha. Opinião sobre a pandemia do Coronavírus: comportamento da população e medidas do governo. São Paulo, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://media.folha.uol.com.br/datafolha/2020/04/06/6c9855d692b869f13c5d83c421568342hb.pdf> (дата обращения 03.06.2020).

Garcia L.P, Duarte E. Intervenções não farmacológicas para o enfrentamento à epidemia da COVID-19 no Brasil // *Epidemiologia e Serviços de Saúde* 2020 № 29(2):e2020222 [Электронный ресурс]. URL: https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2237-96222020000200100&lng=pt&nrm=iso&tlng=pt (дата обращения 01.06.2020).

Jones K.E., Patel N.G., Levy M.A., Storeygard A., Balk D. Global Trends in Emerging Infectious Diseases // *Nature*. 2008. Vol. 451. No. 7181. P. 990–993.

Mackowiak P.A., Sehdev P.S. The Origin of Quarantine // *Clinical Infectious Diseases*. 2002. Vol. 35. No. 9. P. 1071–1072.

Singh J.A. COVID-19: Science and global health governance under attack // *South African Medical Journal*. 2020. Vol. 110. No. 6. P. 453–455.

Sohrabi C., Alsafi Z., O'Neill N., Khan M., Kerwan A., Al-Jabir A. World Health Organization declares global emergency: are view of the 2019 novel coronavirus (COVID-19) // *International Journal of Surgery*. 2020. P. 76. P. 71–76.

Wilken J., Pordell P., Goode B., Jarteh R., Miller Z., Saygar B.G., Maximore L., Borbor Wm., Carmue M., Walker Gw., Yeiah A.. Knowledge, attitudes, and practices among members of households actively monitored or quarantined to prevent transmission of ebola virus disease-margibi county, liberia: February-march 2015 // *Prehospital and Disaster Medicine*. 2017. Vol. 32. No.6. P. 673–678.

References

Goncharov S.Z. (2004) Social competence of an individual: essence, structure, criteria and significance. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. No. 2 (26). P. 3–18. (In Russ.)

Dolinina I.G., Boronenkova L.S. (2015) Modern approaches to the definition of social competence. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. No. 3. (In Russ.)

Zhulin A.B. Maslov A.A., Bordachev T.V. (2020) Jerk or false start? The exit from coronavirus quarantine in the spring of 2020 (experience of 30 countries). *Materialy XXI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva (Moscow, april' 2020 g) = Proceedings of the XXI international scientific-practical conference on the issues of economic and social development (Moscow, April 2020)*. Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics. 260 p. (In Russ.)

Zobov R.A., Kelas'ev V.N. (2009) Social competence / incompetence in modern society. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Vestnik of Saint Petersburg University*. Series 12. Iss.4. P. 28–37. (In Russ.)

Lasta D.M. (2009) *Pandemic*. Epidemiological Dictionary. Moscow: Otkrytyi Institut Zdorov'ya, 316 p. (In Russ.)

Sidyacheva N.V., Zotova L.E. (2020) The situation of constrained self-isolation during a pandemic: psychological

and academic aspects. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern knowledge-intensive technologies*. No. 5. P. 218–225. (In Russ.)

Tsybulenko O.P. (2017) Social competence as a factor of psychological well-being. *Nauchnyi Vestnik gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya «Nevinnomysskii gosudarstvennyi gumanitarno-tekhnicheskii institut» = Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education "Nevinnomyssk State Humanitarian-Technical Institute"*. No. 3. P. 63–66. (In Russ.)

Shishov S.E., Kal'nei V.A. (2000) School: monitoring the quality of education. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii. 320 p. (In Russ.)

Atchimson C., Bowman L., Vrinten C., Redd R., Pristera P., Eaton J.W., Ward H. (2020) Perceptions and behavioural responses of the general public during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional survey of UK Adults. Available from: <https://europepmc.org/article/ppr/ppr138702> (accessed: 05.06.2020).

Bezerra A.C.V., da Silva C.E.M., Soares F.R.G. (2020) Factors associated with people's behavior in social isolation during the COVID-19 pandemic. *Ciência & Saúde Coletiva*. No. 25. P. 2411–2421.

Bodas M., Peleg K. (2020) Self-Isolation Compliance In The COVID-19 Era Influenced By Compensation: Findings From A Recent Survey In Israel. *Health Affairs*. Vol. 39. No. 6. P. 936–941.

Bootsma M.C.J., Ferguson N.M. (2007) The Effect of Public Health Measures on the 1918 Influenza Pandemic in U.S. Cities. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 104. No.18. P. 7588–7593.

Briscese G., Lacetera N., Macis S.M., Tonin M. (2020) Compliance with covid-19 social-distancing measures in Italy: the role of expectations and duration. *Cambridge: NBER Working Paper Series*. Available from: <http://www.nber.org/papers/w26917> (accessed: 03.06.2020).

Coronavirus: travel restrictions, border shut downs by country *Coronavirus pandemic News*, Al Jazeera. 2020. Available from: <https://www.aljazeera.com/news/2020/03/coronavirus-travel-restrictionsborder-shutdowns-country-200318091505922.html> (accessed: 14.06.2020).

Covidiot assembler. *Urban Dictionary*. Available from: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=covidiot+assembler> (accessed: 25.05.2020).

Covidiot. *Urban Dictionary*. Available from: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Covidiot> (accessed: 25.05.2020).

Datafolha. *Opinião sobre a pandemia do Coronavírus: comportamento da população e medidas do governo*. São Paulo, 2020. Available from: <http://media.folha.uol.com.br/datafolha/2020/04/06/6c9855d692b869f13c5d83c421568342hb.pdf> (accessed: 03.06.2020).

Garcia L.P., Duarte E. (2020) Intervenções não farmacológicas para o enfrentamento à epidemia da COVID-19 no Brasil. *Epidemiologia e Serviços de Saúde*. No. 29 (2):e2020222. Available from: https://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S223796222020000200100&lng=pt&nrm=iso&tlng=pt (accessed: 01.06.2020).

Jones K.E., Patel N.G., Levy M.A., Storeygard A., Balk D. (2008) Global Trends in Emerging Infectious Diseases. *Nature*. Vol. 451. No. 7181. P. 990–993.

Mackowiak P.A., Sehdev P.S. (2002) The Origin of Quarantine. *Clinical Infectious Diseases*. Vol. 35. No. 9. P. 1071–1072.

Singh J.A. (2020) COVID-19: Science and global health governance under attack. *South African Medical Journal*. Vol. 110. No. 6. P. 453–455.

Sohrabi C., Alsafi Z., O'Neill N., Khan M., Kerwan A., Al-Jabir A. (2020) World Health Organization declares global emergency: are view of the 2019 novel coronavirus (COVID-19). *International Journal of Surgery*. No. 76. P. 71–76.

Wilken J., Pordell P., Goode B., Jarteh R., Miller Z., Saygar B.G., Maximore L., Borbor Wm., Carmue M., Walker Gw., Yeiah A. (2017) Knowledge, attitudes, and practices among members of households actively monitored or quarantined to prevent transmission of ebola virus disease-margibi county, liberia: February-march 2015 // *Prehospital and Disaster Medicine*. Vol. 32. No. 6. P. 673–678.

Критерии авторства

Струк Е.Н. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, ведущая кафедра социологии и психологии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, ✉ e-mail: struken@rambler.ru

Attribution criteria

Struk E.N. has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author claims no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Information about the author

Struk Elena Nikolaevna, Doctor of Philosophy, Head of Department of Sociology and Psychology, Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russia, ✉ e-mail: struken@rambler.ru

Том 5 № 2
2020

SOCI@COM

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

сетевое издание № 2 2020

Сетевое издание зарегистрировано 26.12.2017
(Свидетельство Роскомнадзора о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-72033).

Главный редактор Е.Н. Струк

Редактор Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции:
664074, г. Иркутск,
ул. 4-ая Железнодорожная, 159, ауд. 104.
E-mail: sociacom@mail.ru
Тел./факс 8(3952) 405-442

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»